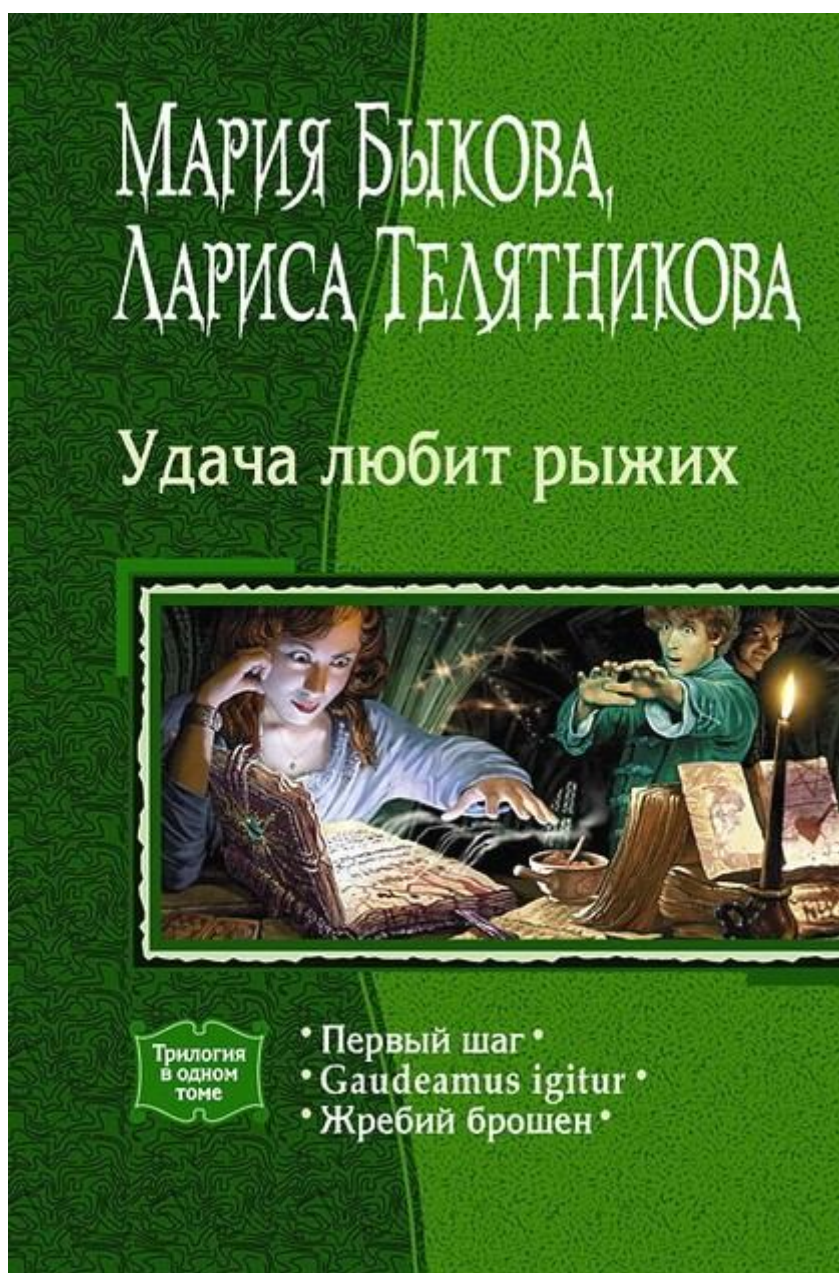

Мария Быкова Лариса Телятникова
Жребий брошен

Удача любит рыжих – 3

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - HL; OCR, ReadCheck - zavalery; Conv - zavalery, Igorek67)

«Быкова, Телятникова / Удача любит рыжих (Первый шаг; Gaudeamus igitur; Жребий брошен)»: Издательство: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0526-8

Аннотация

Если ты ухитрился поступить в Академию Магических Искусств, то легкими твои будни уж точно не назовешь. Лекции и практикумы, зубрежка и тренировки... Жизнь и верно пошла тяжелая, а вот насколько она окажется интересной — зависит только от тебя. Но если ты в равной мере наделен как талантом, так и способностью совать свой

нос куда не просят, скучно не будет наверняка. Вот только... кто окажется страшнее: василиск, Фенрир Волк или разгневанный декан?

Мария Быкова, Лариса Телятникова
ЖРЕБИЙ БРОШЕН

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой весна окончательно одерживает верх над здравым смыслом. На крышах дерутся коты, в подворотнях летают ведьмы, юные же поэты устраивают стихоплетные конкурсы. А пропасть между расами, оказывается, не столь уж и широка...

Весна в этом году была какая-то непонятная. То и дело ударяли холода; тогда небеса разверзались, и оттуда сыпало самым настоящим зимним снегом, таким белым и пушистым, что я даже засомневалась, а настоящий ли он. Только-только все осознавали, что весна нынче выдалась поздняя, и Полин со вздохом вытаскивала из шкафчика новенькую шубку, как погода решала, что пора уже и меняться. Снегопад прекращался, серые тучи расплзались по дальним странам, и на смену им являлся пронзительно-синий небосвод. Оттуда исправно наяривало солнце, мигом растоплявшее все свежавывавшие осадки. С

крыш текло, с веток вопило — птицы, как сговорившись, каждое погожее утро устраивали под нашими окнами маленькие показательные концерты. Полин, ругаясь, запихивала шубку обратно и вытаскивала на свет божий коротенький плащик.

Я в такие минуты меланхолично покусывала кончик пера. Плащ у меня был один, сапоги тоже, так что смена погоды практически не отражалась на моем гардеробе. Зато на самочувствии — совсем наоборот: из-за всей этой климатической мешанины во время очередных похолоданий на мостовых намерзал тонкий слой льда. Тонкий-то тонкий, зато скользил он так, что я уже практически выучилась летать. Коленки были все в синяках, локти тоже. Каблук на левом сапоге как-то подозрительно пошатывался, а до сапожника, знаете ли, еще надо было дойти.

Так что в этот момент я сидела на кровати, подобрав под себя правую ногу и задумчиво покачивая левой. Повинуясь ее движениям, под потолком так же задумчиво покачивался малый боевой пульсар. Пострадавший сапог я держала на коленях, пытаюсь сообразить, что выйдет дешевле: купить наконец новую пару (благо деньги еще остались) или попытаться реанимировать эту, попутно воскресив в памяти парочку заклинаний из первого семестра?

Элементаль, боязливо наблюдавшая за пульсаром, утверждала, что стоит рискнуть. «Удача любит смелых! — вещала она, поудобнее устроившись в двери. — А иначе какого мрыса она вышла за самого Громовержца?!»

Правда, что именно называлось здесь благородным риском — поход к сапожнику или же применение заклинаний, — флуктуация предусмотрительно не поясняла.

Решив, что деньги надо экономить, я щелчком подозвала к себе конспекты. Так, это у нас алхимия, это бестиология... о, а вот и общая магия, первый семестр! Ну-ка где здесь заклинания на восстановление целостности?..

Полин, сидевшая на своей кровати, громко и прерывисто вздохнула. Я даже не повернула головы: такие вздохи давно уже сделались привычным делом, ведь последние две недели алхимичка читала исключительно эльфийские любовные романы. Надо сказать, что эльфы все делают качественно. Даже любовные романы, дело откровенно гиблое, у них получаются на удивление хорошо.

— Ты пульсарчик-то убери, хозяйка, — посоветовала элементаль, наблюдая, как я заворачиваю пальцы в еще не до конца привычные фигуры. — Он же с тебя энергию сосет...

— Ничего, всю не высосет. — Я досадливо мотнула головой, отбрасывая со лба выбившуюся прядь. Руки были заняты, прядь упорно возвращалась на прежнее место. — Это домашнее задание по боевой магии. Меня Рихтер в понедельник, если что, закопает...

Со стороны соседкиной кровати донесся очередной страдальческий вздох. Не выдержав, я скосила на нее глаза — как ни странно, Полин не читала, а писала, сосредоточенно выводя буквы на пергаментном листе.

Помимо букв, я разглядела там три виньетки и четыре розочки.

— Это там у тебя что? — поинтересовалась я, верно истолковав адресную направленность вздохов. Полин хотелось общения, хотя бы в моем лице. — Любовное послание, что ли?

— Ой, да если бы! — По тому, с какой готовностью алхимичка подняла голову, я поняла, что не ошиблась. — Это... ну... ну как тебе сказать...

Я заинтересовалась. Прием, конечно, был старый, но, чтобы возбудить во мне любопытство, новых и не нужно. Оно и так еле-еле дремлет; словом, «не щекочите спящего дракона», как выражается образованный Келлайн.

— Ну «как», «как»? Как есть, так и скажи!

— Стихи, — с нажимом сказала Полин, дорисовывая розочке еще один лепесток. Подумала и добавила: — Вот.

— А-а, мрыс дерр гаст! — Я отдернула руку, на которую прилетело зеленой искрой, и, помахивая обожженной конечностью, удивленно воззрилась на соседку. — Что, правда? Стихи? Как у Лариссы-Чайки?

— Ну до Лариссы-то мне далеко... — засмушалась Полин.

— Прочитай.

Алхимичка переполошилась и спрятала листочек под подушку.

— Ни за что! — решительно возвестила она. — Никогда! Ни при каких обстоятельствах!

— А что так? — поразилась я. — Сильно плохо?

Похоже, этого мне спрашивать не стоило. Полин засопела как голодный дракон, медленно наливаясь малиновым цветом.

— Ясненько, — быстро сказала я, выставляя руки в защитном жесте. — Стихи хорошие. Стихи очень хорошие. Стихи просто замечательные. Просто ты...

— Просто я стесняюсь их читать!

— А-а, ну тогда понятно... — глубокомысленно протянула я. — А как тогда ты мне их покажешь?

Возможно, вопрос был и нелогичен — о том, что Полин хочет мне их показать, до сих пор даже не шло и речи! — но я ударила наугад, и, кажется, не промахнулась. Алхимичка зарделась, застенчиво теребя оборочку на подушке.

— Н-ну... ну даже и не знаю...

— Пока подумай, хорошо? — Я пролистнула несколько страниц, ища пояснения к использованному заклинанию. Помнится, по-правильному искр там быть не должно... та-ак, а вот и схема...

Разумеется, не должно! И откуда у меня та искра только выскочила?

Не отводя глаз от рисунка, я вновь сложила пальцы в знаки и придирчиво сравнила получившееся с нарисованным. Прижала мизинцы плотнее. Оттопырила безымянные, придирчиво пытаюсь добиться максимальной близости к идеалу.

— Хозяйка, хозяйка! — встревоженно забормотала элементаль. — У тебя ж щас руки отвالتها!

— Обратно приделаю! — сквозь зубы пообещала я.

Й-есть!!! Из кончиков пальцев плеснуло Силой, я почти увидела, как проходит сквозь пространство эта незримая волна... а в следующий момент дырки на обеих подошвах будто стерло ластиком. Получилось!

— Что, живые теперь сапоги? — Полин любопытно вытянула шею, ленись вставать со своей кровати.

Я пожалала плечами, любуясь содеянным. Неожиданно алхимичка подскочила на кровати:

— Слушай, Яльга, я поняла! Ты действительно хочешь послушать мои стихи?

Я кивнула, любовно поглаживая подошву.

— Тогда слушай сюда! Послезавтра, в воскресенье, у меня будет поэтический турнир. В главном литературном музее Межинграда. Если хочешь, пошли со мной! Стихи читать буду, дипломы там получать... ну и не я одна, разумеется! А в жюри там будут настоящие поэты, представляешь?

— И Ларисса-Чайка? — придирчиво уточнила я.

Полин хлопнула ладонью по подушке.

— Да далась тебе эта Чайка!.. Ты что, только ее одну и читала?

— Да, — честно сказала я.

Алхимичка воззрилась на меня, пораженная такой вопиющей безграмотностью.

— Да как... да ты... да вот есть одна поэтесса, наша современница, ее весь Межинград читает!.. Да хоть бы в библиотеке спросила, ты же с мэтром Зираком на короткой ноге!.. Да как ты вообще...

— Молча, — мрачно сказала я. Только что мне вздумалось проверить подошвы на ошупь — я запихнула руку вовнутрь сапога и чуть ткнула подметку пальцем. Теперь я с тоской смотрела на дырку, возникшую аккурат на тыкнутом месте.

— Реанимации не поддается, — сочувственно отметила элементаль.

Воскресенье выдалось на редкость погожим — теплое и солнечное, даже из окна

смотреть приятно. Я ни секунды не пожалела, что согласилась идти куда-то с Полин — куда конкретно, я не знала, зато знала литературно подкованная соседка. Мы договорились встретиться с ней на площади в десять часов, после чего Полин улетучилась в город, а я с чувством выполненного долга рухнула лицом в подушку.

Проснувшись от того, что элементарно осторожно тыкала меня холодным пальцем в щеку.

— Хозяйка-а, — шепотом сообщила она, когда я разлепила глаза, — полдесятого уже... вставать надо...

Я пробормотала что-то благодарное и на ощупь ухватила штаны.

Из Академии я вышла через пять минут — умение одеваться в рекордно короткие сроки вырабатывается у любого студента после первого же утреннего опоздания к Рихтеру или Шэнди Дэнн. Конечно, мне стоило проснуться немножко раньше — это я поняла, как только вышла за ворота и увидела широкий, воистину весенний разлив, начинавшийся от самого порога.

Дорогу откровенно развезло.

День, как я уже сказала, выдался солнечный, так что мостовую (там, где она еще была) сплошь покрывала смесь воды, льда, грязи и жидкого снега. Уже через минуту мелодично захлюпали сапоги — в каждом из них поселилось по маленькому озерцу. Штанины надежно вымокли сантиметров на пять выше уровня подрубки. Я шла, мрачно щурясь от слепящего солнца, и насвистывала под нос нечто крайне немзыкальное.

Нога соскользнула, по щиколотку погружаясь в холодную грязную воду. Буль-буль! — радостно откликнулся сапог. Я едва сдержалась, чтобы не добавить к этому еще парочку высказываний. Вытащила ногу, помотала ею в воздухе. Мрыс поймешь, то ли течет с подошвы, то ли вытекает изнутри, через многочисленные дырки.

Надо было все-таки купить новые сапоги. Ну и что, что вчера было лень идти по лавкам? Зато сейчас бы не стояла на одной ноге, как контуженый аист!

Проведя минимальные осушительные процедуры, я посмотрела вперед.

Мр-рыс дерр гаст! Дальше мостовая и вовсе кончалась, возобновляясь только через полтора десятка метров. Отсюда дотуда была перекинута узенькая доска, призванная выполнять необходимую человечеству функцию моста. Увы мне, по дощечке уже прошлись, и не один раз, основательно втоптав ее в грязь. Наружу торчали только концы, серединка же была погребена где-то под рыхлой глиной.

А-а, мр-рыс эт веллер келленгарм! Время поджимало, в обход идти было поздно; мокрая глина жирно отсвечивала на солнце, запах же намекал, что грязью естественного происхождения дело тут не ограничилось. Чего-то сюда еще вылили, и это самое «что-то» было довольно вонючее.

А в закрытое окно на втором этаже упиралась длинная ручка новехонькой метлы.

Несколько секунд я колебалась. За кражу личного имущества, помнится, полагалась немалая статья, да и за возмущение общественного спокойствия — тоже. Но я была магичка, а к магам стража обычно предпочитала не соваться, предоставляя КОВЕНу самому решать все чародейные проблемы.

А, мрыс с ним!.. Рихтера рядом покамест не наблюдается, а прочие мне все равно ничего не сделают. Ну а если мне уж вовсе повезет, никто меня и не заметит.

Я щелкнула пальцами, выплетая Призывающее заклятие. Малость заколебалась, вставляя Имя призываемого предмета; беда была в том, что я не знала, как на гааарде называется метла. Для верности я перечислила названия пресловутого инструмента на трех человеческих языках и одном эльфийском диалекте.

Получилось!.. Метла дернулась, тяжело ударяясь ручкой о раму. Взлетела, чуть покачиваясь из стороны в сторону, перевернулась и нацелилась прутиками на запертое окно.

Совсем забыла! Я с силой развела ладони, и окно немедленно распахнулось. Метла с тяжеловесной грацией вылетела наружу. Покрутившись в воздухе, она определилась с направлением и нырнула в красивое пике.

Мои пальцы плотно сжались на древке. Толстое, прочное, хорошо обтесанное... эта

метла с каждым мигом вызывала у меня все более теплые чувства. Подумав, что, кажется, начинаю понимать лубочных ведьм, я решительно перекинула ногу через древко.

— Девка, ты чего ж творишь? — Из окна высунулась растрепанная тетка неопределенного возраста. В руках у нее был горшок, распространявший в воздух удушающие миазмы, так что я поторопилась отпрыгнуть подальше. С летучей метлой, зажатой между коленями, прыжок вышел неожиданно длинный и грациозный. — Ох ты, люди добрые, вы ж тока посмотрите, чаво деется! Среди бела дня метлу уводят, да ишшо и новехоньку!

— Я верну, честное слово! — пламенно пообещала я, с силой отталкиваясь от земли. Метла рванула вверх, я вцепилась в ручку; ноги мигом поняли, в каком конкретно месте были неправы пресловутые лубочные ведьмы. Метла — это вам все-таки не лошадь. Лошадь, знаете ли, немножко шире. Я толчками взмывала вверх, бормоча ругательства и изо всех сил сжимая ноги.

Тетка выронила горшок — судя по звучному воплю, посылка мигом нашла себе адресата. Еще бы, такое зрелище не всякий день увидишь: бледная ведьма верхом на метле, рыжие патлы рвутся по ветру, зеленые глазища сверкают, як у мракобеса. Только черного кота и не хватает.

Я покружила над домами, приноравливаясь к метле. Потом пригнулась и рванула вперед, к условленному с Полин месту.

За десять минут полета я узнала о таком методе левитации множество всего интересного. Узнала, во-первых, что сидеть на метле удобнее все-таки по-женски — перекинув обе ноги по одну сторону от древка. Почему? А вы поэкспериментируйте сами. Во-вторых, я выяснила, что наверху достаточно холодно, по крайности холоднее, чем на земле. В-третьих, теперь мне было ведомо, что к зрелищу «рыжая ведьма верхом на необъезженной метле» равнодушным останется разве только слепоглухонемой.

Да, и еще: метлы все-таки следует объезжать.

Алхимичку я заметила сразу. Сверху, метров с тридцати — сорока над землей, отлично просматривалась вся площадь, все еще по-утреннему пустая. Девушка же, закутанная в теплый плащ, в розовой шапочке, с розовым пушистым шарфиком и цветной сумкой, представляла собой прямо-таки овеществленную мечту снайпера.

Я вообще-то собиралась спланировать красиво и мягко. Но метла, обладавшая резким и угловатым характером, имела на жизнь другие планы. Стоило мне направить кончик древка вниз, как она рванула в вертикальное пике — я сжала ручку всеми конечностями, кроме разве что зубов. Кажется, даже не успела порадоваться, что так и не пересела на метлу по-дамски.

Мостовая неуклонно приближалась. Я выкрикнула тормозящее заклинание, не будучи уверена в том, что успею договорить его до конца.

Успела. Метла остановилась в полуметре над землей, мои внутренности, по ощущениям, остались висеть парой саженей выше. Сглотнув, я слезла с транспортного средства, щелчком лишая его движения.

Так, чего мы там пообещали?.. Вернуть метлу владелице?..

Еще четыре слова — и метла, теперь уже безо всякого груза, вновь взмыла в холодный воздух. Заново пометавшись туда-сюда, она выровнялась и величественно поплыла в обратном направлении. Я проводила ее взглядом и обернулась к Полин.

Алхимичка смотрела на меня круглыми глазами. Сумку она выставила перед собой на манер щита. Я недоуменно посмотрела на оборонительную конструкцию и шагнула вперед. Девушка попятилась, не опуская сумки.

— Полин?

— Я-альга?

— Ну да... Ты чего?

— Это ты чего?! — обрела голос алхимичка. Она шагнула вперед, замахиваясь на меня сумкой. — Что это было за родео, а?!

— Какое родео? — не поняла я.

— Воздушное! Атака рыжих ведьм, мрыс дерр гаст!! У меня чуть инфаркт не случился! — Алхимичку всю трясло, она сжимала кулачки, так и приноравливаясь меня ими треснуть. Неожиданно девица хихикнула. Не иначе как нервное.

Я потупилась, вспомнив того гнома, которого чуть не пришибла сверху. Точнее, вспомнила его бешеный вопль: «Воздух!!!» Ой, а как тогда захлопали ставнями другие гномы...

Хорошо, если завтра окна во всем квартале не окажутся заклеены крест-накрест!

— Ну и что ты скажешь в свое оправдание? — Полин, уже вполне оправившись, уперла руки в боки.

Я пожала плечами. Алхимичка вздернула носик.

— Извиняйся! — решительно потребовала она.

— И не подумаю, — хмыкнула я.

— Извиняйся!

Я смерила ее медленным внимательным взглядом: снизу вверх, потом сверху вниз. Примерно таким взглядом умеренно голодный тигр осматривает браконьера, пытаясь понять, а шибко ли вкусный попался экземпляр, стоит ли ради него подниматься с мягкой травки. Девица старательно смотрела в сторону, но нервы ее начинали сдавать.

— И не пялься на меня!

— На конкурс опоздаем, — хладнокровно напомнила я.

— Из-за тебя!

— Из-за чьих-то нервов.

— Да-а, а нервы от кого?

Я только усмехнулась, привычно выглядывая среди островков льда нашу будущую дорогу.

Музей располагался в четырех кварталах. Двигаясь зигзагами и короткими перебежками, мы добрались до него, практически не промочив сапог. То есть это Полин — не промочив; в моих давно уже плескалось, и на новую влагу я не обращала никакого внимания. Вот плащ я старалась подбирать: не хватало еще, чтобы его сожрала вечно голодная школьная моль.

— Дошли, — выдохнула Полин, тыкая пальчиком в невысокое деревянное здание. Я посмотрела, куда ткнули; домик был выдержан в старинном стиле, с деревянными кружевами вокруг ставен и с резным коньком на крыше. У крыльца плескалось море разлитое, но мне теперь и оно уже было практически по колено.

— Пошли. — Я подобрала плащ еще выше, насколько это представлялось возможным. Сапоги вдумчиво хлюпнули, намекая на тяжесть собственной горькой судьбы.

— Я боюсь, — пискнула за спиной алхимичка.

Я тоже. За сапоги.

— Надо! — твердо ответила я, шлепая через глубокую лужу. Три ступеньки, коврик перед дверью. Коврик был и без того влажный; когда на него вежливо встала я, он едва ли не всплыл. Так, что тут у нас? О, все верно — светлая вывеска, темные буквы: «Межинградский литературный музей».

Я решительно толкнула от себя тяжелую дверь.

Внутри было тепло и чуть душновато. Нашему взгляду (Полин, спрятавшаяся за моей спиной, робко выглядывала из-за моего же левого плеча) открылась небольшая комната, выполнявшая функцию прихожей. Там сидели две тетеньки, занятые вязанием и разговорами, висело небольшое круглое зеркало и стояло несколько вешалок, занятых множеством курток и плащей.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я, принимая на себя роль лидера. — А стихотворный конкурс здесь проходит?

— Здесь, здесь, — на удивление дружелюбно закивали тетеньки.

Я подивилась подобному отношению: известно, служительницы храмов — все равно,

обычная ли это церковь, или же речь идет о храме науки — обыкновенно отличаются донельзя сварливым нравом. Что уж далеко ходить за примером: чего стоят одни только гардеробщицы в городской библиотеке, явно мнящие себя выше всяких там посетителей.

— Вы, девочки, плащи вешайте и проходите, — добавила одна из них. — Там еще не началось, как раз успеете.

Полин спешно расстегивала плащик, от волнения путаясь в застежках. Слава богам, у меня таких сложностей не было: я привычно расстегнула простую фибулу, отряхнула подол плаща от налипшего на него мокрого снега и повесила его на петельку, специально пришитую осенью. Сняла с головы платок, свернула его в квадратик, засунула во внутренний карман плаща.

— Ну что, ты готова? — Я развернулась к алхимичке.

Та кивнула, обеими руками сжимая ремень своей сумочки. Ремень трясся, как заячий хвостик; впрочем, представив зайца с хвостом из псевдокрокодиловой кожи, я только содрогнулась от полета собственного воображения.

— Тогда пошли, — хладнокровно сказала я. — Дверь вон там.

И мы пошли.

За дверью — тоже тяжелой, деревянной, с резными узорами — оказался длинный коридор. По стенам его висели портреты, мнемо-записи, черновики бессмертных творений, для пушего сбережения упрятанные под отдельное стеклышко каждый. Чуть ниже располагались витрины; там лежали другие черновики, погрызенные (в порыве вдохновения, не иначе) перья, пенсне с треснутыми стеклышками, стояли чернильницы, статуэтки и прочие атрибуты творческого процесса. У витрин кучковались адепты; большинство были нашими ровесниками или казались таковыми. Народ общался, переходил с места на место, рассматривал портреты и витрины; то и дело он косился в сторону ближайших дверей, покамест еще закрытых.

На двери висела табличка «Городская конференция „Шаги в науку“, под патронатом царской фамилии». И чуть ниже и более мелким шрифтом: «Литературное творчество».

Так. Окрестности мы уже осмотрели. Теперь перейдем к собственно личностям.

Я всегда питала огромное уважение к поэзии. Ларисса-Чайка, голос которой я помнила и по сей день, произвела на меня совершенно неизгладимое впечатление; я помнила, как слушала, раскрыв рот и забыв держаться за бортик крыши, помнила, как желала единственно одного: чтобы она не останавливалась, а продолжала петь. Это было... это было волшебно, иначе и не скажешь. В ее стихах чувствовалась сила, ничуть не меньшая, чем, скажем, в закланиях Эгмонта или Шэнди Дэнн, — она тоже была настоящим мастером, и этим все сказано. Жалко, что я никогда не стану поэтом.

Так что на присутствовавших в коридоре адептов я смотрела с искренним уважением. Тем более что большая их часть выглядела... очень сообразно: одетые по преимуществу в черное, с воодушевленными лицами, горящими глазами и пергаментами, свернутыми в растрепанные рулончики. Жестикуляция у большинства была обильная, в речи проскальзывали театральные нотки — не иначе как народ готовился к выступлению. Девушки были по преимуществу с распущенными волосами, романтически развевающимися за спиной, без косметики и украшений — в виде исключения иные из них позволяли себе серебряную брошь или перстень с непременно черным камнем. Юноши были тоже какие-то нестриженные — иные вдобавок еще и бородатые, правда почему-то не целиком, а пучками. Наверное, от повышенной гениальности. Гении, у них все не как у людей. Среди них, кстати, я заметила давнего знакомого с ораторского турнира: тот самый, в прямоугольных очках, пламенно доказывавший невозможность любви к недостойным. Он меня, видно, тоже заметил, но особой радости почему-то не изъявил.

Полин, как оказалось, была куда как более общительна. Мигом забыв и про страх, и про меня, она присоединилась к ближайшей кучке, напомнила о себе тем, кто ее забыл, представилась тем, кто ее еще не знал, и мигом завязала разговор. Прошло от силы три минуты — и вот она уже перелетает от кучки к кучке, подобно... хм... с кем бы сравнить?

Ну пусть будет — сильфиде. Я же, не имея таких талантов, по-простому ждала открытия двери.

И, что характерно, дождалась. С того конца коридора застучали каблуки; adeпты почтительно раздвинулись в стороны, освобождая дорогу почтенному жюри. «Настоящие поэты», — шепнул кто-то рядом со мной. Я немедленно впиалась в жюри взглядом.

Не знаю, может, среди них и была Ларисса-Чайка: я не знала знаменитую певицу в лицо. Но среди трех «настоящих поэтесс» я не увидела ни одной, которая была бы хоть немножко похожа на тот образ, который я представляла. Теток имелось три, всем хорошо за сорок, если не за пятьдесят; все, как одна, были какие-то сушеные, точно вяленые воблы. Сравнение пришло не вовремя: мне немедленно захотелось рыбы.

Дверь отворили большим старинным ключом. Жюри прошествовало вовнутрь; адепты, выждав положенное хорошим тоном время, валом повалили следом.

Там было темновато, сквозь окна, задернутые бархатными шторами, едва просачивался дневной свет. Жюри заняло столик у дальней от входа торцевой стены; народ уселся в кресла, во множестве уставленные на прочем пространстве. Полин, как я успела заметить, села впереди, со своими знакомыми; я, решив не особенно маячить, устроилась в самом последнем ряду, возле покачивающихся стеклянных витрин. Мрыс его знает, зачем их сюда присобачили. Все равно рассмотреть содержимое было сложно, а я сидела как на иголках, боясь лишний раз шевельнуть рукой, чтобы не задеть клятую витринку.

Жюри так и не представилось. Решив, похоже, сэкономить адептам их личное время, с места оно рвануло прямо в карьер: самая дальняя от меня поэтесса объявила имя какой-то адептки.

Из переднего ряда на сцену выбралась незнакомая девица в черном платье длиной аккурат в пол. Подметая подолом доски, она вышла к народу и, откинув волосы с лица, приготовилась говорить.

— Секундочку, — вмешалось жюри в лице председательницы. — Прочитайте, пожалуйста, «Весна» и «Мой город». Это ваши лучшие стихотворения.

— А вы сами какие выбрали? — сочла нужным уточнить вторая профессиональная поэтесса.

— Эти же... — не шибко уверенно ответила девушка.

— У вас хороший вкус, — сдержанно похвалила ее председатель.

Я задумалась. Фраза была такая... лишней скромностью поэтесса явно не страдала.

Девица кивнула и торопливо отлистнула половину объемистой рукописи. Я подивилась такой продуктивности ее таланта — страниц в рукописи было никак не меньше двадцати — и, предварительно отодвинувшись от витрины, приготовилась слушать.

В этот момент дверь тихонечко заскрипела. Я посмотрела туда; на пороге стояла женщина, зашедшая в комнату секунду назад. По виду она была стопроцентной эльфийкой: зеленоглазая, остроухая, с блестящими каштановыми волосами, собранными в тугую косу. На гостье был серый дорожный плащ, скрепленный изумрудной фибулой, а потрепанные сапоги явно служили хозяйке не первый год. Это были очень хорошие сапоги: несмотря на явную интенсивность эксплуатации, они все равно не собирались разваливаться на части.

В чем, в чем, а в дорожных сапогах я знала толк.

Я не совсем поняла, что она здесь вообще делает. Быть чьей-нибудь родственницей эльфийка не могла по чисто техническим причинам: среди начинающих поэтов не имелось ни одного эльфа. Известно, что дар к стихотворчеству встречается одинаково редко среди всех рас, зато талант к таковому определенно предпочитает эльфов. Конечно, хорошие человеческие поэты ни в чем не отставали от хороших поэтов эльфийских, но хороших человеческих поэтов еще следовало найти, а эльфы обычно очень остры на язык. Именно поэтому в отборочный тур их не допустили. Эльфы, как мне поведала Полин, начинались только со второго тура.

Хотя, с другой стороны, разве в смешанном человеко-эльфийском браке не мог родиться человек? Зря я так, может, в самом деле чья-нибудь родственница...

Она огляделась, выбирая себе место. Везде было занято, только на заднем ряду, где вместо стульев стояли длинные пуфы, оставалось много свободных мест. Я пододвинулась, освобождая половину пуфика; эльфийка села рядом, благодарно мне кивнув. На колени она положила странной формы кожаный футляр.

Девушка между тем начала читать.

...К концу второго стихотворения я стала сомневаться — а точно ли то, что она читает, называется поэзией. Похоже, что я понимала под ней нечто другое, нежели все остальные, ибо они-то слушали адептку довольно внимательно, не иначе как вникая в каждую строчку. Я тоже попыталась было вникнуть — ну не отставать же от коллектива! — но для этого мне, видно, просто не достало мозгов. Испытываемые девушкой эмоции совершенно меня не трогали; про рифмы она явно слышала в первый раз, а ритм, худо-бедно удерживаемый в первом стихотворении, во втором окончательно исчез. Нет, Ларисса-Чайка мне нравилась определенно гораздо больше.

Дальше было хуже. Я совершенно не могла отличить одного автора от другого: все они были абсолютно одинаковые, точно отлитые из одной формы. Проза, стихи; стихи, проза, — видно, авторы руководствовались принципом: «Что не проза, то стихи». И в самом деле, чего добру пропадать, раз уж написано. Обратно ведь не запихнешь... Родной город, несчастная любовь, терзания юности. Правда, иногда попадались более чем запоминающиеся перлы. Допустим, имелось стихотворение, главными героями которого были Он, определяемый двумя словами — «парень» и «ты» — и Она (соответственно «девушка» и «я»). Кто-то кого-то бросил (я не совсем поняла, кто именно и кого). Она в растрепанных чувствах уезжает в почтовой карете, но в последний момент в эту карету вскакивает Он — почему-то одетый «в черный фрак». Видение в лице такого лубочного лыкоморского парня, в зеленых шароварах, лаптях, обутом поверх портянок, и, в завершение картины, в черном фраке потрясло меня до глубин неискушенной души.

Эльфийка, сидевшая рядом со мной, тихо всхлипывала, уткнувшись в кружевной платочек. То ли она так трепетно отнеслась к издевательствам над словесностью, то ли пыталась замаскировать рвущийся наружу смех, — по крайней мере, доносившиеся из платочка звуки больше походили на безудержное хихиканье.

Еще бы. Рифмы вроде «слезы — грезы», «розы — морозы» и «кровь — любовь» оказались далеко не худшим вариантом. Встречались идеи и покруче. После молодого человека, смело зарифмовавшего «могу» и «должен», я не удивлялась уже ничему.

— Читайте выразительнее, — то и дело требовала председательствующая поэтесса, хотя, по мне, основная проблема здесь была все-таки не в этом. — Читайте громче! Что же вы так не любите свои стихи?

— Лю-у-убим... — робко соглашались юные дарования, комкая в лапках пергаментные листки.

«Любовь, конечно, зла — полюбишь и такой вот стих», — философски подумала я после очередного обмена репликами. Мысль мне понравилась, ее хотелось высказать общественности. Можно даже не слишком широкой — просто, будучи по натуре очень деятельным существом, я начинала опасаться, что помру со скуки еще до выступления Полин.

Обращаться к юным пиитам я как-то не рискнула. «Побьют», — настырно зудел в голове печальный опыт детства. Критику, знаете ли, никто не любит... но высказаться хотелось, и потому я, ни к кому в отдельности не обращаясь, пробормотала в окружающее пространство:

— Ну я-то вообще думала, что здесь не конкурс чтецов. Здесь вроде как конкурс этих... как их там... а, писцов! Или это теперь одно и то же?

Эльфийка посмотрела на меня с некоторым интересом. Подумав, она продемонстрировала мне большой палец.

Была какая-то дева, читавшая отрывок из своего рассказа. Речь в нем шла от первого лица; главный герой мучился тяжелой депрессией (так, наверное, предполагала она дева).

Но лично мне, как существу циничному и злому, описанные симптомы больше напомнили тяжелое похмелье: герой мучается тошнотой и головной болью, не рискует телепортировать до музея и половину рассказа ищет, чего бы такого выпить. Про закуску речи там не шло.

Вместо выпивки герою попалась девица. Девица герою понравилась: еще бы, имя у нее так и наталкивало на соответствующие ассоциации. Звали девицу Изабелла — в точности как марку известного эльфийского вина.

Следующим этапом была адептка нашей же Академии Магических Искусств. Помоему, алхимичка, курса так со второго. В рассказе ее речь шла от лица кошки; кошка эта путешествовала по улицам и заглядывала во все попадавшиеся по дороге окна. Одно из двух: или кошка была родственницей Фенрира Волка и не уступала ему в размерах, или она сумела отрастить крылья, потому что за все время моего проживания в столице я не видела здесь не единой избы, древней до такой степени, чтобы по самые окна врасти в землю. Картины, наблюдаемые кошкой, поддавались кратенькому анализу; так, в одном из домов наблюдательное животное увидело грубо сколоченный стол, уставленный бутылками и тарелками с остатками еды, а рядом приметило кровать, где под одним одеялом спали две личности разного пола. «Счастливые», — прокомментировала эту картину кошка. Не иначе как сама она страдала хронической бессонницей или — тоже вариант! — похмельем.

Эльфийка всхлипнула особенно звучно. Я тихо хихикала в ладонь, прикрываясь ею за неимением платка.

Далее зверь, помимо летучести обладавший еще и прыгучестью, постучался в окно к своему хорошему знакомому-эльфу. Эльф в тот момент тоже лежал на кровати, но партнера у него, увы, не имелось. Как подобает одинокому высококультурному существу, Перворожденный читал книжку, и его длинные волосы, что мгновенно отметила зоркая кошка, ложились на страницы, мешая чтению.

— Может ли летучая кошка съесть летучую мышку? — шепотом процитировала эльфийка. Замечание было весьма своевременное: ее длинноволосый соотечественник как раз услышал кошкин призыв и открыл форточку, впуская животную внутрь.

Рассказ близился к концу, эльф наконец заснул в обнимку с книгой, «и светлые волосы его в беспорядке разметались по подушке». Боги, что ж ее так на шевелюре заклинило? Может, ей братья аунд Лиррен нравятся? А что, тоже эльфы и тоже блондины... да и прическа похожая...

Другое дело, что застать братьев за книгой было столь же вероятно, как меня — за арфой или лютней.

Кошка же покружила по комнате, понюхала за какой-то надобностью гитару и заглянула в зеркало, занавешенное простыней. Судя по тому, как эта кошка летала по Межинграду, я смело предположила, что в зеркале ничего не отразится, но животное узрело там «белую шерстку и два зеленых глаза». Ну и на том спасибо, что не три...

— А Туата Де Дананн, между прочим, всегда любили зверей белого цвета... — сообщила я в пространство. Эльфийка, хмыкнув, добавила:

— Ну а зеленые глаза — вообще признак фэйри... Дурак он, что ли? Видно, дурак... — припечатала она соотечественника. — Не понял, кого в дом впустил?

— Ну почему сразу дурак? — Мне стало обидно за эльфа. — Может, просто цвета не различает?

Эльфийка покосилась на меня с большим сомнением.

— Нет, — наконец сказала она. — Дальтоники среди нас не бывает. А вот слепые встречаются. Может, он был слепой?

— Так он же книжку читал!

— Разные книжки бывают...

Я покивала, адептка же тем временем села на место, чуть порозовев от сдержанных аплодисментов. В чем смысл сего рассказа, я так и не поняла. Лучше уж Изабелла, право слово, — там хотя бы социальная реклама о вреде алкоголизма...

Где-то через час я дождалась часа «икс» — выступила Полин, со стихами,

перевязанными кокетливой розовой ленточкой. Выслушав все, я сделала два фундаментальных вывода. Во-первых, девица врала как сивый мерин, убеждая меня в необходимости моего присутствия. Чем-чем, а вот стеснительностью она не страдала: читая стихи, она успевала одновременно играть голосом и ленточкой, улыбаться жюри и строить глазки симпатичному поэту из первого ряда. Ну а во-вторых... оттого что вчера я не стала этого слушать, культурные потери были невелики. В отличие от многих, Полин умела выдерживать рифму и ритм — но дальше этого дело не шло, и получившихся кадавриков меньше всего хотелось называть стихотворениями.

Выступал пресловутый симпатичный, тоже со стихами. Стихи были без ленточки, но лично я бы перевязала, только не шелковой, а кольчужной. Ибо стихи были исторические: главный герой там был фьординг, впрочем называвший себя практически как угодно: то лыкоморским витязем, то более патриотичным берсерком, то совершенно непонятным мне «ульфхеднаром». Версия «берсерк» мне понравилась больше: фьординг определенно покуривал какую-то траву, потому как, то вызвал к Одину за помощью (а даже я знала, что помощь — это по другому адресу), то предлагал врагам убедиться, чего он стоит (еще бы предложил выстроиться в рядочек, чтобы всех проткнуть копьем за раз). Попав же наконец в Вальхаллу и осуществив мечту всей своей фьордингской жизни, странный воин терзался воспоминаниями об утраченной навеки отчизне. На такую вопиющую нелогичность способен только коренной матерый лыкоморец, так что проблема с «витязем» отпала сама собой.

Добравшись до строчки о том, что «волны седые, как скальды, поют // Великого моря баллады», адепт патетически возвысил голос. Я задумалась. Вроде же скальды баллад не поют, баллады — это к менестрелям? Скальды — это висы, драпы, саги, в конце-то концов... Хотя, с другой стороны, быть может, имелось в виду, что седина волн соответствовала таковой у скальдов? Прямо даже и не знаю...

Надо будет после спросить.

Но и это было еще не все! Прямо после знакомца Полин выступал уже знакомец мой, тот самый, с пылким взглядом из-под прямоугольных очков. Вид у него был такой вдохновенный, что я немедленно преисполнилась надежды услышать хотя бы одного адекватного поэта. Точнее, человека, хотя бы относительно подходящего под это название.

— Я прочитаю отрывок из первой части своей поэмы, — объявил знакомец, победно глядя в зал поверх очков.

Зал восторженно замер. Эльфийка настороженно уставилась на поэта поверх платочка.

Знакомец начал читать.

Главным героем поэмы был борайкос.¹ Из одежды на нем имелись: чалма, описанная с большим смаком, кривая сабля и верблюд. Последний, кстати, тоже претендовал на гордое звание главного героя. Все прочее было обойдено молчанием. Борайкос ехал по пустыне, начинало смеркаться, становилось холодно — еще бы, верблюд-то ведь не все прикрывает.

Последнюю фразу пробормотала уже я, не сумев сдержаться.

Эльфийка душераздирающе застонала.

Усталый, замерзший и, надо думать, изрядно поцарапанный (шерсть у верблюдов, если кто не знает, жесткая) борайкос всей душой стремился на ночлег. Наконец, после девяти строф терзаний, вдали он заметил огонек костра. Обрадованный верблюд поскакал на свет, издавая при этом счастливый рев.

Впрочем, был вариант, что счастливый рев издавал борайкос.

Огонек был не блуждающий: подъехав, борайкос и верблюд обнаружили возле такового монаха. Монах был одет в хитон; я загрузилась, пытаюсь вспомнить, какая конфессия требовала от служителей культа столь странной одежды. Эльфийка, похоже, думала о том же самом.

¹ Представитель восточного народа, житель пустыни.

— Святой был монах, — пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь. — В пустыне, босиком, в одном хитоне... он, видно, еще и летать умел... как та кошка...

— Или передвигался прыжками, — согласилась эльфийка.

— Или выходил из шатра только в ночное время...

— Извините, а можно потише? — вежливо попросил нас какой-то пучковато-бородатый мальчик, сидевший впереди нас. Не иначе в родне у него были гномы... но если и были, то только в очень и очень дальней.

— Можно, можно, — закивали мы.

Мальчик еще раз подозрительно зыркнул в нашу сторону, но все-таки отвернулся, видимо удовлетворившись этим обещанием.

Действие развивалось дальше. Сердобольный монах, пожалев соотечественника (еще бы!), предложил ему разделить скромный ужин: зерна, лепешки и воду. Подумав, он заботливо прибавил, чтобы борайкос поторопился, а не то еда остынет и сделается малосъедобной.

— Интересно знать, что именно остынет? — прошептала эльфийка.

Я пожала плечами:

— Зерна. Они были кофейные.

Верблюду, которому поест не предложили, был счастлив и так: наверное, благодарил свои верблюжьи небеса за прекращение психической атаки. Борайкос же с монахом, который и не такое видал, вкушали еду; по ходу ужина выяснилось, что эти двое приходятся друг другу родными братьями, а монаха, оказывается, звали Саулом. В принципе я и без того была уверена, что они родственники — у обоих были странные пристрастия в одежде.

Путник мирно вкушал со вновь обретенным родственником еду, когда снаружи вдруг послышался жуткий рык. Я опрометчиво приписала его верблюду; но нет, секундой позже автор оговорил, что верблюд издавал отчаянное ржание.

Мы с эльфийкой уткнулись кто в платочек, а кто в ладонь.

Как оказалось, на верблюда напал лев. Героическое животное отчаянно защищало свою жизнь — это, видно, был боевой верблюд, привыкший сражаться и за хозяина, и за себя. Нестандартному, так сказать, борайкосу — нестандартного верблюда. Ржание, наверное, было призвано окончательно смутить невезучего хищника и посеять в его сердце некоторое сомнение: а оно тебе надо, связываться вот с этим непонятным? Когда же из шатра выскочил верблюдов хозяин, в чалме и с саблей наперевес, несчастный лев окончательно потерял разум. Я в принципе отлично его понимала: мало того что верблюды ржут, так еще и борайкосы бегают практически в чем мать родила. С боем лев кое-как прорвался на волю, при этом поранив борайкоса плечо.

— Молодец, — хором прокомментировали мы с эльфийкой. Знакомец смолк. Зал заплодировал; жюри восхищенно переговаривалось между собой.

— А ты, девочка, тоже со стихами? — вдруг спросила эльфийка. — Или с прозой?

— Я вообще-то с Полин. — Для пущей убедительности я кивнула на хлопающую в ладоши алхимичку. — Вроде как моральная поддержка.

— Вот как, — улыбнулась эльфийка. — А ты почему ничего не пишешь?

Я хмыкнула:

— Слишком люблю стихи, чтобы писать их самой.

— Интересная точка зрения, — помолчав, заметила эльфийка. — Как тебя зовут?

— Яльга Ясица, — легко представилась я. — Адептка Академии Магических Искусств.

— Телепатический факультет? Или алхимический?

— Нет, — скромно сказала я, — боевой.

— Ну да, — после еще более долгой паузы сказала она. — Мне стоило догадаться.

Мы, наверное, шушукались слишком громко: председательница жюри грозно посмотрела на нас через весь зал. Вдруг взгляд ее изменился — так резко, что я прямо-таки услышала щелчок переключателя. Теперь в ее глазах читался искренний страх.

Я немедленно задумалась, чего такого успела сделать нехорошего. Вроде все было

тихо, никаких заклятий я не использовала, никакими талисманами не размахивала. Так в чем же проблема?

— Интересно, скоро все кончится? — задумчиво спросила эльфийка.

— Наверное, — пожалала я плечами, выбрасывая странную председательницу из головы. — Здесь человек сорок, из них где-то двадцать уже отстрелялись. Или даже чуть больше того.

— Надо было книжку с собой взять, — вздохнула она. — Но кто же знал, что будет так скучно?

— Во-во, — мрачно поддакнула я. — Если вот это все поэзия, то я... мм... Ларисса-Чайка! Или, для примера, Лерикас Предсказанная!..

Эльфийка непонятно хмыкнула.

— А что ты считаешь настоящей поэзией? — серьезно спросила она.

— Не знаю, — подумав, неуверенно сказала я. — Да ту же Лариссу и считаю. А это... прости боги что такое...

Эльфийка подняла темные брови:

— Ты видела Лариссу-Чайку?

Я помотала головой:

— Только слышала. Семь лет назад, в Снежнеграде.

— И тебе понравилось?

— Очень! — искренне вырвалось у меня.

Она оживилась, поправила кожаное нечто, лежавшее у нее на коленях. В зеленых глазах зажглись веселые огоньки.

— А что именно ты тогда слышала?

— Ну-у... — неуверенно протянула я. Это было давно, но чеканные строчки сами всплыли у меня в голове. — Во-первых, «Балладу о любви и нелюбви»...

Эльфийка внимательно слушала, изредка вставляя вопросы.

Время летело незаметно...

— Уважаемые участники! — наконец объявила председательница. Мы с эльфийкой замолчали; поэтесса вертела в руках перо, бросая в нашу сторону малопонятные взгляды. — Я попрошу вас покинуть комнату. Походите по коридорам, посмотрите на экспонаты. Это очень интересный музей! Через пятнадцать минут мы сможем назвать победителей...

Полин в порыве эмоций прижала кулачки к груди. Певец борайкосов и верблюдов непреклонно блеснул очками.

— Пошли отсюда, девочка, — тихо сказала эльфийка. — Яльга, так? Ты человек?

— Почти, — неопределенно ответила я. — Но не эльфийка, это факт.

— Я вижу. — Она посмотрела на меня неожиданно остро. — Вижу, Яльга. И не только это...

Ее взгляд переместился чуть ниже, на мою левую руку. Точнее — на запястье, украшенное прабабкиным браслетом. Я произвольно спрятала руку за спину.

Эльфийка усмехнулась. Она уже стояла у двери, перебросив свою ношу на ремне через плечо. Расстегнутый и снятый плащ покачивался на согнутой руке: концы его почти доставали до грязного пола.

Я осторожно выбралась из-под шатающейся витринки. Портрет какого-то писателя, установленный за стеклом, давно уже лежал изображением вниз. Кажется, это оттого, что я все-таки задела клятую витринку локтем... но, честное слово, я же не виновата! Может, это из-за портрета на нас так и пялится председательница жюри?

— Пошли, — нетерпеливо сказала эльфийка.

И мы пошли.

Изнутри музей был немножко больше, чем казался снаружи. Никогда бы не поверила, что в этот сарайчик с колоннами (эльфийский стиль, ну-ну) может поместиться что-то помимо зала, коридорчика и туалета. И то последний придется выносить наружу, в виде классической дощатой будочки.

Но то ли дело было здесь в архитектурных хитростях, то ли в хитростях магических — а что, сэкономим на кирпичках и известке, пятое измерение дешевле выйдет! — в общем, места оказалось вполне достаточно. При большом желании в музее можно было даже заблудиться. Но у меня такого желания не было, да и столько я все одно не выпью.

По крайней мере, места — а значит, и выставленных экспонатов — здесь хватило бы для того, чтобы уже к третьей комнате потерять к бесчисленным трубкам, портретикам, перьям и прочему биографическому хламу всяческий интерес. Так бы, наверное, и случилось; нет, я люблю историю и уважаю великих поэтов, вот только-только после того, что я услышала десять минут назад, от бывшего уважения осталось не так уж и много. Не будем трогать тени тех, кто был истинно велик. Насчет их таланта я не сомневалась ни минуты; но из всех великих здесь отметился только один, да и то не перышком или листочком черновика, а бронзовым бюстиком определенно куда как более позднейковки. Великий был воистину велик, это понимала не только я, так что музей безумно гордился тем, что удостоился чести сохранять в своих стенах изображение Самого Гениального Мэтра.

А остальные... да что остальные? Быть может, я судила и предвзято, но поэтессы из жюри не произвели на меня никакого особенного впечатления. Даже не из-за внешности. Я легко могла допустить, что гениальная поэтесса может быть пожилой, сутулой и едва сохранившей на голове половину своих волос. Но я не могла поверить, чтобы истинно талантливый человек мог смотреть вот так: выцветшим и пыльным, как старое одеяло, взглядом. Да и в то, чтобы человек, хоть немного умеющий чувствовать Слово, стал бы хвалить верблюжьего мальчика...

Нет. Это неправильно. Такого быть не может.

Но с эльфийкой, которая, кстати, так и не представилась, мне оказалось неожиданно интересно. Она, верно, была из «Ясеня» — по крайности отлично знала весь здешний писательский кагал. Периодически эльфийка тыкала пальчиком в очередного лубочного гения, называла имя и — иногда — зачитывала кое-что из его творчества. «Кое-что», как правило, оказывалось весьма приличным; беда лишь в том (это уже, нахмурившись, сказала сама эльфийка), что частенько это «кое-что» было единственным более-менее читабельным опусом автора.

— Но почему так? — не выдержала я после очередного лубка. — Если человек смог написать такое... такое классное стихотворение, какого мрыса он остальное-то писал через пень-колоду?

Эльфийка чуть помолчала. Глаза у нее были, как я мимоходом отметила, зеленые, точно лучшие гномьи изумруды.

— Потому что надо работать, — наконец сказала она. — Проще писать про верблюдов.

— Разве проще? — справедливо усомнилась я. — Оно длинное, написано в одном размере, рифмы вполне пристойные. Нет, по содержанию — комедия, но чисто технически...

— Поверь мне, — она чуть улыбнулась, — техника — это несложно. Пара лет опыта — и рифмы подбираются почти мгновенно. А когда настроился на волну, можно написать и сорок поэм. Вот только верблюды — он верблюд и есть. Им и останется до скончания веков.

— Послушайте, — вдруг вспомнила я, — а как вас зовут? А то мы толком даже и не познакомились...

Она чуть замешкалась, опуская ресницы; а секундой позже дверь в зал отворилась, и поэтесса из жюри (не главная, помельче — главной двери несолидно открывать) пригласила всех зайти. Начиналась церемония награждения.

Я привычно устроилась под витринку. Та приветственно зашаталась.

— Уважаемые конкурсанты! — Главная поэтесса постучала чем-то по столу, привлекая всеобщее внимание. Народ стих, проникнувшись серьезностью ситуации. — Мы долго совещались и не могли назвать победителей. Все вы читали очень хорошо, у многих есть творческий потенциал — словом, мы решили рекомендовать на следующий тур тех, для кого, на наш взгляд, это будет полезнее. Этим участникам будут вручены дипломы, а также рекомендации для публикации в сборнике работ «Шаги в науку — 3946». Всем прочим

будут выданы свидетельства об участии в нашем творческом конкурсе.

И началось.

Эмоций здесь было, пожалуй, побольше, чем на чтении стихов. Адепты боялись, они завидовали, они страстно желали получить приз: не имеет значения, какими были твои стихи, главное — получить! Они вслушивались в каждый звук выговариваемых председательницей фамилий — а вдруг ошибка, вдруг неправильно прочли, может быть, это мой диплом?! Я вслушивалась в их чувства как музыкант в сыгранную чужаком симфонию. Точно, четко, технично, но, видят боги, лучше бы этой музыке не рождаться на свет.

А эльфийка...

Эльфийка молчала.

Лауреатство, а вместе с тем и право напечататься в сборнике получили семеро человек. Среди них — Полин, под обаяние которой попало и это, казалось бы, столь неподкупное жюри. Когда ей это было надо, алхимичка изумительно умела прикидываться маленькой, белой и пушистой; глаза у нее в такие минуты становились такие большие и несчастные, что в душах у зрителей немедленно просыпалась совесть. Не дать такой диплома было все равно что пнуть котенка. Попал в лауреаты и этот... певец верблюдов, борайкосов и нудистских пляжей. Попала, кажется, девочка с рассказом про Изабеллу — а может быть, и нет, ее-то я помнила плохо.

Наконец все дипломы раздали. Народ было зашушукался, обсуждая свое и чужое; страсти не спадали — напротив, накалялись еще сильнее. К зависти, страху и тщеславию добавилась еще и обида; мрыс, я чувствовала, как здесь становится все хуже и хуже. Совсем плохо... очутись здесь хоть один истинный талант, все было бы проще. Ибо настоящее?... — настоящее легко бы успокоило все страсти.

Но такого не было.

Председательница кинула на нас очередной опасливый взгляд, и эльфийка неожиданно кивнула. Опустила плащ на спинку кресла, расчехлила свой непонятный предмет — и я сообразила, на что именно он был так похож.

Это оказалась лютня.

— Господа, — то ли с испуга, то ли с усталости голос председательницы дал трещину, — нам оказана великая честь. Сегодня в этом зале с нами была не кто иная, как знаменитая поэтесса Ларисса аунд Велле. Ларисса-Чайка... Быть может, вы, мистрис, пожелаете сказать что-нибудь начинающим поэтам?

— Пожелаю, — серьезно согласилась эльфийка. Она выбралась из-под витринки и с легкостью, присущей ее расе, пересекла зал. Стало тихо; множество глаз внимательно смотрели на женщину с лютней в руке.

— Вы пришли сюда соревноваться... — Ларисса говорила в полной тишине, и голос ее чуть звенел, легко наполняя пространство зала. — Вы пришли сюда за победой — и теперь не можете смириться с поражением. Но вы проиграли раньше — когда думали о победе. Когда каждый хотел стать первым. А надо было — единственным.

Я вздрогнула. Чувство дежавю было таким сильным, что я не сразу поняла, что мне напомнила эта фраза. Ну конечно же... первое березня, кабинет Рихтера, я сижу на парте и смотрю в окно.

«Наступает момент, когда понимаешь, что главное — быть не первым, а единственным. И не в смысле устранения конкурентов...»

Эльфийка замолчала, точно не в силах выразить то, что хотелось бы, словами. Тронула струны лютни и не запела — заговорила, негромко и ровно, голосом подчеркивая жесткий ритм:

Смотри — бледнеет ночь, смотри — горит восток,
И через час споют серебряные трубы.
К нам город этот был порою так жесток, —
Но что мне до того?... И ныне сердцу любы

И башенки-вежи, и мостик через ров,
И древних рубежей священные пределы...
Мы выйдем через час, покинем прежний кров,
Единый вечный Путь назвав своим уделом.
Мы выйдем через час. Всего лишь через час
За нами навсегда захлопнутся ворота.
Колеблется огонь, и плавится свеча,
Секунда — что кинжал, минута — что гаррота...

Я молчала, затаив дыхание. И точно так же молчал весь зал: ни шелеста, ни шороха, ни единого слова. Только голос, ровный и немного усталый; только лютня, только тихая, печальная мелодия — без надрыва, столь любимого «юными поэтами», без надуманного трагизма. Чего уж теперь... когда ничего не вернуть...

Настоящее. Вот это было — настоящее.
Искреннее.

Мне хочется забыть про это слово — ДОМ,
Про то, что мы с тобой когда-то ДОМА были;
Чтоб ветер пел для нас — для нас двоих — о том.
Сколь просто и легко мы прошлое забыли.
И будут битвы, где, примкнув спиной к спине,
Сразимся мы — одной лишь только славы ради;
И много лет спустя — так думается мне —
Заезжий менестрель споет о нас в балладе.
Но, глядя на восток, я думаю сейчас:
Отныне и вовек будь проклята дорога,
За то, что нас она, едва лишь минет час,
Навеки уведет от старого порога...

Резким движением эльфийка прижала струны. Мелодия оборвалась; и в тот же миг Ларисса, по-прежнему держа инструмент в левой руке, коротко кивнула слушателям. Выпрямилась — четкая, как написанный единым взмах кисти восточный иероглиф. И быстро, так быстро и легко, будто к сапогам у нее были приделаны крылья, вышла из зала прочь.

Несколько секунд в комнате было тихо. А когда в ней заново родились звуки, были они поначалу тихими и несмелыми, но минуло от силы минуты три, когда все заново заговорили в полный голос. И вновь шуршали пергаменты, и запихивались в сумки дипломы, и спешно писались адреса на полях черновиков... но солнечный луч, падавший чуть наискось из окна, был все-таки светел. И от него шло тепло — настоящее весеннее тепло.

Значит, жить все-таки можно. Правда?..

Вечером мне доставили посылку.

Полин, балансируя на стуле, прикрепляла диплом к гвоздику на северной стене. Рамка, в которую был вставлен пресловутый диплом, розовела, как любимая галлюцинация эмпатов всех времен и народов, — известно же, что, держа экзамен на мастерство, всякий душевед должен выбрать себе глюк Большинство, говорят, выбирают розовых слонов. Возвращаясь к рамке: сделана она была из толстого стекла, а по краю ее украшали густо наклеенные бабочки, цветочки и упитанные купидончики.

В окно вдруг постучались — так решительно и по-хозяйски, как это умеют только работники гарпочты, а в народе — Летучего Приказа. Честное слово, я бы ничуть не удивилась, увидав там пресловутого амура с композитным эльфийским луком, но, хвала богам, его там не имелось, а имелась обыкновеннейшая гарпия. Скрестив руки на груди и сложив крылья, она хмуро наблюдала за тем, как я торопливо сдираю с рам наклеенные по

осени полосы.

— Яльга Ясица? — скрипучим голосом осведомилась гарпия, когда я, не содрав и половины, мощным рывком распахнула окно.

Я кивнула и, отвернув воротник, продемонстрировала медную пластинку, нашитую с внутренней стороны. Посланница по-птичьи, левым глазом, сверилась с вычеканенной рунической надписью.

— Вам посылка, — каркнула она. Извлекла из поясной сумы квитанцию, аккуратно расчерченную на графы: — Распишитесь.

Пробежав квитанцию глазами, я отошла к столу и, свинтив с чернильницы крышку, расписалась. Гарпия, нагнув голову набок, наблюдала за моими движениями; черные глаза ее блестели не по-человечески и не по-птичьи, а твердым каменным блеском.

— Вот. — Я протянула квитанцию.

Гарпия придирчиво осмотрела роспись, потом убрала документ обратно, аккуратно сложив его пополам. Как будто не замечая моего нетерпения — не часто, знаете ли, приходят посылки с гарпочтой! — она извлекла из другого кармана небольшую коробочку и вручила ее мне.

— Спасибо... — чуть растерянно поблагодарила я, недоуменно рассматривая коробочку.

Гарпия, развернувшись ко мне профилем, смерила меня пристальным твердым взглядом.

— Всех благ! — решительно кивнула она и, тяжело оттолкнувшись от подоконника, камнем рухнула вниз.

Я невольно выглянула за окно, но посланница уже встала на крыло и, не обращая внимания на ветер, полетела куда-то на восток. Вскоре она уже скрылась за Астрономической башней.

Проводив ее взглядом, я вновь посмотрела на коробочку. Полин, давным-давно повесившая рамочку, любопытным призраком маячила за моим плечом.

— Яльга, что это такое? — почему-то шепотом спросила она. — Духи, что ли? А от кого?

— От герцога Ривендейла, — отмахнулась я. И добавила, выждав, пока изумление в глазах соседки не достигнет апогея: — Старшего.

— Ну тебя! — обиделась алхимичка. Видно, на такую связь не хватало даже ее богатого воображения.

Я повертела коробочку в руках. Отчасти мной двигало желание найти какую-нибудь примету, способную указать мне отправителя посылки; отчасти же я просто растягивала удовольствие, заодно и пытаясь укротить собственное любопытство.

— Ну Яльга же! — не выдержала Полин. — Открывай!

Поддев ногтями картонный клапан, я открыла коробочку и запустила внутрь пальцы. Бока у подарка были круглые и гладкие чтобы вытащить его наружу, мне пришлось приложить немало усилий. Это оказался хрустальный флакон размером где-то с мою ладонь. Стенки его были прозрачными, а внутри плескалась голубоватая, чуть светящаяся жидкость.

— Духи, — замирающим голосом констатировала Полин. — От поклонника... Яльга, глянь, там записки нет?

Я глянула. Записка была — кусочек пергамента, сложенный вчетверо. Развернув его, я подивилась качеству выделки и только потом сообразила, что держу в руках не пергамент, а бумагу — настоящую эльфийскую бумагу, один лист которой стоит не меньше десяти золотых монет. Слегка потрясенная этим фактом, я всмотрелась в сам текст записки — несколько строчек, написанных торопливым и крайне неразборчивым почерком.

«Яльге Ясице, факультет боевых чар. Кому, как не ратному магу, знать цену звуку?»

И подпись: «Л. В».

Руна «В» — точнее, «V», потому что подпись была эльфийская, — размашистым очертанием больше всего походила на чайку, на черный крылатый силуэт, стремительно

летающий над морем.

Ларисса-Чайка. Птица из Златолиста.

— А «В»-то тут при чем? — ляпнула я первое, что пришло мне в голову.

Алхимичка посмотрела на меня как на умственно неполноценную.

— Она же аунд Велле, — наконец ответила Полин.

«Знать цену звуку»... Эльфы, они эльфы и есть — даже лучшие из них подвержены слабостям. В частности, ни один Перворожденный не может обойтись без того, чтобы хоть немножко, но поговорить загадками.

Ладно, сейчас проверим, что это здесь за звук... Я взяла флакон в руки, собираясь выдернуть пробку, но пробки не нашлось, горлышко было запаяно наглухо. Любопытная Полин сопела над ухом; повертев бутылочку и так и сяк, я встряхнула ее, надеясь хоть так извлечь обещанные звуки.

Похоже, я выбрала верный путь. Жидкость плеснула на стенки, наливаясь голубым, и несколько легких звуков, тонких, как аромат вербены, растаяли в воздухе. Секунды три после этого было тихо; мы вслушивались, пытаясь разобрать хотя бы отзвуки умолкнувшей мелодии. Потом я встряхнула флакон еще раз, немножко резче и под другим углом.

Жидкость плеснула на этот раз чуть выше, принимая сине-зеленый морской цвет. На секунду мне почудилось, что она складывается в крошечную волну, нагибающемся гребне которой пенятся белесоватые барашки... И звуки, конечно, тоже были другими: сильнее и ниже, они слились в один короткий всплеск — наверное, именно так бог моря в минуту бури трубит в свой рог.

— Здорово... — восхищенно пробормотала Полин.

— О как, — нравоучительно сказала я, убирая флакон на место. — Интересно, а магические свойства у этой фляжки есть?

— Да наверняка! — фыркнула алхимичка, удивительно легко переходившая от любого настроения к обыкновенному жизнерадостному. — Как там было в книжке? — Девица пакостно хихикнула и процитировала классический эльфийский роман: — «А тебе, Яльга Ясица, я дарю свет нашей любимой звезды»... — Тут Полин прервалась и с визгом отпрыгнула в сторону, потому что я-таки дотянулась до подушки. Название любимой звезды утонуло в негодующем вопле, но я все-таки разобрала, что оно было длинное, сложное и, разумеется, очень эльфийское. Заканчивалось, по крайней мере, на традиционное «эль» — а еще очень похоже на «крендель»... интересно, это Полин с двухнедельной диеты так тянет на гастрономическую тематику?

— «Светом нетленным будет она озарять твой путь в бесконечность!» — все-таки досказала соседка, выскакивая за дверь. Предусмотрительно, если учесть, что я уже слевитировала подушку обратно.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой шуршат ценники, звенят монетки и летят ножи, а героиня находит то, чего отродясь не теряла

Цветень-месяц оправдывает свое название только в теплых широтах, где в середине весны и впрямь что-то начинает зацветать. В Лыкоморье же, как в стране северной, дикой и напроць лишенной всякого логического мышления, в это время только-только тает снег. Да и то не весь и не всегда; хотя на высоких местах уже зеленеет трава, в низинах все еще лежат ледяные белые островки.

Но правильному адепту все это не помеха. Подобно птицам, что слышат зов весны за синими морями, в чужой земле, где и соль, говорят, исключительно сладкая, — подобно сим тварям, всякий опытный адепт учует приход весны даже сквозь зачарованные стены Академии. А весна — это вам не зима и не осень. Весна — это состояние души.

Или, по выражению магистра Буковца, массовое умопомрачение.

Учебное рвение, порядком поизрасходованное с рюеня, окончательно истаяло на теплом солнышке. Народ влюблялся, назначал свидания и писал записки — особо бдительные магистры изымали такие письма на каждом занятии, а Фенгиаруленгеддир продемонстрировал нам целую пачку подобных эпистол, накопившуюся у него за годы преподавания. Ушлый гном даже посулил, что за оригинальный текст записки, которому не найдется аналогов в его собрании, он поставит пятерку, — но тем adeptам, чьи любовные письма не представляют ценности для коллекции, придется очень и очень плохо. Гномы, что с них возьмешь?

«Хорошо» пока что пришлось только одному студенту — эту историю рассказал вездесущий Хельги. Как ни странно, везунчик не был эльфом — гном Виффин с телепатического факультета вместо пылкого текста нарисовал в любовной записке подробную схему, как пройти до Царской площади, на которой он и назначал своей девушке свидание, крестиком отметив памятник Державе II. Зная характер гномских женщин, за такую лаконичность Виффину могло и прилететь.

Пытаясь хоть как-то бороться с весенним обострением, магистры завешивали окна иллюзиями, но даже это не помогало: в каждой группе находился свой мастер-умелец, запросто просверливавший в иллюзорном пологе дырку. Не знаю, чем уж плохи были прочим adeptам потрясающие горные или морские пейзажи, но предпочтение неизменно отдавалось видам нашего внутреннего двора, покрытого аккуратными кучками снега — тут уже не дремал наш хозяйственный завхоз. Дворника он так и не нанял, упирая на необходимость экономии.

Весь преподавательский состав желчно завидовал Эльвире Ламмерлэйк, кабинет которой традиционно находился в подземельях. Впрочем, ни Рихтер, ни Белая Дама не затрудняли себя созданием иллюзий. Не нашлось бы adeptа, который рискнул бы отвлечься на лекциях по некромантии или боевым чарам.

А мне в ночь на первое травня исполнялось двадцать лет.

Никто не знал, почему из всех праздников западного Великого Колеса в Лыкоморье прижилось только два. Савайн и Беллетэйн — ночь на первое дожденья и ночь на первое травня. Самая страшная ночь в году и ночь Возрождения Сущего. Никто из коренных лыкоморцев отродясь не отмечал Имболк, Остару, Литу или Ламмас. Точнее, может, и отмечал, но называл эти дни совершенно иначе, да и праздновал по-другому. Чем угодили Савайн и Беллетэйн загадочной лыкоморской душе — знают одни только боги. Может, названия понравились? А что, красиво звучат...

Так или иначе, но праздник был. И была я — я, которой выпало родиться именно в эту, бесспорно, волшебную ночь.

Деньги, полученные от Ривендейла, еще позвякивали в кошеле. Вечером двадцать восьмого цветня я задумчиво пересчитывала монеты, прикидывая, на что мне хватит такого количества золотых.

— Слышь, Полин, — я подняла голову, поигрывая золотой монеткой, — хочешь завтра со мной в магазин?

— В магазин? — рассеянно повторила алхимичка, пролистывая конспект. — За амулетами? Нет, спасибо, меня в тот раз чуть не убило...

Я досадливо встряхнула головой, перебрасывая за спину косу.

— В одежный, балда! За новыми сапогами. И штанами, если останется.

— Не обзывайся, рыжая! — привычно отбрыхалась Полин. Тут до нее дошло, и она подняла удивленный взгляд от конспектов: — За сапогами? А ты что, хочешь купить новые?

— Нет, мрыс эт веллер, эти обменять! — Я бросила красноречивый взгляд в сторону разваливающейся обуви. — День рождения у меня или что? Новых сапог я, что ли, не заработала?

— День рождения? — Полин насторожилась. Дни рождения были ее коньком. — А когда?

— В ночь на первое.

Услышав такую восхитительную весть, алхимичка даже захлопнула тетрадь.

— В Беллетэйн?! Врешь, Яльга!

— Да чтоб мне... хм... — Я задумалась, не зная, чем поклясться, и наконец нашлась: — Провалиться в пустую дырку!

— Ты и родиться нормально не можешь, — подвела итог девица.

— Ну так как? Пойдешь или нет?

Полин тяжело вздохнула, вновь открывая конспекты:

— Да куда же я от тебя денусь?

Сказано было верно: не делась. Никуда. Назавтра после лекций, благо на дворе стояла пятница и занятий было немного, мы встретились у заповедного орешника и отправились в город. Снег почти уже стаял, трава лезла вверх, буйно зеленея везде, где только нельзя — скажем, на обочинах или в промежутках между плитами на площадях, — зато напрочь отказываясь расти на санкционированных клумбах и «эльфийских горках». Кое-где я даже заметила первые одуванчики.

Солнышко пекло уже... ну не совсем по-летнему, но все равно горячо. Я жмурилась, с удовольствием подставляя лицо его лучам. Хоть и не загорю, а все равно приятно. Полин, шедшая рядом, беззаботно помахивала сумочкой, периодически ехидно вопрошая, действует ли это на меня весна, или же буйные шизофреники круглый год такие радостные. Я отмахивалась от вредной алхимички, вслух жалея о том, как мне не хватает снега, из которого лепятся такие замечательные, такие увесистые снежки. Метала я их метко, так что намек был донельзя прозрачен.

До сапожной лавки мы дошли без всяких приключений. Полин, мигом ощутив себя в своей среде, начала демонстрировать мне ассортимент, со знанием комментируя каждую пару обуви.

— А вот это, Яльга, смотри, босоножки на пробковой подошве, как у вас там на юге носят! Видишь, тут и перемычка такая, через палец, есть! Жалко только, бусинки скоро облезут, а ремешки вообще не кожаные...

— Натуральная кожа! — пискнул было небрежно задвинутый в угол продавец. — И как это облезут, когда краска гномья?!

Но Полин в два счета доказала и ему, и мне, что гномами тут даже и не пахнет, а от кожи имеется одно только название. Почуввав в девице серьезного соперника, торговец замолк, так что дальше алхимичка разливалась уже соло:

— Ботинки на шпильках, отделанных топазиками... помогает от дурного глаза... Туфли василисковой кожи, с замшевой отделкой... василиск поддельный, замша ничего, сойдет... Опа, каблуки из кости горгульи!.. Яльга, бери, ты же боевая магичка! Всех запинаешь... что? Дорого? Так на амулетах ты вроде не экономишь?.. Босоножки... ой, какая прелесть! И ремешочки, и кисточки! Сколько стоит? Есть ценник? А примерить можно? А зеркало у вас есть? Яльга, а Яльга! Мне они идут?.. Смотри, носки на шпильках! Бери, это круто! О, на них даже вышивка есть...

— Сапоги у вас где посмотреть можно? — быстро спросила я, когда Полин сделала паузу, чтобы вдохнуть немножко воздуха. — Дорожные, покачественнее, можно эльфийские. Ценовой разброс — приблизительно до двадцати золотых.

Хмурый продавец указал мне полку, и я начала выбор, оставив Полин восторгаться босоножками.

То, что я купила в итоге, стоило не двадцать, а двадцать восемь золотых. Причем две монетки мне сбросили — отчасти благодаря моему умению торговаться, отчасти из благодарности за то, что я наконец-то уведу из лавки Полин. Кстати, алхимичка мой выбор не одобрила: сапоги были коричневые, без вышивки, аппликаций, кисточек и прочей мишуры. Даже шпильки на них и то не имелось: невысокий квадратный каблук был удобен как для пешего, так и для конного пути. Кто его знает, как сложится, может, пригодится.

— Ты теперь еще лошадь купи! — возмущенно фыркала Полин, когда мы уже вышли

из лавки. — Ну или сведи, коли и в самом деле ромка!.. Они хоть вправду эльфийские, а? Те эльфы, часом, не в Хох-ландии живут?

Я монотонно кивала или мотала головой, мысленно подсчитывая оставшиеся денюжки. Так, на штаны вроде хватает. Рубашка у меня новая, легкая — ее и летом носить можно. Дадут стипендию — может, еще одну куплю. А может, и не стану, там посмотрим.

Сапоги, кстати, были действительно эльфийского производства. Контрабанда, я так понимаю, — и хотя всю контрабанду делают на Малой Арр-на-Утской, к созданию этой пары приложил руку именно эльф. И неплохо приложил, надобно отметить.

— Все! — решительно возвестила Полин, когда мы, минув несколько «не заслуживающих внимания» лавок, пришли наконец в «достойную». — Марш в примерочную, ты, чудо рыжее! Выбираю я, твое дело — примерить. А то я тебя знаю, ты сейчас такую мрысь выберешь...

И понеслось.

Штаны Полин выбирала как на себя — и потому через полчаса я уже устала от мелькания розовых, фиолетовых, сиреневых и голубеньких брючек, густо усеянных вышивкой и стразами. Так что, когда в очередной принесенной девицей стопке мелькнули штаны зеленого цвета, я мигом вытащила их наружу.

— Ой, я, кажется, ошиблась! — Полин попыталась забрать у меня вытащенное, но я была стойка. Мигом стянув с себя предыдущие брюки — голубые, с вышитыми гладью райскими птицами, — я натянула эти, с минуту провозившись с непонятной гномской застежкой.

Нет, Полин не ошиблась. Как и все предыдущие принесенные ею брюки, эти были длинны («Сюда шпильки требуются, да!»), узки («Ну ноги-то показать надо!») и сидели достаточно низко — на два пальца ниже пупа («Да ты что, совсем отсталая, что ли, — разве это низкое?! Да ты низкого не видала!»). Подробное исследование показало, что вышивки, равно как и пайеток, на штанах не имеется. Это был плюс, и плюс весомый.

— А ничего так... — с легким оттенком зависти отметила Полин. — Ноги и в самом деле видно...

— Сколько хоть стоит-то? — Я поискала на штанах ценник, но так и не нашла. Опытная Полин, развернув меня лицом к зеркалу, мигом отыскала пергаментный квадратик, прицепленный к заднему карману.

— Шестнадцать золотых... Много?

Я наскоро прикинула собственную финансовую обеспеченность. Ну до стипендии я доживу — особенно с недополученными еще до конца обедами.

— Нормально. Берем!

Мы вышли из лавки, и я, помахивая свертком со штанами, спросила:

— Ну что, теперь домой?

Дома ждало недописанное задание по некромантии и полторы геометрические задачи для Фенгиаруленгеддира (половинку второй я все-таки осилила вчера вечером). Но Полин возмущенно набрала побольше воздуха в грудь и, прежде чем я успела вспомнить, как алхимичка любит магазины, выпалила:

— Эт-то еще что?! Какое домой? После второй-то лавки?!

Я обреченно закрыла глаза. Истинная женщина до кончиков отполированных ногтей, Полин обожала гулять по магазинам — в особенности по ювелирным, одежным и антикварным. Даже если денег в кошельке было кот наплакал, алхимичка все одно отправлялась в вояж — и непременно покупала какую-нибудь финтифлюшку вроде ароматической свечи или рамочки для рисунков.

«Ладно, тогда домой пойду я одна», — хотела ответить я, но Полин успела раньше. Меня аккуратно подхватили под локоток и, громко возмущаясь моей дремучести, повели в сторону ближайшей лавки. Эльфийской, судя по всему, и парфюмерной — из распахнутой двери тянуло тонкими ароматами.

Через пару часов я в полной мере прочувствовала на себе всю правоту Державы

Путятича, который, по слухам, хвастался перед иноземными послами несметным множеством межинградских лавок. Торговля в стольном городе и впрямь процветала; наверное, за все предыдущие почти что двадцать лет я не видела столько магазинов, сколько посетила в сей знаменательный день. И добро бы, ежели заведения одного профиля, скажем ювелирные, располагались рядами, как мне было привычно по маленьким городам. Нет, Межинград шел в ногу со временем, и бесчисленные магазины и магазинчики были разбросаны по городу в совершенно хаотичном порядке. Слава богам, Полин не захотелось переходить через мост в Новый Город; мы кружили по всему правому берегу, и если кому-нибудь вздумалось бы отследить наш маршрут, он, мне кажется, сбился бы уже на тринадцатой лавке.

Где-то в промежутке Полин заскочила в кофейню, и я, обретя временное просветление, быстренько пересчитала деньги. Денег было немного, но хватало; уже зная столичные расценки по части кормежки, я смело подошла к витрине, но тут оказалось, что знания мои не стоят и ломаного медяка. Всех моих сбережений не хватило бы на то, чтобы купить здесь чашку настоящего кофе со сливками и какую-нибудь не сильно дорогую плюшку. Впрочем, кофе я не пробовала и пробовать не желала; выбрав булочку подешевле, я присоединилась к Полин, уже устроившейся за миниатюрным столиком у окна.

Алхимичка гордо восседала на стуле, окруженная грудой пестрых свертков и пакетов. Самый маленький из них, элегантно сложенный из лакированной бумаги, стоял на столе, возле блюдечка с салфетками; потягивая из чашечки какао, Полин с нежностью смотрела на пакетик. Внутри, если я ничего не перепутала находилась крошечная скляночка настоящих эльфийских духов.

Плюшка была ничего, вполне съедобная. Полгода назад я сказала бы — изумительная и уметелила в два укуса, но выигранные обеды несколько меня избаловали. А может, просто приучили к чуть более приличной жизни, чем была до того.

Так что я задумчиво ела плюшку, Полин ложечкой изящно выковыривала вишенки из мороженого, но тут ложечка выпала из ослабевшей руки, и Полин, вздрогнув, огромными глазами воззрилась в окно.

Я немедленно посмотрела туда же, но не успела ничего заметить, а в следующий момент дверь растворилась, и порыв весеннего ветра нежно звякнул хрустальными колокольчиками. На пороге встал Генри Ривендейл.

Полин, спрятав лицо за чашкой какао — пряталось плохо, ибо чашка была невелика, — наблюдала за герцогом, забыв трепетать ресницами. Я успела еще удивиться такой реакции, а потом Генри прошел мимо нашего столика, словно бы нас и не заметив. Вот это уже было куда интереснее; я прищурилась, выстукивая по столешнице козерыйку. Так-так, благородный Ривендейл! Вчера, значит, вы у меня списывали, а сегодня нам уже и здороваться не надо?

— Яльга! — шепотом воззвала Полин. — А он... а он... а чего он тут делает?

— Не видишь, что ли? — довольно громко спросила я. — Кофе покупает.

Кажется, алхимичка имела в виду совершенно другой аспект, но требовать иного ответа она не стала. Ложечка, замершая было в воздухе, опять вонзилась в мороженое; впрочем, теперь в ее движениях не было былой скорости, зато появилось некоторое кокетство. Отделяя очередной кусочек пломбира, Полин косилась на Генри, так выразительно опуская ресницы, что я почти посочувствовала гаду вампиру.

Впрочем, по заслугам, ибо он продолжал демонстративно нас игнорировать.

Такое пристальное внимание явно пришлось Ривендейлу по душе. Столик он выбрал удачный, расположенный не так чтобы совсем близко, но и не особенно далеко — со своего места я чувствовала запах заказанного вампиром кофе. Мне всегда нравился кофейный аромат, но данный случай стал исключением. Проглотив ставший в горле кусочек плюшки, я незаметно пнула Полин под стол:

— Поторопись, а. Мне геометрию делать надо, а тебе — алхимию!

Алхимичке было начхать на профильный предмет. Алхимичку интересовал только

Генри, с независимым видом прихлебывающий кофе. Мороженое кончалось ужасающе медленно; поняв, что нам придется сидеть здесь до тех пор, пока вампир не соизволит убраться, я задумалась, отыскивая выход.

И выход был-таки найден!

Я пнула алхимичку еще раз, а когда она возмущенно обернулась ко мне, оторвав взгляд от несравненного Ривендейла, я многозначительно подмигнула левым глазом, одновременно кивая на ничего не подозревающего вампира.

Полин насторожилась.

Я напрягла все свои мимические способности и изобразила, сколь страстно герцог любит Полин и как он стремился пересечься с ней хотя бы в кофейне. А коли Полин хочет удержать столь перспективного ухажера на крючке, ей не следует явно демонстрировать свою к нему приязнь, а следует, напротив, всячески держаться на расстоянии. Пускай в нем проснется охотничий рефлекс. Пускай он захочет получить право это расстояние преодолеть. Как барон де Мираж в книжке «Пламя любви».

— А мы пока пойдем.

Последнюю фразу я выговорила вслух, устав от длинного мимического монолога. И так на меня с восторгом глядело полкофейни, а невозмутимый Ривендейл даже забыл про кофе. Очень хотелось верить, что жертва не была напрасной.

Наверное, боги вняли моим мольбам. Полин, прикусив губу, кинула на Генри еще один быстрый взгляд. Видимо, взгляд этот узрел многое, чего не было ясно с первых полутора тысяч взглядов; алхимичка презрительно усмехнулась и, передернув плечиками, в два счета расправилась с мороженым и подхватила драгоценный пакетик.

Кофейню мы покинули с просто-таки потрясающей скоростью.

— Слушай, а ты правда так думаешь? — Едва мы отошли от прозрачных дверей саженной на пятнадцать, как Полин мертвой хваткой вцепилась в мою руку. — Правда думаешь, что он в меня влюблен?

Я пожала плечами:

— А почему нет? Даже если и не влюблен, все едино ему не повредит.

Полин нахмурилась, задумчиво выставив нижнюю губу. На всякий случай даже оглянулась, но сзади никого не имелось, и Генри, даже если и питал к ней столь пылкие чувства, не стал жертвовать ради них недопитым кофе. Фыркнув, алхимичка решительно направилась к ближайшей лавке.

Гениальные мысли редко являются в одиночку. До меня вдруг дошло, каким образом можно сократить нашу прогулку, получив при этом максимум удовольствия. Все оказалось очень просто: всего-то было надо, едва заведя книжный или магический магазин, нестись к нему на всех парах и восклицать: «Так, а теперь сюда!» Полин любила и книги, и амулеты — но не в таких количествах и не такие боевые. После третьей же лавки она заскучала, а в четвертой, получив по носу отпрыгнувшей книжкой, обиженно потребовала идти домой.

— Зачем? — удивилась я, пролистывая книгу заклинаний.

— Ты же здесь все равно ничего не покупаешь!

— И что? — Моему хладнокровию, верно, позавидовал бы и Генри Ривендейл. — Я присматриваюсь.

— Я-а-альга...

— Спокойно, — посоветовала я, откладывая книгу. — Я же с тобой ходила, верно?

— Я с тобой потом еще схожу, — быстренько пообещала алхимичка. — А то сегодня, сама знаешь, еще задание не сделано... У тебя геометрия, у меня алхимия...

Й-есть! Я всеми силами изобразила на лице сожаление и тяжелый нравственный выбор. Полин, поняв, что победа близка, цепко ухватила меня под руку. Другой рукой она удерживала все многочисленные пакетики и свертки.

— Отлично, Ялга, наконец-то домой! И вообще, ты бы знала, как меня достали твои чародейские прибабасы! Этот твой свихнувшийся учебник — вы с ним прям два сапога пара!.. — он мне вчера, между прочим, полгазеты сжевал! Ровно коза какая-то! Нет чтобы

как у всех нормальных людей — книги и книги, лежат спокойненько, никого не трогают, максимум дымом плюются... А амулеты!.. Вот там как раз дымом не ограничивается!..

Я смущенно хмыкнула. Амулеты, которых пока что было не так уж и много, в самом деле вели себя, мягко скажем, по-разному. Иногда у них переклинивало магическую начинку — особенно часто это случалось после очередного слегка измененного заклинания — и тогда последствия бывали весьма разнообразны. В последний раз, помнится, нам затопило пол до самых ножек кроватей — причем вода была морская, и даже с водорослями.

Полин продолжала вещать, помахивая покупками, и вдруг сбилась на полуслове, с уже знакомым полустрадальческим-полухищным выражением лица глядя на очередную гномью лавку.

— Герцог!..

— Где? — обреченно спросила я, но Полин уже рванула вперед, только чудом не растеряв все свертки, и легко распахнула тяжелую дверь.

Генри там и в самом деле был. Стоя у прилавка, он держал в руках раскрытый бархатный футляр, в каких обычно продаются украшения, и задумчиво рассматривал его содержимое. Я заинтересовалась, что бы это могло быть, Полин тоже хищно сузила глаза, но Ривендейл, едва услышав скрип двери, быстро захлопнул крышку.

— Генри, — широко улыбнулась алхимичка, подплывая к вампиру, — надо же, какая встреча!

— Добрый вечер, Полин, — сдержанно ответил герцог, отдавая гному-хозяину футляр. — О, Ялга, и ты здесь!

— Угу, — согласилась я, рассматривая витрину.

Вообще-то торговые заведения уже успели изрядно мне надоесть. Но герцог хорошо поступил, что попался на глаза Полин именно в этой лавке, ибо здесь, даже после предыдущих ста пятидесяти четырех магазинов, было на что посмотреть.

Лавка была, насколько я могу судить, антикварная. Гном торговал всем старинным, что только могло заинтересовать покупателя, — от украшений до оружия, от книг до восточных благовоний. Под потолком висело чучело базилискоса, тщательно собранное из кусочков змеиных и петушиных чучел. Монстр получался тот еще; впрочем, за реальное чучелко тварюшки КОВЕН давно уже обещал прорву золота. Но вот в чем дело — будучи фэйри, базилискос вполне поддавался убиению, но уж никак не таксидермическим изыскам.

Оставив Полин общаться с Генри, я прошла вдоль прилавка, рассматривая товар. Перстень с крупным рубином — зуб даю, камень долбленный, а внутри в свое время был яд. Две бронзовые метательные чакры — те самые, которые раскручиваются на пальце перед броском. Свиток с текстом по-староэльфийски. Медная статуэтка. Большая шкатулка красного дерева с окованными бронзой углами. Три амулета от дурного глаза...

— Может быть, госпоже что-нибудь показать? — осведомился гном, пристально следивший за моими перемещениями.

— Да нет, наверное... — Я улыбнулась и пожала плечами.

— Госпоже ничего не нравится? — слегка нахмурился хозяин.

— Ну почему же... — Я еще раз пожала плечами. — Просто покупать я сейчас все равно ничего не буду, потому как денег нет. Ну и зачем тогда зря вещи тревожить?

Гном задумался на несколько секунд, а потом хитро улыбнулся, назидательно вскидывая палец:

— Госпожа просто не нашла еще того, что хотело бы принадлежать именно ей...

Он прищурился, задумчиво рассматривая меня с ног до головы, потом кивнул и, подтащив приставную лестницу, споро вскарабкался на самый верх. Несколько секунд он исследовал содержимое верхней полки, а потом снял оттуда какую-то шкатулку. Точнее сказать — шкатулищу, ибо размера эта коробочка, даром что из благородного дерева, была немаленького. Если внутри и хранилось украшение, то оно, наверное, пришлось бы впору великанше.

— Вот, — не без гордости возвестил гном, спустившись и поставив шкатулищу передо

мной на витрину. — Что вы на это скажете?..

Помедлив, я осторожно сняла крышку, покрытую слоем пушистой пыли — от моих пальцев там остались отчетливые темные следы. Гном благоговейно извлек наружу какой-то кожаный сверток и торжественно расправил его передо мной.

Это была перевязь с метательными ножами. Из тесных кармашков наружу торчали только рукояти — довольно простые, без позолоты и камней. И перевязь, и рукояти выглядели довольно старыми, но не потрепанными, а просто пожившими, видевшими уже немало рук.

В памяти немедленно всплыло ценное указание — одни боги знают, кем и кому оно было выдано. «Если оружие просто будет висеть в шкафу, то раз в полгода стоит протирать клинок маслом, очищая его от ржавчины, образующейся во влажной атмосфере. А если вдруг соберетесь использовать клинок по назначению, главное — не забывайте стирать с него кровь». Гном смотрел спокойно и уверенно: походило, что если ножи и использовались «по назначению», то кровь с них стиралась в строго обязательном порядке.

Я всегда любила оружие — в смысле теоретически. Мне нравилось рассматривать гравюры и рисунки, на которых изображались всевозможнейшие клинки, но даже в теоретической области мои познания нельзя было назвать обширными. Я приблизительно знала, что такое дол, почему ножи затачиваются в форме клина (впрочем, насчет этого самого клина я питала некоторые сомнения), а также прочитала в книжке, что метательных ножей в природе не существует, а существуют исключительно ножи многофункциональные, и с некоторыми из них и приходится расставаться путем прицельного (или как получится) броска по врагу.

Хельги Ульгрем, правда, одно время пытался просветить меня, темную, — и как раз касательно ножей, но просвещения не получилось. Неплохой охотник, он знал кое-что про охотничьи ножи, но в боевых, которые интересовали меня на порядок больше, смыслил примерно столько, сколько и я. Поняв это, я быстренько отказалась от его услуг: в конце концов, сумбурный и малодостоверный ворох сведений у меня уже есть, и дубликата мне не надо.

Практическое же мое знакомство с оружием заключалось в шпаге все того же герцога Ривендейла, которую я в свое время использовала как дирижерскую палочку. Рукоять у нее была удобная, да и общий вид внушал уважение, но я сомневаюсь, чтобы столь короткое знакомство могло наделить меня соответствующей информацией.

Короче говоря, я была твердо уверена, что менее всего нуждаюсь в десятке метательных ножей. Но гном смотрел на меня очень внимательно и серьезно; решив не обижать уважаемого торговца, я покивала, пробормотав нечто вроде «да-да... хм, как интересно» и взялась за ближайшую рукоять.

Нож легко вышел наружу, и я с должным уважением воззрилась на стальной клинок. Ну... профессионал, наверное, начал бы излагать свои соображения касательно свойств стали, крепления клинка к рукояти или ширины дола. Я же, будучи сугубым дилетантом, поняла лишь, что нож был достаточно широкий, что кромка у него острая, что конец заострен, а никакого дола и в помине не имеется.

— Вы метните, метните... — посоветовал гном, наблюдавший за мной из-за прилавка.

Я задумчиво взвесила в ладони рукоять:

— Куда?

Гном молча махнул рукой в сторону стены. Там висела деревянная плашка безо всяких кругов и десятков; поискав глазами другие возможные мишени, я не нашла ни единого варианта и мысленно пожала плечами.

— Полин, отойди!..

Алхимичка быстро юркнула в противоположный угол, сделав попытку утащить за рукав благородного кровососа. Но Генри не поддался на провокацию, оставшись стоять где стоял; от него до мишени было меньше шага, а касательно своей меткости я не питала никаких особенных иллюзий. Нет, мне, конечно, герцога ничуть не жалко, но у него же еще

и матушка есть!..

— А вам, благородный Ривендейл, требуется особое приглашение?..

Генри, сверкнув глазами, отошел, правда не сразу, а секунд через пять, сохранив должное достоинство. Я сглотнула, вздохнула, скрестила пальцы на ногах и метнула нож в мишень.

По крайней мере, прицеливалась я туда. Но ничуть не удивилась, услышав глухой удар, а еще через секунду — увидев нож лежащим на полу.

— Промахнулась, — не без ехидства констатировала Полин.

— Госпожа не промахнулась, — возразил гном. — Нож ударился в мишень, но не клинком, а рукоятью. Руки у госпожи правильно растут, только метать ее не учили.

Я подошла к мишени и подобрала нож. Странно, но он лег мне в руку так удобно, как не ложилась даже Ривендейлова шпага. Костяная рукоять еще хранила тепло моей ладони; я сжала ее, точно пытаюсь утешить благородный клинок после такого постыдного броска.

— Генри, — Полин обернулась к вампиру и умильно захлопала ресницами, глядя на него снизу вверх, — Генри, а ты не покажешь нам, как нужно метать ножи?.. Ты ведь умеешь это делать, правда?..

— Умею, — буркнул герцог, и я ничуть не усомнилась в его честности. — Но показывать не буду.

— А почему?..

Генри не снизошел до ответа; я же протянула нож гному, и он, вложив клинок обратно в ножны, выжидающе посмотрел мне в лицо.

— Ну? Госпоже заворачивать покупку?..

— Нет, — с некоторым сожалением сказала я. — Не надо. Говорю же, денег ни монетки...

Гном пожал плечами, убирая перевязь обратно в шкатулку. Я наблюдала за этим с весьма странным чувством. Может быть, дело было во фразе, которую мимоходом бросил опытный торговец. Моя вещь... мрыс эт веллер, с каких это пор я стала ловиться на такие простенькие крючки? Мало ли что сказал какой-то гном! Знаем мы гномов — для них все измеряется золотом, а что не измеряется — на то выписывают банковский чек...

— Ну что, пошли? — Я подхватила Полин под руку, и она с видимым сожалением отошла от благородного Ривендейла. Впрочем, недалеко: спохватившись, алхимичка обернулась к нему на пороге лавки.

— Генри, а ты что же?.. С нами не пойдешь?..

— Нет, — лаконично отказался вампир. Против ожиданий, он даже соблаговолил пояснить свою мысль: — У меня еще остались здесь дела.

Обратно мы возвращались другой дорогой — покороче.

Солнце уже клонилось к западу, на улице похолодало. Полин застегнула верхние крючки на своей коротенькой куртке и подтянула вверх широкий воротник вязаного свитера. Западный ветер трепал ее короткие волосы, перехваченные широкой атласной лентой.

Я запрокинула голову, подставляя лицо весеннему ветру. Холодно? Да нет, разве что совсем чуть-чуть. Ветви деревьев отчетливо прорисовывались на фоне неба — прозрачного весеннего неба, золотого на западе и пронзительно-синего на востоке. Это время проходит так быстро, что его порой даже не успеваешь заметить: вчера еще лежал снег, завтра распустятся листья, послезавтра зацветут черемуха и сирень... а сегодня? Что было сегодня?..

Жизнь вообще на удивление мимолетна. Дело не в том, сколько лет отмерено конкретному живому существу, — просто дни летят как листья, подхваченные осенним ветром. Зима, весна, лето... ночи, и дни, и опять ночи... мне вдруг захотелось, чтобы время — хотя бы ненадолго! — замедлило свой шаг. Чтобы можно было ходить, и слушать, и запоминать — вот она, весна, она пришла, и другой такой уже не будет...

— Что молчишь? — неожиданно спросила Полин, беря меня под руку.

Я пожала плечами, не отводя глаз от синевшего сквозь тонкие ветви неба.

— Думаю...

— О чем?

— О вечном, — серьезно сказала я, и Полин рассмеялась. Я тоже улыбнулась, щурясь от вечернего солнца.

Мы проходили сейчас мимо забора — невысокого такого деревянного заборчика, достающего мне приблизительно до подбородка. За ним виднелись какие-то руины, живописные до такой степени, что редкий эльф мог пройти мимо, не издав восхищенного вздоха. Ушлые столичные менестрели, проведая о такой популярности развалин, зачастили сюда как в дешевый трактир; набравшись же колориту, они то и дело выдавали свеженькие баллады, авантюры и лэ, повествующие о трагических событиях, имевших место быть здесь сто (двести, триста) лет тому назад. Юные девы тосковали здесь по благородным рыцарям, уехавшим воевать дракона. Зловещие старухи варили под покровом ночи лютые, запрещенные КОВЕНОм в первом чтении зелья. Отважные герои, объединившись в команду (как правило, туда входили парочка эльфов, ворчливый гном, стерва-волшебница или ехидный маг, а также воитель или воительница, составлявшие пару чародеям) скопом били морду гаду-некроманту, заодно отмахиваясь от настырных зомби, поднятых при полной луне.

Лишь немногим было ведомо, что руины есть никакие не руины, а самая что ни на есть обыкновенная стройка, правда относящаяся к категории вечных. Начали ее, кажется, еще при Путате Добрыниче, батюшке нынешнего царя, — и начали масштабно, размахнувшись едва ли не на дворец. Потом, как это случается с масштабными проектами, деньги неожиданно закончились. Всплыли какие-то сведения, касающиеся того, откуда они вообще взялись, эти самые закончившиеся деньги, — характер же у сведений был такой, что несостоявшийся дворецвладелец предпочел сбежать, пока это было еще возможно.

Кстати, сбежал он недалеко, ибо коррупция во все времена каралась строго.

Повинуясь весеннему порыву, я начала рассказывать Полин про читанную давеча в библиотеке книжку — книжка рассказывала о верованиях фьордингов и была составлена неким Э. Велленом, имя которого лично мне ничего особенного не говорило. В моем переложении истории получались на удивление ехидные — я сама поражалась тому, как ухитрюсь вывернуть мрачные и величественные легенды так, что алхимичка то и дело фыркает, прикрывая лицо ладонью. Видно, сказывались природные особенности, обусловленные цветом волос, — ничем иным объяснить это я просто не могла.

Но вдруг, поперек легенды о том, как Тор ездил добывать у великана Хюмира пивной котел, я почувствовала на себе чье-то пристальное внимание. Или кажется?.. Нет, именно так! Будто чужой взгляд, раз за разом обшаривающий улицу, по какой-то причине не замечающий на ней меня. Пока что не замечающий — но очень желающий заметить.

Мрыс бы его знал, что именно было ему нужно. Но столь пристальное внимание, вдобавок снабженное явно нехорошими намерениями, просто не могло мне понравиться. Оборвав фразу на середине, я схватила алхимичку за руку и подтащила ее к забору, столь вовремя оказавшемуся рядом.

— Ты чего, Яльга? — На втором шаге до Полин дошло, и она попыталась вырваться на свободу. — Ты меня куда тащишь? Отпусти меня, слышишь?

— Тихо, — серьезно оборвала я ее, и алхимичка немедленно замолкла.

Впрочем, ненадолго — всего лишь до следующего шага.

— Может, ты...

Но мы уже подошли к забору, и я, перекинув на ту сторону сумку (нечего бояться, на всех моих вещах антивориное заклинание стоит!), подтолкнула соседку в спину:

— Лезь!

Полин обратила ко мне изумленное лицо:

— Куда?

— На ту сторону, быстро!

— Но...

— Лезь, кому сказано!

Похоже, взгляд у меня в тот момент был самый нехороший — девица заткнулась и, не выдавая более никаких возражений, послушно полезла через забор. Делала она это крайне непрофессионально, да и узкие штаны вкупе с сапогами на шпильках мало способствовали процессу. Взгляд продолжал обшаривать улицу; не выдержав, я взмахнула рукой, выплетая до боли родное заклинание.

Полин оторвало от забора и таким воздушным шариком подняло вверх. От неожиданности она даже ничего не успела сказать — пользуясь этим, я одним резким жестом переправила ее на ту сторону, в компанию к заброшенной туда давеча сумке.

Сама я левитировать не стала. Едва убедившись, что с Полин все в порядке и заклинание можно снимать, я подтянулась, ухватившись за верхний край, и, вспомнив детство золотое, относительно лихо перепрыгнула-перевалилась через забор.

На той стороне меня уже ждала разгневанная алхимичка.

— Может, ты хотя бы сейчас объяснишь мне, что происходит?!

— Нет, — нагло сказала я, поднимая сумку. — Не объясню. А сейчас мы заткнемся и быстренько побежим в сторону Академии. Установка понятна?

— Да как ты...

— Быстро! — Поняв, что Полин требуются объяснения, я напрягла образное мышление. — Помнишь ту мою книгу? Которая сожгла еще твоих «Марианетт»?

— Ну, — настороженно кивнула соседка.

— Так вот, с нами сейчас сделают то же самое. Если не поторопимся. Ясно?

Еще бы! Образное мышление у Полин было развито на высшем уровне — спасибо многочисленным книжкам про любовь, непомерно развивающим сей аспект мировосприятия. Быстренько проведя логические связи, алхимичка вцепилась в меня как клещ в собаку. Обрадовавшись достигнутому результату, я решительно двинулась в сторону Академии.

Скоро забор кончился. Точнее, кончилась стройка, а забор не более чем загибался углом. Мы с Полин переглянулись; вылезти на улицу я не рисковала, потому что взгляд, кажется, так никуда и не делся.

Мрыс дерр гаст, вдруг поняла я. А ведь взгляд-то мне знаком: где-то я его уже чувствовала, и ничем хорошим, кажется, дело в тот раз не кончилось. В этот тем более не кончится; я закусила губу, пытаюсь найти правильный выход. За забор нам сейчас ходу нет — а шататься по этой стройке до ночи... Я, конечно, боевой маг, но нарываться все равно не хочется.

— Яльга, — шепотом позвала меня Полин. Взглянув на нее, я поняла, что переборщила: глаза у девицы были большие-большие, круглые и донельзя испуганные. — Дальше-то что делать будем?

Наверное, этот ее испуганный вид и придал мне сил. Кто-то же должен находить из ситуации выход?

— А дальше, — наставительно сказала я, — мы будем делать хитрый финт ушами. Называется «телепорт». Вас этому учили?

— В теории...

— Вот и хорошо, а нас — на практике. Смотри, что я буду делать, и ткни, если делать буду неправильно. Договорились?

Полин кивнула. Вот и хорошо, вот и славненько...

Вообще-то телепортации нас тоже учили исключительно в теории. Практику я обеспечила себя сама, взломав кабинет Рихтера, из которого, как ни крути, пришлось смыкаться в экстренном порядке. Оно, конечно, так, и в стрессовой ситуации все способности резко обостряются... а чем нынешняя ситуация не стрессовая? Только попробуй, Яльга, не создать правильного телепорта!

Я колдовала, закусив губу от усердия. Полин внимательно смотрела за моими движениями; пару раз она поправляла меня, и я мимоходом удивлялась тому, как,

оказывается, хорошо алхимичка помнит мелкие подробности. Наконец в пыли перед нами загорелся зеленым правильный шестиугольный контур.

— Вперед, — сделала я приглашающее движение рукой, но Полин не двинулась с места.

— А якорь ты на что забрасывала?

— На твою тумбочку, — ляпнула я. Какой такой якорь? Лично нам Фенгиаруленгеддир ничего такого не рассказывал. Ну или я не запомнила, ибо общая магия давалась мне очень легко и до середины первого семестра я вообще не утруждала себя особенным запоминанием деталей. Но Полин мы про это говорить не станем, а то девица у нас и так вся на нервах. В прошлый раз я и без якоря куда надо телепортировалась...

Или куда не надо?

Я сглотнула, вспомнив Драконий Хребет и тамошнюю живность... но выхода не было, и я, сделав умное лицо (а что, раньше помогало, и сейчас пронесет!), шагнула внутрь телепорта. Глядя на меня, туда зашла и Полин.

— Поехали! — процитировала я известный лубок.

В следующий момент мир знакомо задернуло черной шторой, желудок совершил сальто-мортале, а я поняла, что в иных областях Высокого Искусства мне до Рихтера еще далеко. Он телепорты строит на порядок качественнее.

А еще через несколько секунд мы вывалились на наш внутренний двор — вокруг смыкались стены Академии, а прямо перед носом стоял, укоризненно глядячи на непутевых адептов, гном-завхоз.

— Метлу-то хоть отдайте, — исторгнув тяжелый вздох, непривычно кротко попросил он. — Новую.

Полин толкнула меня в бок острым локотком — и я поняла, что сжимаю в руках толстое ореховое метловище.

— У тебя вообще глаза где? — неожиданно спросила Полин, когда мы уже сидели в родной комнате. Последние полчаса алхимичка была подозрительно тиха, и я уже начинала волноваться за ее психическое здоровье. Но вопрос был задан таким потрясающе ехидным тоном, что я немедленно расслабилась и перестала паниковать.

— Где надо! — Какой вопрос, такой и ответ. — Может, тебе атлас анатомический дать?

— Какая, к мрысам собачьим, тумбочка? — трагически спросила меня Полин. — Какой, к мгымбрам, якорь?! Где ты мою тумбочку на внутреннем дворе видела, а?

Я задумалась. Голова, как назло, уже не соображала — наверное, завязавшись в узелок, развязаться мозги уже не смогли. У меня так всегда бывает — подобно похмелью, неотвратимо настигающему наутро всех вампиров, у меня за опасностью неминуемо следует отходняк. Кое-как я все-таки поняла, что имеет в виду Полин, и выдала:

— Тумбочку в окно было видно.

Похоже, что и у соседки мыслительные способности работали через раз: она удовлетворенно кивнула, даже и не подумав поинтересоваться, как устроены мои пресловутые глаза. Честное слово, видение тумбочки в нашем окне могло явиться только тому, у кого к глазам прилагаются стебельки. Второй этаж как-никак...

Полин замолчала, а я задумалась. Задумалась быстренько, чтобы успеть понять мысль, до того как голова заново откажется работать. Простой вопрос в максимально доступной форме: почему этот взгляд показался мне таким опасным? Опасным и еще, наверное, знакомым...

Нет. Идей не имелось, вообще никаких. Я посидела еще немножко, глядя в синеватые сумерки. Потом потянулась за «Справочником». Может, хоть там что-нибудь найдется?

Нет. Не нашлось. «Справочник» услужливо подсовывал мне демона за демоном, фэйри за фэйри — я честно смотрела на цветные рисунки и понимала, что к взгляду это отношения не имеет. Даже жалко немножко становилось — уж больно красочные были демоны, ну а подробности их уничтожения «Справочник» и вовсе расписывал с большим вкусом.

Наконец я не выдержала и вернула «Справочник» на место. Вытянулась на кровати,

подложив руки под голову, и задумалась уже более основательно. Ну в конце-то концов, должна же я понять, что вообще случилось? Может, показалось, а? Почему бы и нет? Меньше надо боевую магию учить, а то скоро атакующие виверны мерещиться станут...

Нет. Это был не глюк. Это был самый что ни на есть настоящий взгляд, и, клянусь некромантическим дипломом, что, задержись мы тогда на улице, остались бы от нас две симметричные кучки пепла. Причем рядом с правой имелась бы лужица расплавленного металла, ибо все мои амулеты обладателю взгляда были на один зуб.

Но кто он и откуда я его знаю?!

Мр-рыс эт веллер келленгарм! Похожие чувства я испытывала только в давешнем сне, двадцать девятого снежня — когда пыталась и никак не могла понять, кого же мне так напоминает тамошний адепт. Ну ладно, тогда-то я в итоге все поняла как нужно, а сейчас, похоже, такого уже не предви...

Я рывком села на постели.

Все просто. Все элементарно просто — как же я раньше до этого не додумалась?!

Взгляд уже был. И я его отлично запомнила. Просто был он... ну не совсем в реальности, скажем так.

Потому что была уже Тьма. Тьма, без остатка заполнившая хрупкую сферу; и была странная слабость, мерзкое ощущение, будто тебя выпивают через соломинку, по капле вытягивая твою жизнь и твою суть.

Было. Все-таки было...

Но откуда оно взялось здесь?!

«Интересный у меня день рождения намечается», — мрачно подумала я, укладываясь обратно в постель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой цветень заканчивается, уступая место травню; а кто родился в Беллетэйн, тому счастье будет

Наутро мрачные мысли не то чтобы выветрились — просто отодвинулись в самый дальний угол черепной коробки.

Никогда не считала себя особенно отважной. Я умею бояться, и иногда даже слишком хорошо. Но бояться я умею только деятельно, преодолевая страх любым доступным способом. А бояться вот так, когда сам не знаешь, чего, собственно, боишься... нет, так не годится. Значит, бояться и не буду.

К тому же праздник сегодня или где?!

Праздник. И даже не один, а целых два — мой день рождения, о котором знают всего два человека (тем интереснее!), и Беллетэйн, который, между прочим, третий год как обещают причислить к государственным торжествам.

Но обещать — еще не значит жениться, так что занятия у нас сегодня были, даром что и сокращенные. В этом были минусы, ибо все прочее Лыкоморье, не запертое в стенах Академии, гуляло и веселилось, а осчастливленные магическим образованием адепты мрачно смотрели на игрища и гульбища через хрустальные шары. Нет, кое-кто, конечно, смылся в город, но таковых было немного хотя бы потому, что магический фон был сегодня совершенно особенный и терять такой изумительный для чародейства день было попросту глупо. Так что особенный магический фон — это, бесспорно, плюс; ну и как не отнести к плюсам перспективу показаться одноклассникам в новых зеленых штанах?! Нет, я, конечно, не Полин, ну и что с того?

Полин, к слову, тоже не особенно грузилась насчет вчерашнего. Вид у нее был довольно веселый; алхимичка вдевала в уши золотые сережки (с бриллиантками, сапфирчиками и ма-ахонькими изум-рудиками), напевая себе под нос дуэт двух эльфийских

принцев — тех самых близнецов, в честь которых были названы Куругорм и Келефин. Прислушавшись, я разобрала, что принцам вот-вот станут бить их благородные эльфийские физиономии.

Подумав, я решила, что Полин даже и в голову не придет сообщить о случившемся... ну, скажем, магистрам. Причем спроси я ее почему — ответом мне станет чеканная формулировка: «Что я, дура, что ли?» Так что не будем портить девице праздник — ей праздник, а себе, стало быть, нервы.

Все, Яльга! Мы расслабились и перестали думать о нехорошем. Расслабились, я сказала! Да, и браслет мы больше не теребим...

Полин домурлыкала дуэт до середины — вплоть до того момента, как старший принц начал клясть врагов налево и направо. Дело было не в том, что алхимичка забыла слова — память у нее была железная, и что в нее попало, тому обратно дороги не имелось. Просто текст проклятия был такой сильный, что произносить его магу с хоть сколько-нибудь приличным резервом очень не рекомендовалось. Говорили, что в прошлом году на премьере оперы со здания театра едва не снесло крышу — а все потому, что какой-то чародей-меломан, не подумав, начал подпевать.

— Поздравлять буду попозже, — подмигнула мне она. — И за уши драть — тоже. Так что готовь бинты, рыжая!

— Ха, поймай для начала! — Я широко улыбнулась, отметив между прочим, что про сочетание меня со штанами Полин не сказала ни слова.

— И поймаю, да, и поймаю!

Я не стала спорить с алхимичкой — дело было заведомо проигрышное. Вместо этого я села на кровать и аккуратно подвернула штанины на обеих ногах так, чтобы брюки сделались немножко короче. А после этого достала дождавшиеся сего часа зеленые туфли.

— Яльга? — осторожно позвала Полин, наблюдавшая за мной не без испуга. — Ты чего? А сапоги как же?

— А вот так! — беззаботно ответила я. — День рождения у меня или как?! И без сапог обойдусь, раз в году-то можно!

Глядя на кислотоватое лицо алхимички, я испытала невиданный прежде моральный подъем. Е-мое, бодро воскликнула какая-то часть меня, прежде находившаяся в глубокой спячке. Чем я хуже Ликки де Моран?! Ну да, я не блондинка, и глаза у меня не такие зеленые, и нос не прямой... и дальше что? Зато я рыжая, а это теперь даже модно!

Вдохновившись этой мыслью, я встряхнула головой, отбрасывая с лица чуть выющиеся пряди. Конечно, adeptкам не положено приходить на занятия с распущенными волосами... но почему adeptкам нельзя, а adeptам можно? Вон у Келлайна, например, волосы еще подлиннее моего будут — это что еще за дискриминация получается? По половому, стало быть, и расовому признаку?

Первой парой у нас стояла некромантия. Второй — боевая магия; на этом, хвала богам, сегодняшние занятия заканчивались. Из комнаты я вышла немножко раньше обыкновенного, не будучи уверена в своих способностях к бегам на высоких каблуках. Каблуки цокали, я чуть покачивалась, всеми силами стараясь одновременно сохранять равновесие, не сутулиться и хотя бы изредка, но сгибать ноги в коленях.

К кабинету некромантии я более-менее разобралась в ногах и каблуках. Подумаешь, тоже мне шпильки! На Новый год я на них даже танцевать сумела... добро что вчера Полин подсунула мне именно зеленые штаны! Что бы, я, интересно, стала обувать, окажись брюки любого другого цвета — с учетом того, что сапоги, даже новехонькие, эльфийские и стоившие целых двадцать восемь золотых, к ним вообще не подходили...

Некромантия сегодня была теоретическая, лекцией. Я честно законспектировала семь страниц ценной информации о том, как влияет Беллетэйн на разнообразнейшую нежить. Влиял он мощно, нежить впечатлялась, я тоже не осталась равнодушной, твердо решив не выходить майской ночью в лес без как минимум десяти амулетов.

Приблизительно на шестой минуте урока я поняла, что от распущенных длинных волос

адептке и в самом деле одна морока. Гадская шевелюра мела по пергаменту, а один длинный рыжий волос я выудила из чернильницы. Как он туда попал — уму непостижимо.

Но, честное слово, все неудобства с лихвой компенсировались реакцией зрителей. Зрители были в астрале; Хельги смотрел на меня, потом — на свой пергамент, потом вновь на меня, словно пытался отыскать десять отличий. Келефин и Куругорм совершенно одинаково хлопали глазами, живо напомнив мне Кренделя в его трехмерной форме. Только благородный Ривендейл не удостоил меня высочайшего герцогского внимания — вампир скользнул по мне взглядом и тут же отвернулся, с искренним интересом рассматривая противоположную стенку. Но вот до него мне уж точно не было ни малейшего дела.

Беллетэйн, кстати, действовал не только на нежить — разве что причислить к таковой еще и преподавателей. Шэнди Дэнн, которая в любой другой день наверняка бы одернула и меня, и зрителей, сегодня ограничивалась исключительно ехидными взглядами. Помимо ехидства я — о ужас! — обнаружила там нечто могущее именоваться исключительно «женской солидарностью».

Нет, сурово подумала я, когда снаружи прозвенел звонок. Это не я такая красавица, — в самом деле, что, народ эльфиек не видел? Просто по контрасту со мной-обыкновенной, в старых штанах и разваливающимися сапогах, я-сегодняшняя, немножко более праздничная, смотрюсь... хм... ну, скажем так, не совсем привычно. И не более того... да, но почему мне все больше хочется отыскать хотя бы одно зеркало?!

Не иначе как кто-то из богов услышал мои молитвы. Зеркало нашлось, но нашлось там, где я менее всего была готова его увидеть.

Ибо первым, что я увидела в кабинете практической боевой магии, оказалось именно зеркало — высокое, овальное, снабженное специальными бронзовыми ножками и оттого стоявшее прямо на полу. Судя по оправе, лет зеркалу было немало, но стекло было чистым и ясным, лишенным и намека на обычную для старинных зеркал мрачноватую муть.

— Слушай, а зачем это? — шепотом спросила я у Келефина, который как раз оказался рядом.

— Это? — не понял эльф. Я махнула рукой в сторону зеркала. — А-а, вон ты про что... Так у нас же сейчас тема «Защитная магия», Рихтер давно обещал показать, как отражают чары зеркалом...

— А-а, ну тогда понятно, — глубокомысленно сказала я. Прозвенел звонок, и мы с эльфом шмыгнули в кучку адептов. Келефин не ошибся: память у него, как почти у всех эльфов, была цепкая, хотя и не такая хорошая, как у брата. Занятие сегодня и впрямь было по «отзеркаливанию», причем с этой темой я хотела разобраться уже довольно давно. Хотела хотя бы потому, что «Справочник», исправно снабжавший меня сведениями из всех областей магической науки, упрямо молчал насчет использования зеркал, а я принадлежала к той породе людей (и не только), которой тем интереснее предмет, чем тщательнее он скрывается.

Так что в любой другой день я, бесспорно, думала бы исключительно о новой технике — ну еще, пожалуй, о том, как бы ее на чем-нибудь отработать. Но, видно, между зелеными штанами и умственными устремлениями существует прямая телепатическая связь, потому как сегодня меня интересовал и другой аспект применения зеркальных поверхностей.

Ну надо же мне удостовериться, так ли хороши мои ноги, как мне это помнится!..

Зеркало было просто шикарное. Отражать заклипания им, верно, было одно удовольствие. Но заклипания заклипаниями, а штаны штанами... и я, осторожно отодвинув Хельги, развернулась так, чтобы ноги отразились там во всей красе. Хм. А ведь неплохо, мрыс дерр гаст, совсем неплохо!

Так, а если в профиль?..

В профиль вообще шикарно. И туфли такие классные, на каблуках... ха, и чем я, спрашивается, не эльфийка? С такой-то талией и с такими ногами?

— Что вы там так выглядываете, студентка? — наконец не выдержал Эгмонт. — Или вас столь заинтересовала техника отзеркаливания заклипаний?

— Разумеется, заинтересовала! — честно ответила я, быстренько переводя на него

невинный взгляд.

Магистр усмехнулся.

— У вас замечательные ноги, студентка Ясица, — ехидно сказал он. — А брюки изумительно это подчеркивают. Упыри всех лыкоморских жальников передерутся за право первым получить пинок такой восхитительно стройной и длинной ногой. Но я бы предпочел, чтобы на практикуме вы занимались несколько иными вещами.

Адепты засмеялись. Я оскорбленно выпрямилась, одаривая хихикающего Хельги ледяным взглядом. Вампир, надо сказать, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Ни один упырь, — проговорила я максимально медовым голосом, — не в силах составить конкуренции вам, магистр Рихтер! По крайней мере, если таковых заинтересует моя точка зрения на очередность... хм...

— Я учту, — серьезно кивнул он. — Но, к нашему обоюдному сожалению, дуэльная практика ожидает вас только на следующий год. А сегодня, студентка, постарайтесь оторвать взгляд от зеркала.

Мрыс с тобой, золотая рыбка! Честное слово, у меня было слишком хорошее настроение, чтобы препираться с кем бы то ни было дольше чем полторы минуты подряд.

Занятия сегодня были сокращенными — мало того, их было только два, и боевая магия соответственно оказывалась последней. Надо сказать, что со стороны директора это было крайне мудрое решение — больше никто бы все едино слушать ничего не стал, и многоуважаемому Буковцу явно не захотелось отмечать Беллетэйн массовыми прогулами. А ими бы дело и кончилось, ибо даже мне, студентке в иных отношениях почти что примерной, не терпелось поскорее закончить с лекциями. Праздник же ведь сегодня, верно? И, главное, какой!

День рождения одной конкретной Яльги Ясицы — это одно, а вот Беллетэйн — это совсем-совсем другое. Беллетэйн есть штука массовая, красочная и очень веселая, особенно если меня вновь посетит озарение и я изобрету штуку похлеще мгымбра.

Так что когда прозвенел звонок, я быстро скинула все амулеты обратно в сумку, сумку забросила на плечо и быстро направилась к выходу, но на пороге меня догнал голос Рихтера:

— Студентка Ясица! Останьтесь на пару слов.

Дело было привычное. Я прикинула, что придется забежать в комнату и оставить там книги — не идти же в город вместе с колдовскими инкунабулами! А это значит, снова придется накладывать на комнату противопожарные чары, потому что магические книги суть существа непредсказуемые, особенно когда в одном месте их собирается достаточно много.

К слову, понятие «много» для магических книг начинается уже с двух.

Народ быстро покинул аудиторию — он тоже жаждал развлечений. Я сидела на первой парте, болтала ногами и прикидывала, в какой угол лучше запихать полученную давеча у Зирака монографию о бестиологической классификации. Все знали — Рихтер с Марцеллом друг друга не шибко любят, и существовал определенный риск, что эти же чувства распространяются и на книги.

— Как у вас дела с защитными заклинаниями? — словно прочтя мою мысль, спросил Эгмонт.

— Вы про те, которые накладываются на предметы?.. Неплохо. — Я пожала плечами и улыбнулась, вспомнив забавный случай двухнедельной давности. Тогда я только-только начинала работать с этими чарами и немножко перестаралась: заклинание, наложенное на сумку, оказалось настолько крепким, что она никак не хотела даваться мне в руки и угрожающе рычала на каждое мое движение. — У меня, кажется, был вопрос... а, конечно! Скажите, магистр Рихтер, а можно заковать предмет на определенное слово? Вроде пароля? Чтобы взять мог не только тот, который чаровал, но и...

— Но и тот, которому сказан пароль? — закончил Эгмонт. — Можно. Так заклиная клады... есть два способа, студентка Ясица. Один на крови, вам о нем расскажет магистр Дэнн курсе, если не ошибаюсь, на шестом. А если просто изменить заклинание, то

попробуйте поработать с объектным уровнем. Там, где вы завязываете чары на себя, смените свой образ на образ-пароль...

— Я пробовала. Там отдача, и цепь распадается...

— Значит, образ нечеткий. Придумайте что-нибудь, что вызывает у вас сильные эмоции. Можно, кстати, и отрицательные, только учтите, что тот, которому вы передадите ключ, должен будет испытывать по поводу пароля те же чувства, что и вы.

— Понятно, — кивнула я. — Вопросов больше нет.

— Ну это ненадолго... — хмыкнул Рихтер. — Собственно, студентка Ясица, я рад видеть такую преданность профессии, но я просил вас задержаться не для этого.

— А для чего же?

Вместо ответа он, щелкнув пальцами, легко вытащил из воздуха небольшую деревянную шкатулку и отдал ее мне.

Я недоуменно приняла и повертела даденное в пальцах. Ну да, шкатулка. Деревянная, легкая, но все-таки не пустая: изнутри отчетливо пахло заклинанием, правда, запах скорее угадывался, нежели чувствовался. Очевидно, там стояла защита, ограничивающая распространение чар во внешний мир.

— И что это такое, магистр Рихтер?

Он пожал плечами:

— Подарок. Если не ошибаюсь, у вас сегодня день рождения?

— Кгхм, — сказала я, чтобы хоть что-то сказать.

Пальцы сами нашли нужную выемку; я приподняла крышку и присвистнула, увидев, что изнутри шкатулка выложена шелком. Значит, и впрямь защита... я чуть наклонила шкатулку, пуская внутрь солнечный луч, и по характерному блеску, о котором рассказывал Фенгиаруленгеддир, мигом опознала шелк эльфийский. Да. Слабые амулеты этим не защищают.

Впрочем, то, что лежало в шкатулке, было отнюдь не амулетом.

Это был талисман, причем и в самом деле мощный — как минимум его должно было хватить на пару-тройку серьезных боевых заклинаний. Мне сложно было оценить всю его емкость, не проводя специального опыта, но, сдается, штука и впрямь была профессиональная.

Вот только выполнена была профессиональная штука отнюдь не в традиционном ключе. Вместо полагающейся металлической пластинки с парой-тройкой загадочных рун и неперенным оттиском ковенской печати на обороте в шкатулке лежали серьги, кованные из черного серебра в виде миниатюрных березовых листиков. Стиль работы я определила как гномский, стиль зачаровывания — как скорее уж эльфийский, так что, очевидно, две великие расы сумели-таки найти общий язык.

Вот интересно, а сколько это стоит?..

— Мрыс дерр гаст... — с тяжким вздохом пробормотала я. — Магистр Рихтер, а талисманов подешевле в той лавке не было?

— Студентка Ясица, — с образцовым ехидством отвечал маг, — на собственной жизни не экономят. Эти серьги — самый мощный защитный талисман, о котором я когда-либо слышал. А вы — самый лучший собиратель приключений на свою голову, которого я когда-либо встречал. Честное слово, вас необходимо совместить хотя бы из чувства самосохранения. У меня обширные планы на жизнь, студентка, и я отнюдь не собираюсь помирать в расцвете сил, вытаскивая вас из какой-нибудь очередной передрыги. Мне с лихвой хватило вашего участия на некромантической олимпиаде.

Я хмыкнула. Если чье-то чувство самосохранения и было тогда задето, то уж всяко не Эгмонта. Пожаловаться могли бы, наверно, магистр-некромант, старший в жюри, и та дикая тварь из дикого леса, которую я использовала в качестве экспоната.

Вообще-то талисман мне нравился. И в профессиональном, и в эстетическом смысле; пожалуй, я бы даже предпочла, чтобы в эстетическом он мне нравился немножко меньше. Наставник, дарящий любимой ученице талисман, есть дело понятное и не подлежащее

объяснению. Он же, выбирающий в качестве подарка гномские сережки, уже начинает вызывать некоторые подозрения.

Я опасливо покосилась на Рихтера. Но тот, естественно, не выказывал никакого патологического яльголюбия, и я слегка устыдилась, поняв, что испытала на себе чрезмерное влияние Полин. Мрыс дерр гаст, еще не хватало, чтобы мне везде начали чудиться любовные намеки! Этак я и до влюбленного Ривендейла доберусь...

В конце концов, нашептывало мне что-то меркантильное, он же ведь тебе не венчальные браслеты дарит, так? Вот и не мрыс высматривать невесть что! Где тебе еще удастся получить такой обалденный талисман? Они, чай, на дороге не валяются!

Вот именно, не валяются, стучали кулачком зачатки воспитания. Где это видано, чтобы приличные... хм... адептки принимали в подарок такие дорогие артефакты?

Но тут я вновь покосилась на Эгмонта и поняла, что, если я откажусь принимать талисман, магистр пожмет плечами и заберет его обратно, не испытав ни малейших угрызений совести. Дух противоречия оскорбленно возопил, присоединив свой глас к обрадованной меркантильности; вдвоем мы зажали хорошее воспитание в угол, и я бодро сказала, запихивая шкатулку в карман:

— Ну тогда спасибо, магистр Рихтер! И вообще, это... с праздником вас!

— И вас аналогично, — усмехнулся он. — Я вас больше не задерживаю, студентка...

Настроение у меня было отличное. Я вышла из кабинета, бодро помахивая непривычно легкой сумкой и напевая под нос романс про белый шиповник. В коридоре было солнечно и тепло; я блаженно зажмурилась, встряхнулась и бодро свернула за угол, тут же нос в нос столкнувшись с Полин. Разумеется, алхимичка уже успела переодеться, накраситься еще слоя на полтора и надеть с полкилограмма новых висюлек. Посмотрев на все это, я с облегчением поняла, что до нее мне еще кашлять и кашлять.

— Ой, Яльга! — Мне обрадовались так шумно, будто в последний раз мы встречались еще при Путяте VII Добрыниче, батюшки нынешнего государя. — Тебе как, нравится вот эта розочка? А вот эта блестяшка?.. Скажи, мне кажется или ленточка немножко сбилась?..

— Все здорово, — заверила я Полин, по опыту зная, как следует отвечать. — Платье вообще отпад. Слушай, я...

— Нет, это ты слушай! — взмахнула рукой Полин. — Что это такое, ничего сказать нельзя, вечно перебивают!.. Значит, так, мы сейчас идем гулять. Ясно тебе?

— Куда? — осмелилась уточнить я, ибо Полин, вцепившись мне в руку, волокла меня прочь с этажа, ухитрившись выбрать для этого наиболее опасный маршрут. Едва ли об этом знала алхимичка, но лично я превосходно помнила, что на крайнем от лестницы окне висят весьма нехорошие шторы, развлекавшиеся ловлей и попытками удушения неосторожных адептов. Так что я осторожно развернула Полин в другую сторону, чего она, возможно, и не заметила, продолжая вещать в практически автономном режиме:

— Ты моя подруга или как? У тебя день рождения или где? Мы, вообще, в столице живем или в деревне Смурные Выселки? Вот только попробуй мне заикнуться, что хочешь пойти в библиотеку!

Я прикусила язык. Вообще-то именно туда я и направлялась, естественно только до вечера, ибо часов в шесть я планировала присоединиться к народным гуляниям, как раз приобретающим должную широту и размах.

Но Полин, как водится, решила иначе. Мне оставалось положиться на ее волю и навык, ибо, признаваясь по-честному, у меня было мало опыта в устройении правильных празднеств. Не считая мгымбра, разумеется; но за мгымбра, если я сотворю подобное еще раз, мне устроят отдельный праздник, с речами (это по части Буковца) и увеселительными мероприятиями (правда, магистр Рихтер?).

Мы быстро пересекли Академию и вышли во двор через распахнутую настежь дверь. Главная Замковая Элементаль, обыкновенно находящаяся в амплуа суровой, но справедливой, зеленым облачком парила возле косяка. Запах мандрагона ощущался еще на подходе, так что я мигом поняла, отчего змий называется зеленым.

— Кто идет? — бдительно, но нечетко осведомилась флуктуация, когда я занесла ногу над порогом. — А пар-р-роль?

— «Беллетэйн», — отмахнулась я.

— Непр-равильно, — пробормотала элементарь нам вслед. — Пар-роль... пар-роль... мрыс, где-то же он был у меня записан!..

Полин ткнула меня локтем вбок; я вздрогнула и посмотрела туда, куда указывала алхимичка.

«Беллетэйн», — гласили кривые буквы, старательно выведенные над входом.

Алхимичка не ошиблась — в городе и впрямь уже начинали праздновать. По фонарям развешивали шары и ленты, на лавках уже болтались специальные венки, на которых, по моему, только черной ленточки и не хватало. «Каюк торговле», — перевела было я, но тут же сообразила, что умный купец, а в особенности гном, всегда найдет способ изрядно обогатиться на Беллетэйне.

И верно, ближе к центру торговля была ключом, только успевай уворачиваться. На Большой площади стихийно организовалось нечто вроде ярмарки; гам, доносившийся оттуда, слышался за два проспекта. Переглянувшись, мы свернули на Большую и почти сразу же угодили в шумное цветное столпотворение. Нам поочередно предложили: кружку с надписью «Беллетэйн»; кружку с гербом царской фамилии; кружку с нашими же физиономиями, магическим образом проступившими на стекле; кружку еще с чем-то, но тут кружечные ряды кончились и начались ленточные.

Слава богам, до ленточек с гербами текстильная промышленность еще не дошла — а то, наверное, Полин так бы и осталась там жить, выбирая подходящий сувенир. Ленточки вообще-то ей были по барабану, но теперь алхимичке неожиданно пришло в голову, что их можно этак небрежно завязать на ремне сумки. Выйдет красиво, неожиданно и так по-эльфийски... Яльга, глянь, сюда лучше зеленую или бирюзовую?..

Я молча тыкала пальцем в очередную полоску ткани, Полин пожимала плечами и покупала обе, тут же сворачивая ленты колечком и убирая их в сумку. Сумка была хитрая, зачарованная специальным образом: с тем, кто дотрагивался до ее бока случайно, ничего не происходило, но стоило поблизости появиться чьим-то чрезмерно ловким пальчикам, как сумка тут же отрачивала зубы и рвалась в бой.

Научного интереса ради — как-никак заклинание было практически авторское — я краем глаза поглядывала на сумку. За пятнадцать минут наблюдения мною было зафиксировано четыре случая нападения, и все четыре были успешно отражены. Надо сказать, воришки попадались исключительно понятливые: воплей слышно не было, и полуотгрызенных пальцев никто еще не предъявлял. Значит, обошлось без рецидивов.

Дальше были съестные ряды, и там, протаскивая зажмурившуюся Полин сквозь облако запахов, вкусных и не очень, я быстро купила себе пирожок с повидлом. Алхимичка смотрела голодным взглядом, так что добытое пришлось разломить пополам — с учетом того, что пирожок был гномский, мне все едино достался вполне приличный кусок.

Ну а дальше все завертелось так, что я даже и не старалась это запомнить. Качели, карусели, говорящие, а точнее, оружие попугаи; Полин тянет «билетик счастья», и птиц хриплым голосом вещает ей нечто вроде:

Я всегда хочу дышать амброю твоих кудрей.
Нежных губ твоих жасмин дай поцеловать скорей!
Всем песчинкам поклонюсь, по которым ты прошла,
Бью почтительно челом пыли под ногой твоей...²

Алхимичка млела, взмахивала ресницами и пододвигала сумку поближе, вовремя

² Стихи Рудаки.

отдергивая руку от чрезмерно бдительных челюстей.

Потом были еще прилавки, заваленные эльфийскими кружевами, невозмутимый эльф-продавец и замороженная Полин, медленно перебиравшая белоснежные воздушные полосы... Были прилавки другие, откуда лился шелк — эльфийский же и почему-то красный, всех оттенков, которые только может принимать этот цвет. Розоватый, синеватый, малиновый, багровый, багряный, темный, как кровь из вены, и, наконец, алый — того непередаваемо чистого огненного цвета, которым вспыхивают боевые пульсары. В одно ухо мне вещал продавец, отчего-то желавший продать мне боги знают сколько этого клятого шелка, в другое же жарко шептала Полин, припоминая романтическую историю про некую юную эльфочку, что ни день гулявшую до пристани, и какого-то там капитана. Мы ходили, ходили, ходили... народу было страшно много, но при этом везде где надо ненавязчиво маячила стража, и ни разу не случилось так, чтобы в одном месте образовалась хотя бы маленькая, но толпа. Нас мотало по всему городу, захлестнув стихийной волной торжества; я запомнила лишь обрывки, кусочки того дня и запомнила еще, как в ушах стучало: Беллетэйн, Беллетэйн, Беллетэйн!.. Ночь Весны, ночь юности и силы...

А потом вдруг стемнело — так неожиданно и быстро, как темнеет обыкновенно в южных городах. Ночь упала на столицу сразу, безо всяких вечерних переходов, и в теплой прозрачной темноте вспыхнули золотые огни. Народ по-прежнему радовался и гулял, и я в кои-то веки не собиралась от него отрываться.

Но гулять просто так было уже скучно; мы переглянулись и решили пойти в парк.

Естественно,людно было и там. Где-то играл оркестр, а на круглой деревянной площадке, здорово напоминавшей Эльфийские Круги — не тех эльфов, которые Перворожденные, а тех, которые натуральные фэйри, вперемежку танцевали нечто интернациональное. Наверное, матушка Генри Ривендейла, увидав тамошние пляски, скончалась бы на месте от эстетического шока, но я не была вампирской герцогиней и помирать не собиралась. Полин улетучилась куда-то на скамеечку, сопровождаемая смутно знакомым некромантом, а я, заметив на площадке Эллингса с Яллингом, отправилась туда же — танцевать.

Минут через десять я вывалилась с площадки и ухватила за ближайшую березку. Голова кружилась, ноги уже почти не держали; я потрясла головой, восстанавливая равновесие, и поняла, что мир сделался на порядок четче.

Давешняя отрывистость пропала, сменившись более привычным темпом. Я огляделась по сторонам; первым, что бросилось мне в глаза, оказалась алхимичка, сидевшая на все той же скамеечке. Некромант вещал, с каждым мигом все более и более проникаясь рассказом. Судя по всему, говорил он интересно: алхимичка то приоткрывала рот, то широко распахивала глаза, а то скромно смеялась, прикрывая нижнюю часть лица специально для таких случаев захваченным веером. При всем при этом она не забывала пододвигаться к некроманту поближе (тот всякий раз вежливо отодвигался чуть дальше, так что теперь он сидел на самом краешке скамейки), облизывать губки острым розовым язычком и тихонечко, но вызывающе побрякивать подвесками на серьгах.

Я хмыкнула. Праздновать хотелось по-прежнему, но, кажется, мой лимит общественности оказался уже исчерпан. Между тем хотелось чего-то большего; мой задумчивый взгляд неспешно скользил по поляне, пытаясь нащупать материал для будущей гениальной идеи.

Настроение было мне знакомо. Примерно так же я чувствовала себя полгода тому назад, в ночь на Савайн, — тогда, помнится, мы на пару с Хельги соорудили замечательного мгымбра, раз и навсегда вписав свои имена в историю Академии золотыми буквами. Миниатюрный Крендель, ныне живущий на страницах «Нашей газеты», обещал, что лично вызолотит литеры, если эту историю все-таки издадут.

Учитывая, как хитро жмурился при этом мгымбрик, я ни секунды не сомневалась — издадут. Тиражом тысяч семьсот экземпляров, в суперобложках и на дорогущей эльфийской бумаге с золотисто-яичным отливом. Куда они денутся?

Та-ак. Чего бы такого, как выражались классики, сделать плохого? Как назло, у меня не имелось никаких идей; я упрямо смотрела на танцующие пары, ожидая, когда вдохновение посетит-таки мою гениальную голову.

Полин громко рассмеялась, вспугнув вдохновение. Я досадливо нахмурилась — но тут мимо пролетела какая-то идея, и я накрепко ухватила ее за хвост. Полин... Полин, хм...

Полин!

А создадим-ка мы принца!

«А и создадим», — одобрительно моргнули крупные весенние звезды.

Я закрыла глаза, привычно сосредоточиваясь на мнемо-амулете.

Поехали!

Принцы из Западных Земель — это, согласитесь, банально. Все эти блондины в золотых коронах, с золочеными же церемониальными шпагами и белоснежными, точно после стирки, лошадьми — целые стада таких вот персонажей бродят из книги в книгу, создавая нешуточную конкуренцию роковым брюнетам, главным завоевателям нежных девичьих сердец. Повторять то, что сделано до меня сотни и сотни раз?! Ну уж нет, мой принц должен был сделаться чем-то особенным.

Он и сделался. Мнемо-образ я создавала добрых полчаса; открыв же глаза, с удовольствием обозрела созданное и пришла к выводу, что старалась не зря.

Принц вышел просто загляденье, а не принц. Росту он был чуть выше среднего, такого, чтоб я доставала ему приблизительно до плеча. Ниже было как-то немужественно, выше же — неудобно; что мне, подпрыгивать к нему, что ли? Лицо ему, подумав, я сделала смуглое — но тоже не так чтобы слишком, а немножко потемнее загара; глаза большие, черные, влажные и чуть навывкате. Принца, впрочем, это нисколько не испортило, напротив, добавило ему еще немного страстности. Черные выющиеся волосы волной спадали ниже плеч, брови — тоже черные и густые — изгибались с максимально возможным эстетизмом. Нос у принца вышел орлиный, донельзя благородный (прототипом послужил Генри Ривендейл), рот — крупный и яркий; на мой взгляд, последняя деталь получилась даже великовата. Впрочем, велик — не мал, мрыс с ним. Должны же у этого... хм... идеала быть хоть какие-то недостатки?

Помимо вышеперечисленного принц был строен и широк в плечах. Белый мундир, вынырнувший из смутных глубин моей фантазии, замечательно оттенял цвет его кожи; поначалу я присобачила поверх еще и синий магический плащ, но потом убрала, решив, что выйдет уже перебор. И так понятно, что особа непростая.

Спохватившись, я добавила принцу саблю — синей стали, хищно изогнутую, с инкрустированной серебром рукоятью. (Ну не в руках же ему оружие таскать?) К сабле добавились и ножны, выложенные драгоценными камнями. Дизайн ножен был нагло украден с последней сумочки Полин.

Образ был абсолютно готов. Мне оставалось произнести одно-единственное слово, чтобы передо мной встал этот самый только что созданный принц — живой, адекватный и, вероятно, такой же удачный, как и давешний мгымбр. Одно только слово, один только жест — и...

Стоп! Я опустила уже поднятую для заклинания руку. На ум неожиданно пришли все те мытарства, которые мне пришлось перетерпеть после Савайна. Ладно, тогда я еще легко отделалась — а что же будет сейчас?!

По принцу было отчетливо видно: он не какой-нибудь, а наследный, самый что ни на есть. В географии я, признаться, сильна не была, но где-то в недрах подсознания заворочалась жуткая мысль: а вдруг где-то там, скорее всего на юге, имеется то самое государство, которое мой принц и должен наследовать? У-у, что тогда будет... я отчетливо представила, как принц, ухватив меня под локоток, мчится отстаивать отцовскую вотчину от посягательств, и мне сделалось плохо. Если принц выйдет таким же качественным, как мгымбр, дело закрутится всерьез, простым скандалом оно не ограничится. А уж если каким-то невероятным попусчением богов получится так, что своего принца я срисовала с

настоящего наследного принца тамошней державы...

Я зажмурилась от ужаса, поняв, что тогда со мной сотворит Эгмонт. Не-э, тут я простым докладом не отделаюсь. Спасибо, если можно будет обойтись зазубриванием родословных всех монархов всей Ойкумены...

Вдобавок взгляд мой случайно упал на свежий выпуск «Нашей газеты», закрепленный между стволом березы и толстой веткой. Мгымбрик на обложке всем видом изображал несказанный ужас: он прикрывал глаза крыльями, драл в отчаянии головной гребень и, умоляюще сложив лапки, плюхался на колени, явно взывая к моему милосердию. По его виду было отчетливо ясно, что делиться своим законным местом на первой полосе он не согласится ни за какие коврижки.

Я взгрустнула. Пройтись сейчас с принцем под ручку было бы, конечно, здорово. Но пройти удастся только разик, а куда его потом денешь?

Ладно, мрыс с вами. Я уныло ссутулилась, загоняя образ в мнемо-амулет. Удалять его было жалко: получилось уж больно здорово, ничем не хуже той олимпиадной кучки, до сих пор уныло хлопавшей многочисленными очами в моем амулете.

Мгымбрик, поняв, что дело обошлось, лихо отплясывал козерырку.

Адепты неожиданно ахнули слитным восхищенным хором: черное небо над кронами вдруг вспыхнуло золотым огнем. На секунду мне показалось, что небосвод раскололся на кусочки, которые сейчас рухнут вниз и погребут под собой землю; но тут вспыхнуло, громыкнуло — и на фоне золотого сияния расцвели обычные вспышки фейерверков. Каждый новый залп студенты встречали новым хоровым воплем; оглянувшись, я увидела, как Полин, прильнув к некроманту, громко хлопает в ладоши и требует немедленного продолжения банкета.

И банкет продолжился! Не знаю, кто из магистров был автором фейерверка — думаю, все-таки Фенгиаруленгеддир, — но постарался он на славу. Иллюзии были изумительные; мой принц, конечно, получился бы не хуже, ну да речь не о том. В небесах сражались драконы, мчались эльфийские парусники, вырастали из звездного света огромные города. Я охрипла от восхищенных воплей; мгымбрик поддерживал меня тоненькими завываниями, наполовину высунувшись из двухмерного пространства газеты. Рядом с нами как-то конденсировался Генри Ривендейл; втроем кричать было веселее, чем вдвоем, так что мы с радостью приняли герцога в теплую компанию. Ящер свистящим шепотом убеждал вампира взять меня на плечи («Знать надо, как за девушками ухаживать!»), тот с сомнением косился на меня, а я с удовольствием грозила обоим кулаком, выпуская из него слабые искры.

— Беллетэйн, Беллетэйн! — звонко орал мгымбрик; адепты кричали что-то похожее, только уже вразнобой. Полин требовала от некроманта звезду с неба, тот, судя по спешно притащенной лестнице, собирался немедленно выполнить заказ. Я щелкала пальцами, выпуская целые тучи синих искр; щелчки выходили звучные, немногим хуже южных кастаньет.

Теплая земля под ногами, едва-едва распутившиеся листья, черное небо, сейчас расцвеченное каким-то восточным орнаментом, — все дышало со мной в унисон, и я готова была смеяться от переполняющего меня восторга. Сегодня ночь фэйри, ночь силы и любви; мне исполнилось двадцать лет, и целая вечность лежала впереди — пронзительно-прозрачная вечность, озаренная звездным светом.

И я была счастлива. Даже без принца; мне плевать было на четверку по некромантии, плевать на тот взгляд, на одиночество, сей, час казавшееся почти ненастоящим, — на все, кроме этой ночи, ночи Середины Весны. Где-то глубоко внутри меня искрился смех; честное слово, я готова была обнять сейчас первого встречного, хотя бы того же Генри Ривендейла.

— Яльга, — вдруг прошептал герцог. Я, улыбаясь, обернулась к нему; вампир смотрел на меня как турист на конную статую Державы Добрынича, разве что запоминалку не доставал.

— Чего? — Моего терпения хватило только на полминуты работы экспонатом. — Есть вопросы?

Вопросы у Ривендейла, наверное, все-таки были. Но озвучивать их он не стал; вместо этого он, с некоторым трудом оторвав от меня взгляд, вытащил из-за спины прямоугольную коробку, обтянутую серым эльфийским шелком. Ткань чуть светилась в темноте.

— Вот, — с непередаваемой смесью гордости, вызова и смущения сообщил Генри, — подарок. С днем рождения, Яльга!

— Спасибо, — чуть промедлив, ответила я. Вот этого я от Ривендейла не ожидала; откуда он мог узнать, что сегодня мой день рождения? Коробка перекочевала мне в руки; она оказалась довольно-таки тяжелой, и я немедленно заинтересовалась, что такое находится внутри. — А что...

— Откроешь — узнаешь, — непреклонно отрезал вампир.

— Как открыть-то? — Я повертела подарок в руках и беспомощно уставилась на Ривендейла. Тот только усмехался, глядя, как я пытаюсь нащупать крышку. — Генри, ну так нечестно! Я ведь сейчас шелк порву, а он красивый!

— Ладно, — смиростивился вампир. — Вот так...

Изяв у меня коробку, он привычно нащупал там крышку, чуть приподнял ее, чтобы я сумела снять.

— Дальше сама, ну!

Я посмотрела на Генри. Взгляд у него был такой... странный. Напряженный, будто он сдавал сейчас экзамен по боевой магии, при чем лично Великому Магистру. Осторожно я взялась за крышку, сняла ее...

— У-ух! — невольно вырвалось у меня. — Генри, но...

— Я угадал? — сияя, осведомился вампир.

— Еще как! — Я не отрывала взгляда от содержимого коробки.

Там лежали ножи. Десять метательных ножей с простыми костяными рукоятками; незнающему зрителю они могли бы показаться дешевыми, но я к незнающим себя не причисляла. Одна только сталь, оборотничий харалуг, стоила столько, сколько мне и присниться не могло, — а уж работа... Это было изумительное оружие. И оно было мне по руке.

Мне не было необходимости доставать ножи из коробки, чтобы понять это. Потому что я узнала набор; именно его я видела в гномьей лавке не далее как вчерашним вечером. Но... но сколько же это стоит, мрыс дерр гаст?!

— Какая разница, — ухмыльнулся герцог, очевидно, прочтя этот вопрос в моих глазах. — Ну что скажешь?..

— Генри, — с чувством сказала я, прижимая к груди коробку, — ты самый классный вампир на свете! По крайней мере, когда не задираешь нос... Спасибо, правда!

Сдается мне, Ривендейл ожидал другого ответа. По крайней мере, в его взгляде я прочла некоторую надежду на продолжение, но, видят боги, я совершенно не представляла, что еще могу добавить к сказанному. В любви ему признаться, что ли? — мелькнула у меня нелепая мысль. Но врать нечестно как-то... да и зачем оно ему? И так, поди, достали с объяснениями!

И вообще, кто здесь герцог Ривендейл, с детства знакомый с этикетом?!

— Э-э... — выдавил из себя с детства знакомый с этикетом герцог. Очевидно, я глянула как-то не так, ибо он поспешил улыбнуться: — Ну... Я пойду, ладно? А то у меня еще дела... Еще раз с днем рождения, Яльга!

— Спасибо...

Не успела я договорить это слово, как Генри с чисто вампирской загадочностью растворился в сгущающихся сумерках. Я осталась стоять, прижимая к себе довольно-таки увесистый ящик. Нет, герцоги все-таки очень странные существа — и мне, как отнюдь не герцогине, никогда их не понять.

— Яльга!

Заслышав знакомый голос, я мигом очнулась от размышлений. Ко мне бежала Полин — некромант со скамейки вежливо оставался на месте, однако же с надеждой глядел

алхимичке вслед.

— Яльга, о чем вы с Генри разговаривали?.. Что это за коробка? Ой, это ножики? А-а, те, вчерашние?.. Ой, их тебе что, герцог подарил?

— Да, — ответила я разом на три вопроса. — Интересно, что на него нашло?

Полин прищурилась. В глазах ее промелькнули одновременно азарт и ревность.

— А может, — она понизила голос, — может, ты ему нравишься?

— Хи-хи, — мрачно согласилась я. — Безумно нравлюсь. И Рихтеру, надо думать, тоже. Дуэль будет, не иначе...

— При чем здесь Рихтер? — недоуменно вскинула брови Полин.

— Он мне тоже кое-что подарил, — пояснила я.

Алхимичка восторженно зажала рот ладонью.

— И... и что он тебе подарил?

— Боевой талисман, — гордо сказала я.

Девушка презрительно фыркнула:

— Он бы тебе еще полный доспех подарил, для комплекта! И Генри тоже хорош со своими ножиками! Только набора вилок не хватает, боги свидетели! А что? Вилка — тоже оружие, два удара — восемь дырок!.. Даме надо дарить цветы, украшения, платья, наконец!

— Ага. Особенно белые и с фатой.

Полин упрямо вздернула подбородок:

— Да! *Желательно* белые и *желательно* с фатой!..

— Кто здесь ругается страшными словами? — вкрадчиво спросили из-за кустов. Кланув зубами и расправив крылья, к нам приблизилась темная фигура — и закономерно оказалась Хельги, замотанным в цветной серпантин. Вид у вампира был веселый, и коробки в моих руках он поначалу даже не заметил.

— Кто и кого пугает страшным словом «брак»? Признавайтесь, я сам вижу, что преступница — это одна из вас! Не может быть такого, чтобы две юные прекрасные девы стояли вместе ночной порой и не обсуждали при этом зловещих планов, как ловчее лишить очередного несчастного свободы!

— Хельги! — запрыгала алхимичка. Вампир был немедленно подтащен поближе; впрочем, он не сопротивлялся. — Вот ты скажи, ты стал бы дарить девушке набор ножей?

— Не-эт, — с некоторым запозданием ответил Хельги. — А что, кто-то подарил?

— Да! — возмущенно ответила Полин. — Вот этой девушке, — в подтверждение своих слов она вцепилась мне в руку повыше локтя, — подарили вот это! — Обличающий палец уткнулся в коробку. — Ну и как это называется, а?

— А... а кто подарил? — только и спросил вампир, ошарашенный таким напором.

— Генри Ривендейл, — сухо уведомила я. Кажется, через час об этом узнает вся Академия!

— А можно посмотреть?

Я молча сняла крышку.

— Классные клинки, — выдохнул вампир; оборотничий металл тускло блестел в звездном свете. Не спрашивая разрешения, Хельги запустил руку в шкатулку, но тут же отдернул пальцы.

— Жжется... — растерянно сказал он.

— Да! Жжется! — подтвердила Полин, захлопнув крышку. — А сейчас мы с Яльгой идем в замок. Потому что хоть кто-то должен подарить ей нормальный подарок! И если все существа мужского рода в радиусе нескольких верст думают только об оружии, то смею заверить, что у женщин еще осталось немножко мозгов!

— А в честь чего подарки? — успел крикнуть Хельги нам в спину.

— День рождения у меня! — не оборачиваясь, ответила я.

По-моему, он не расслышал.

Очевидно, Полин была всерьез задета — то ли самим фактом того, что Генри мне что-то подарил (мне! Благородный герцог Ривендейл!), то ли странным выбором вампира. Во

всяком случае, до замка мы добрались с потрясающей скоростью, и всю дорогу алхимичка, не умолкая, ругалась на тему того, что именно нужно дарить девушкам. Впрочем, последние метров пять Полин, резко сменив тему, рассказывала мне о том некроманте, который сидел с ней на скамейке. Я слушала, ибо выбора не имелось; впрочем, учитывая, что из всех некромантов мне были известны только де Максвилль, Викки-в-синих-штанах и сама Шэнди Дэнн, информацию можно было назвать познавательной.

— Садись! — велела Полин, когда мы переступили порог. Я послушно плюхнулась на кровать. — Теперь закрой глаза!

Я честно зажмурилась, машинально вслушиваясь в происходящее. С пару секунд алхимичка бдительно маячила передо мной, проверяя, не подглядываю ли я, потом она на цыпочках прокралась к своей кровати. Что-то зашуршало, зазвенело и забулькало; Полин коротко ахнула, потом щелкнула пальцами, и что-то зашкварчало, послушно втягиваясь в бутылочку.

— Долго мне еще так сидеть? — спросила я в темноту.

— Долго! — был суровый ответ.

Я прислонилась спиной к стенке и совсем было наладилась задремать. Но через минуту меня бесцеремонно потрясли за плечо; я разлепила глаза и увидела, что на одеяле рядом со мной стоит небольшой тортик, украшенный кремовыми розочками. Гномий, сразу поняла я: мало того что эльфы украшали бы скорее кремовыми незабудками и колокольчиками, так еще и вид у торта был конкретно гномский: компактный, чуточку скособоченный, но при этом очень гордый.

— Здорово, — сказала я, поймав гордый взгляд Полин. — Тащи ножик, будем есть. Беллетэйн у нас или как, мрыс дерр гаст?!

— А это еще не все, — ехидно сказала алхимичка. — Ты у нас, конечно, известная оружейница, и мой подарок тебе на мрыс не нужен... но, может, там пригодится — раны, скажем, промыть?

— Укушу, — серьезно пообещала я, и алхимичка, независимо хмыкнув, протянула мне маленький мешочек из шуршащей упаковочной бумаги. Кое-как я развязала накрепко затянутый бантик — и на ладонь мне выскользнул миниатюрный флакончик с золотисто-прозрачной жидкостью. Я вытащила пробку: по комнате тут же поплыл тонкий цветочный аромат.

— Здорово, — повторила я, затыкая пробку обратно. — Это что, духи?

— Туалетная вода, — поправила Полин. Разницы я не уловила, но, очевидно, она-таки была. — На спирту, так что для ран самое то.

— Я тебя щас сама пораню, чтобы испробовать!.. — Я угрожающе встряхнула флакончиком. — Твоего производства?

— Ага, — гордо кивнула алхимичка. — Мы такого еще не проходили, но у меня, кажется, получилось. Или нет? — Она прищурилась, хищно глядя на меня, и я торопливо сказала:

— Конечно, получилось! Чтобы у тебя — и не получилось?! Не бывает такого!

— Верно, — промурлыкала довольная Полин. Она пересела на мою кровать и от избытка чувств даже приобняла меня за плечи. — Ну что, будем торт есть? Хотя нет, погоди, ты же мне не все подарки показала!

Зевнув, я потянулась было к коробке с ножами, но девица схватила меня за руку:

— Да не надо, видела я уже твои ножики!.. Лучше талисман покажи, который Рихтер подарил. Красивый хоть?

— Не знаю... — чуть растерялась я, пытаюсь вспомнить, в какой карман я запихнула давешнюю коробочку. В куртке точно было пусто; я обшарила все четыре наружных кармана, один внутренний плюс дырку между тканью и подкладкой, выложила на одеяло мнемо-амулет, три серебряных монетки и скомканную шпаргалку по бестиологии, но никакой коробочки там не нашла. Я было испугалась, что потеряла ее в парке, но потом сообразила, что куртку на занятия не надевала. Ну да, правильно, в штанах ведь тоже есть

карманы!

Двумя пальцами (карман был просторный, но вход в него был маленький) я вытащила коробочку наружу и отдала ее Полин. Та немедленно отщелкнула крышку и восхищенно присвистнула, разглядывая содержимое.

— Нет, и среди боевых магов нормальные есть... — заключила алхимичка, по-хозяйски извлекая сережки наружу. — Какой же это боевой талисман? Это украшение, запиши, чтобы не забыть...

— Это талисман! — уперлась я. В подтверждение моих слов от сережек ощутимо фонило, я чувствовала их защитную магию, даже не пользуясь специальным чутьем. — Думаешь, для чего коробка шелком выложена? Для красоты?

— Ага... — Полин повертела сережку в руках, рассматривая ее со всех ракурсов, и я поняла, что здесь бессильны любые аргументы. Любую серебряную штучку алхимичка по определению считала украшением — «блестюшкой», пользуясь ее же языком. Есть вариант, что и знаменитую рихтеровскую куртку с серебряными амулетами на рукавах она списывала на странную моду, бытующую среди боевых магов.

— Слушай, мы тортик есть будем? — напомнила я, зевнув еще раз.

— Будем-будем... — рассеянно заверила меня Полин. — Слушай, но ведь тебе же надо уши проколоть!

— Зачем?! — испугалась я, прикрывая их руками.

— Нет, вы только ее послушайте! — восхитилась соседка. — А вот это, — она потрясла сережками, — это ты как носить собираешься? На шее, на веревочке? Слышала, чтобы так кольца носили, ежели оказывались велики, но чтобы серьги... Короче, пододвигайся к свету!

Я, не подумав, пододвинулась; Полин же, цепко сжав мое ухо двумя пальцами, прошептала коротенькое заклинание. На секунду мочку прожгло болью, а потом алхимичка ловко продернула сережку в получившуюся дырку.

— Ну теперь другим боком! — скомандовала она.

Через минуту процесс прокалывания был завершен. Я мрачно потирала уши, Полин же увлеченно повествовала о том, как именно мне теперь нужно будет жить и сколько раз в день придется протирать уши спиртом. «А то дырки загноятся!» — сурово повторяла она, потрясая пальцем у меня перед носом.

— Мы торт есть будем, мрыс дерр гаст?! — не выдержала я, испугавшись разнообразия ожидавших меня кончин.

— Что? А торт? Ну конечно, будем! Смотреть на него, что ли? — Полин подхватила с постели, и мнемо-амулет, лежавший на самом краю, соскользнул на пол. Я испуганно наклонилась за ним, не уверенная, что падение хорошо скажется на тонком и капризном устройстве, — и верно. Амулет, ощутимо стукнувшийся об пол, обиженно затрясся, замерцал, и над полом неожиданно вырос мой принц — полупрозрачный, будто наш Афилогет, зато гордый и прекрасный, как и полагается принцам крови. Звездный свет мерцал на богато украшенной рукояти сабли. Я ругнулась и подняла амулет с пола. Мрыс, он что, сломался?

Может, и не сломался, но вот обиделся — наверняка. Мне пришлось уговаривать его минуты три, прежде чем он наконец-то соизволил втянуть образ вовнутрь. Облегченно выдохнув, я затолкала амулет в карман и наткнулась взглядом на бледную алхимичку. Замерев, она неотрывно смотрела на то место, где полминуты назад стоял призрак принца, и в глазах у нее плескалась просто невероятная смесь чувств. Основными были недоверие, обожание и легкая обида, но с каждой секундой там все ярче проступала надпись, видимая любому, кто знал Полин достаточно хорошо. «ХОЧУ!!! — гласила надпись. — ХОЧУ ВОТ ЭТОГО, И ПРЯМО СЕЙЧАС!!!»

— Я-альга... — умоляюще выдохнула алхимичка. — Яльга, как его зовут? Кто он такой?

— Да никто, забудь ты про него! — отмахнулась я и тут же поняла, что совершила непоправимую ошибку.

Почувяв аромат тайны, Полин вцепилась в меня не хуже пиявки. Через три минуты я уже рассказывала ей об осенившей меня идее, клялась, что придумала принца сама, а не взяла его с какого-нибудь парадного портрета и, следовательно, никак не могу поручиться за существование живого аналога. Ну а имени его я вообще не знаю! Как это — не знаю? Обыкновенно! Я его выдумывала как принца, на мрыс мне сдалось его имя?!

— При-инц... — мечтательно прошептала алхимичка. Образ Генри Ривендейла медленно вытеснялся из ее сознания. Впрочем, рассудила я, это ненадолго: как существо сугубо практическое, Полин предпочтет любому фантому, пускай даже и прекрасному, живого и настоящего наследного герцога, вдобавок тоже отнюдь не урод. — Яльга, вот ты как думаешь, получилась бы из меня принцесса?

— Не знаю, — в панике сказала я. — Ничего я не знаю! А может, он вообще уже женат!

— Как — женат? — возмутилась Полин. — Как это он может быть женат?! Нет, он меня дожидается!

— Да ты посмотри на него. — Я щелкнула по амулету, снова вызывая образ принца к жизни. — Смотри, какая ненадежная физиономия! У этого гада уже наверняка целый гарем!

— Нет у него никакого гарема! — уперлась соседка. — Он меня ждет, слышишь?! И вообще, не убирай его, пускай здесь стоит!

— Ага, только нам еще одного призрака не хватало! Вот ты представь, встаешь ты ночью, а он из угла на тебя пялится... — Я подняла руки и изогнула пальцы на манер когтей, изображая любимую картинку из учебника некромантии.

Полин поежилась. Воображение у нее было живое.

— Ну... тогда картинку сделай, — потребовала она. — Нет, не картинку! Парадный портрет! В полный рост, в золотой раме...

— Твои браслеты переплавим! — пригрозила я.

В конце концов мне удалось уговорить ее на небольшое (семьдесят на сорок) изображение, заключенное в голубую рамочку из запасов Полин же. Заклинаниям такого рода нас когда-то обучал Фенгиаруленгеддир, и, пока Полин искала рамку, я спешно пролистывала конспекты.

Гвоздей у нас в комнате хватало. Похоже, те, кто жили здесь раньше нас, очень любили искусство, а может — наглядные пособия, ибо в каждую стену было вбито как минимум по три гвоздя. После долгих споров мы повесили портрет принца над кроватью Полин, ради чего алхимичка даже согласилась переместить зеркало. Зеркало, кстати, было против, но его никто не спрашивал. Элементаль тоже была не в восторге, но предпочитала не высовываться — и в итоге зеркало повесили рядом с дверью.

Полин сидела на моей кровати и смотрела на принца круглыми влюбленными глазами. Изредка она роняла томный вздох, мечтательно опуская ресницы. Во всем этом был только один плюс: теперь алхимичка уже и думать забыла про Ривендейла с его ножиками, ну а Рихтер и боевые талисманы тем более интересовали ее в последнюю очередь.

— Мы торт есть будем? — тоскливо осведомилась я, смахнув с одеяла монетки и шпаргалку.

— Будем... — вздохнула Полин, не отрывая взгляда от портрета. — Ножик вон там...

Спать мы легли только через полчаса, когда от тортика осталось меньше половины. Справедливости ради стоит отметить, что был он маленький, диетический, и вообще правильнее было бы назвать его большим пирожным. Остатки пиршества Полин поставила на окно и, еще раз вздохнув, отправилась спать.

Портрет висел аккуратно напротив моей кровати, и я проворочалась еще десять минут, ощущая на себе страстный взгляд принца. Он прожигал даже сквозь одеяло; не выдержав, я развернулась лицом к стене и, показав через плечо кулак, уткнулась носом в подушку.

Вскоре я уже спала.

Наутро, едва мы успели проснуться и встать, явился Хельги. Был он слегка помят, немножко растрепан, зато улыбался так лучезарно, что у Полин застряли в горле все обвинения по поводу несвоевременности визита.

— Э-э... очень приятно, — выдавила она, пропуская вампира вовнутрь.

— Мне тоже, — заверил нас Хельги, вытаскивая из-за спины нечто картонное, средних размеров, цветастое и тоже слегка помятое.

— Это тебе, — торжественно заявил он, почему-то не отдавая мне коробку. — С днем рождения, Яльга!

— Спасибо, — с опаской ответила я. — Вообще-то он был вчера.

Вампир легкомысленно махнул рукой.

— Вчера, сегодня... лучше поздно, чем никогда!

Полин сделала мне большие глаза и исчезла за дверью. Вместе с нею испарилась и набитая косметикой сумочка, из чего я сделала вывод, что вернется Полин не скоро. Хельги же тем временем быстро открыл коробку — в ней оказались шоколадные конфеты, заботливо завернутые в кружевные бумажки, — и пододвинулся к столу.

— Ну... тогда давай пить чай, — спохватилась я. — Или... может, Полин подождет?

Рука вампира, уже тянувшаяся к моему подарку, повисла в воздухе.

— А то как-то некрасиво получится...

— Да, ты права, — после секундного размышления заключил Хельги. На конфеты он глядел с явным сожалением и скрытой тоской.

«Что ж его в Ульгрене шоколадом не кормили?!» — опасливо подумала я, прикидывая стоимость подарка. В конфетах я разбиралась плохо — куда хуже, чем Полин, — но что-то мне подсказывало, что вряд ли Хельги купил дорогие эльфийские. Скорее уж, выбрал что подемократичнее.

Вампир тем временем внимательно оглядывал комнату. Наверное, пытался сопоставить нынешние впечатления с воспоминаниями Савайна; видимо, сопоставлялось плохо, ибо алкоголь, увы, частенько отшибает память.

Портрет принца вампир смерил подозрительным взглядом, но смолчал. Посмотрев на постель Полин, закрытую теплым клетчатым одеялом, он смутился, явно вспомнив мгымбра. Взгляд вампира тут же метнулся в угол, где в ту ночь грудой лежали ножки от кроватей, — сейчас там возвышалась шаткая колонна моих многочисленных учебников. Венчал ее «Справочник боевого мага», благодушно курившийся таким ненавязчивым вулканическим дымком, так что смотреть туда долго Хельги не рискнул.

— Да-а... — благодушно сказал он, откинувшись на спинку стула. — А помнишь Савайн? Как мы тогда повеселились! Кстати, давно хотел спросить: а как сюда попал Рихтер? Его что, Полин впустила?

Я поморщилась от солнца: тонкий луч бил мне как раз в глаза, проникая сквозь малюсенькую дырку в шторе. Мы с Полин так и не определились, каким был ее генез: по моей версии, штору прожгла Полин, сварив очередной брызгающийся декокт, а по ее — мой пульсар, отчего-то улетевший не в ту сторону. Для брызга дырка была велика, для пульсара — маловата; доказательств не было, зашивать не хотелось никому, так что пришлось оставить все как есть.

— Да нет. Элементаль.

— Да ну? — усомнился вампир. — Она же у вас бдительная, как начальник тайной полиции!.. Кстати, а что это за штука во-он там, в углу?

— В котором? А-а, это?

Я щелкнула пальцами, и с предмета вампирского интереса соскользнула дырявая простыня. Хельги подался вперед, даже забыв про конфеты; вот интересно, почему все мужчины так обожают разнообразные механизмы? И чем в последних больше гаек, тем горячее эта любовь...

— Это «Универсальный тренажер для совершенствования фигуры, созданный по древнейшим эльфийским технологиям с применением исключительно магически чистых материалов», — небрежно сказала я, даже не показывая, насколько сложным оказалось вызвать эту фразу. — Гномья работа, знаешь ли. Пятьсот золотых плюс надбавка за доставку.

Вампир изобразил мудрость на лице и величественно слез со стула. Небрежной походкой он приблизился к агрегату, сохраняя все тот же вид умудренного жизнью знатока; потрогал механизм за торчащие гайки, похлопал по кожаной сидухе, провел пальцем по смазанному маслом цепям и досадливо воззрился на черное пятно, севшее на рукав.

— Плохо вы его храните, — поведаль он, постукивая пальцем по блестящей шестеренке. — Такие нежные механизмы нуждаются в ежедневной чистке. И вообще, это устаревшая модель, ты в курсе? Теперь в крутых клубах используют машинку нового поколения...

— Хельги, — пораженно спросила я, — тебя так интересует совершенствование фигуры?

— Видишь ли, — с тем же великолепно небрежным видом объяснил вампир, — это спортивное оборудование. Профессиональное, если мне позволено так сказать. Знаешь поговорку: можно гвозди амулетами забивать? Так вот, использовать сей механизм как банальный тренажер — означает приблизительно то же самое. Хотя... модель устарела, да. Сколько в нем режимов? Три?

— Пятнадцать, — мстительно сказала я. — И еще есть кнопка переключения скоростей. Их, если что, шестьдесят четыре.

Вампир слегка изменился в лице.

— Не кнопка, а тумблер, — все же нашелся он. — Слушай, но... где вы это взяли? Только не говори, что купили на барахолке!

Я вздохнула. Слава богам, рядом не было Полин.

— О, это долгая и печальная история...

Одним прекрасным весенним вечером я вернулась от Рихтера в комнату. Под глазом у меня наливался свежий синяк — побочное дитя невыученного заклинания и неожиданного практикума, — в желудке было пусто, ибо обед переварился давным-давно, но настроение держалось подозрительно высоко. В руках я несла три учебника, выделенных любимым наставником для самостоятельной работы, впереди меня ждали невыполненные тесты по алхимии, после — краткий досуг, а в чуть более отдаленной перспективе маячил здоровый сон, который, как известно, лучший друг адепта.

Полин, управившаяся с уроками раньше меня, уже приступила к досугу. Сидя на кровати и замотавшись в одеяло, она с аппетитом поедала вареную сгущенку — прямо из банки, отогнув металлическую крышечку. Ложка так и летала; но тому, с каким удовольствием Полин ела сей жутко калорийный продукт, я сделала вывод, что сейчас алхимичка находится в третьей стадии своего психологического цикла. Стадия называлась «А я себя и такую люблю!» и шла сразу за «А-а, никогда похудеть не получится!!!» Та в свою очередь следовала за самой первой, называвшейся подозрительно невинно «А не сбросить ли мне пару килограммчиков?». Зная Полин уже сравнительно долго, я с уверенностью могла сказать, что на завтра ее начнет терзать суровая совесть, послезавтра она станет измерять талию сантиметровой лентой, а через два дня цикл окончательно замкнется.

Но до этого еще было далеко. Сейчас алхимичка с энтузиазмом шуровала ложкой, один за другим проглядывая свежескупленные журналы. Журналы были женские, с «историями из жизни», ибо чувствительная Полин то и дело смахивала со щеки слезу. Смахивала очень осторожно, потому что глаза были накрашены.

— Добрый вечер, — сказала я, прикрывая за собой дверь.

Полин подняла на меня взгляд.

— Ой, Яльга! — умилилась она. Не знай я, что в последний раз мы виделись этим утром, решила бы, что разлука продлилась как минимум десять лет. — Смотри, это «ЖЖ»! Почитать не хочешь?

— Не-а.

Я с сомнением оглядела стопку учебников, пытаюсь понять, как мне всунуть туда еще три. Класть сверху я не рисковала: стопка и без того пошатывалась, намекая на не шибко-то сообразное количество справочной литературы. Так, вот это мы положим вот сюда, а вот это

укрепим вот здесь. Это... хм... я с сомнением повертела в руках последний том. О, а это мы положим рядом!

Скомпоновав учебники, я забрала с подоконника охлаждавшийся там шматок колбасы. Компанию ему составила бутылка молока, в которой, вопреки законам физики, плавал небольшой осколок льда. Откусив от колбасы сообразный кусок, я запила его молоком и, вернув еду на подоконник, плюхнулась на свою кровать. Денег не было, есть хотелось. Я с тихой завистью смотрела на Полин, без малейших угрызений совести ужинавшую сгущенкой.

Видно, почувствовав мой взгляд, девица подняла голову.

— Хочешь сгущенки? — настороженно предложила она.

— Нет, спасибо, — мрачно отказалась я.

— Ну как хочешь... — облегченно протянула Полин. — Слушай, Яльга, я тебя тут попросить хотела кое о чем...

— Проси, — великодушно разрешила я.

Алхимичка захлопнула свой журнал. Поставив банку на простыню, она порылась в стопке уже прочитанных журналов и с триумфом выудила оттуда один экземпляр.

— Вот смотри! — Полин помелькала страницами, отыскивая нужную. — В желтеньком облачке, набрано курсивом. Про конкурс. — Не вставая, она протянула мне журнал.

Я приняла. В желтеньком, значит, облачке? Так, это здесь...

Страничка вообще-то была похудательная. Странно, что Полин на теперешней стадии цикла не пролистнула ее сразу, как вражескую пропаганду неправильного образа жизни. Для нее теперешней куда свойственнее было разыскивание других статей, аргументировано доказывавших, что стандарт 90-60-90 — суть происки враждебных западных держав, а правильной лыкоморской девушки должно быть немножко больше. Чтобы было по крайности за что подержаться. Словом, что-то вроде «Мужик не собака, на кости не кидается».

В желтеньком же облачке была помещена информация совсем другого рода. Речь там и впрямь шла о конкурсе; на конкурс этот принимались стихотворные произведения, вещающие о правильном питании, пользе занятий спортом и прочих действиях подобного характера. В награду обещали какой-то фигуроспасительный тренажер. Последний был нарисован рядом и лично мне напомнил хитроумное приспособление для пытки.

— Поль, а я-то тут при чем? — Я протянула журнал обратно алхимичке. — По стихам вроде как ты специализируешься?

Полин посмотрела на меня поверх ложки:

— Ну как тебе сказать... У меня сейчас вдохновения нет, понимаешь? Муза улетела, а сроки поджимают: там только до двадцать второго числа. Я же не прошу за меня писать, правда? Только начни, а я уже продолжу...

— А ты уверена, что у меня вообще получится?

— Конечно! — Полин даже немножко удивилась. — Яля, ты чего? Ты же такая творческая!.. — Я смотрела непреклонно, поэтому алхимичка сменила тактику: — Ну Я-а-алечка!.. Ну-ну-ну пожалуйста! — Она выгнулась, подпирая кулачками щеки, и умильно замахала ресницами. — Там такой тренажер хороший!.. А я за тебя алхимию сделаю!

— Да? — заинтересовалась я. — Сделаешь?

— Сделаю! — пылко пообещала Полин. — Честное алхимическое!

Я щелкнула пальцами, подзывая к себе перо и пергамент.

— Яльга?

— Тетрадь по алхимии в тумбочке на нижней полке.

Через полчаса я отложила перо. Полин давно уже закончила с моим заданием и теперь вновь переключилась на сгущенку и журналы. Еще бы, у них алхимия была чуть ли не каждый день, как у нас боевая магия, а девица училась едва не на одни пятерки.

Я еще раз пробежала глазами написанное.

— Все. Слушать будешь?

— Буду! — Полин устроилась поудобнее, спешно укутав ноги одеялом. Хищно вонзила ложечку в сгущенку: — Читай!
Я откашлялась и с выражением прочла:

Ведущий. Вредно на ночь есть сгущенку!

Хор. Ых-ых-ых!

Ведущий. Это ясно и ребенку!

Хор. Ых-ых-ых!

Ведущий (назидательно потрясая пальцем): Пузо давит на печенку!

Хор. Ых-ых-ых!

Ведущий. На кишки и селезенку!

Хор (жалобно): У-у-ух!

Полин поперхнулась. Я скромно ждала оценки, но алхимичка только испуганно сверкала глазами поверх занесенной ложки.

— Ну как? — поняв, что не стоит ждать милостей от природы, уточнила я. — Подходит?

Алхимичка молча затрясла головой.

— Д-да... — выдавила она из себя некоторое время спустя. — Только... ты знаешь... как-то уж оно сильно жестко...

— А с худеющими иначе нельзя! — твердо заявила я. — Все для их же блага!

— Ну... ну ладно, спасибо...

Помедлив еще несколько секунд, Полин забрала у меня листочек с гениальным трудом. Пожав плечами, я подобрала с одеяла тетрадь по алхимии и убрала ее в сумку.

— Можно мне что-нибудь взять почитать?

— Ага... — откликнулась алхимичка, не отрывая глаз от шедевра.

Заучивает она его, что ли? Пожав плечами, я подтянула к себе всю кучу цветных журналов и раскрыла первый попавшийся наугад.

Женские журналы не читают — их просматривают, любуясь предоставленными моделями. По крайней мере, так поступают все приличные девушки. Но я, увы, имела врожденный дефект: очевидно, в моем мозге отсутствовала зона, отвечающая за просмотр подобной макулатуры. О получении удовольствия я и вовсе умалчиваю. Через несколько минут мне надоело, я захлопнула журнал и увидела, как бледная Полин, держа банку со сгущенкой двумя пальцами в вытянутой руке, решительно движется в сторону мусорного ведра. Смотрела при этом алхимичка в другую сторону.

— Ты что делаешь? — От удивления у меня даже сел голос. — Это же сгущенка! Вареная, мрыс дерр гаст!

— Вот именно! — дрожащим голосом ответила Полин.

Я вскочила на ноги, взыв почти в унисон с голодным желудком:

— Лучше уж мне тогда отдай!

Фраза была волшебная; по идее, услышав ее, алхимичка должна была тут же прийти в себя и прижать банку к груди. Но с девицей и впрямь творилось нечто странное; она лишь вздрогнула и, уставившись на меня большими испуганными глазами, тихо спросила:

— Ты что? Она же вредная!

— Ничего-ничего! — быстро заверила ее я, отбирая банку и ложку. — Мы с желудком и не такое видали, а смотри-ка, до сих пор живые!

— Ну... ладно, — после долгого колебания согласилась Полин. — Только... Яльга, пожалуйста, съешь ее так, чтобы я не видела!

Сгущенка в тот вечер ушла влет, немножко осталось и на утро. Справедливости ради отметим, что еще до знакомства со мной банка была почти пуста — Полин успела дойти почти до донышка и методично выскребла ложкой стенки. На следующий же день Полин

отправила мое творение в редакцию, а сама уныло взялась за приготовление диетического салатика.

Симптомы были знакомые, и я не стала особенно удивляться.

Удивилась я через три дня — ибо стадия затянулась. Полин и не думала бросать похудательные меры; помянутый салатик в микроскопических дозах сделался основным блюдом в ее рационе, а с лентой для измерения талии она теперь, кажется, даже спала. Что характерно, такой образ жизни приносил свои плоды: Полин и впрямь потихоньку худела, но — вот парадокс! — с каждым днем становилась все печальнее и печальнее. Почуввав неладное, я предложила ей пройтись по магазинам, но алхимичка в ответ лишь горестно мотнула головой.

С каждым днем ситуация становилась все хуже, чтобы в итоге окончательно выйти из-под контроля. Ничто — ни свежий журнал, ни симпатичная моделька кофточки, ни даже благородный профиль Генри Ривендейла — не могло вывести Полин из депрессии. Алхимичка побледнела, осунулась, под глазами у нее появились темные круги, а в глазах возник пугающий блеск. Что самое мерзкое, я не знала, чем помочь.

Через две недели в нашем коридоре появились некие гномы, на головах которых сверкали новехонькие желтые каски. Гномы недовольно пыхтели, вполголоса ругались нехорошими словами, но упрямо перли вперед огромную картонную коробку.

— Где здесь живет Аполлинария де Трийе? — спросил меня старший гном, стирая со лба пот.

Я молча ткнула пальцем в сторону нашей комнаты.

— Вот, — гордо сказал все тот же гном, когда коробка оказалась втиснута в промежуток между кроватями. — Владейте, красавицы! Первое место в конкурсе заняли, не хухры-мухры! Такие молоденькие, а уже дело знают!

Полин меланхолично кивнула.

Весь вечер я, зверея, распаковывала агрегат. Полин сидела на постели, вжавшись в угол, и печально листала «Руководство пользователя» — увесистую книгу немногим меньше «Справочника».

— Вот, — сказала я утром, уходя на первую пару. У алхимички было окно, и она сидела на постели все в той же загнанной позе. — Владей, красавица! Смотри, какое оно интересное, сплошные винтики!

— Нет, — вздохнув, возразила Полин. — Есть еще сидушка...

— Тем более! — радостно согласилась я, надеясь, что хоть это положит конец депрессии.

Надежды были напрасны. Когда я наконец вернулась в комнату, глазам моим предстала пугающая картина. Тренажер, прежде представлявший собой довольно компактное сооружение, теперь занимал едва ли не полкомнаты и выглядел как странного вида стальная клетка. Пресловутая сидушка оказалась внутри; сквозь переплетение прутьев и цепей я смогла разглядеть какие-то ручки, тумблеры и прочие непонятные детали. Полин же без сил лежала на кровати, изредка издавая душераздирающие прерывистые стоны.

Кое-как мне удалось вытащить из нее признание. Оказывается, в мое отсутствие Полин решила проверить тренажер, привела его в боевую готовность, ради чего пришлось раздвинуть кровати, и залезла вовнутрь получившейся конструкции. Далее от нее требовалось выставить режим; на свое счастье, алхимичка вняла голосу рассудка и выбрала «пробный», с минимальной скоростью упражнений.

Через полчаса, когда машина перестала гудеть, жужжать и сотрясаться в судорогах, Полин выпала наружу, едва найдя в себе силы, чтобы доползти до кровати. Клятый агрегат и верно должен был поддерживать фигуру, ибо о столь интенсивных физических нагрузках Полин раньше не имела ни малейшего понятия. Теперь у нее болела каждая мышца, и это если не шевелиться.

— Понятно, — грустно сказала я, выслушав сей рассказ.

Еще полчаса я занималась тем, что смазывала Полин специальным кремом, зело

помогающим при боли в мышцах. Надо сказать, что изготовлен он был самой алхимичкой, и под кроватью стояли еще три полные банки. Полин делала его для нас с Хельги, и после особо активных практикумов мы спасались только им. Вампир всякий раз благодарил, обещал взять Полин в жены и улетучивался, прихватив двойную порцию крема. Возможно, она предназначалась Ривендейлу, а может быть, Хельги просто продавал его по сообразной цене.

Когда алхимичка перестала стонать, я вымыла руки и задумчиво посмотрела на агрегат. Если вдуматься, я ведь тоже имею на него некоторые права!.. Очень хотелось попробовать, сильно ли он отличается от Рихтера. Решившись, я залезла внутрь, оседлала сидушку и, бесшабашно махнув рукой, выбрала второй режим.

Лучше бы я этого не делала. Сложно описать, что именно мне пришлось сотворить, но двадцать минут, прошедшие до полной остановки машины, мне запомнились на всю жизнь. Никогда прежде я не думала, что у меня есть столько мест, которые могут болеть. Какие там мышцы! Сейчас я чувствовала каждую клеточку своего тела, а в особенности нервную. Кое-как приведя машину в компактный вид, я плюхнулась на кровать и тут же потянулась за кремом.

Не знаю, для кого изобретали эту машину, но мне страшно было представить, что происходит с ней на пятнадцатом режиме с шестьдесят четвертой скоростью. Сдается мне, пройти это не смог бы и сам Нарроугард, что уж говорить о несчастных читательницах женского журнала!

Через несколько дней машина заняла привычное место — в углу. Я накрыла ее старой простыней, аккуратно задрапировав лохмотья, и агрегат приобрел весьма таинственный вид. Как-то, проснувшись ночью, я спросонья приняла его за призрака и обрадованно опробовала на нем чары с урока некромантии. Механизм выдержал, хотя наутро и выяснилось, что он слегка скривился на правый бок.

Полин же по-прежнему грустнела и грустнела. Казалось, ничто не могло ей помочь, но дня через три мне в руки попала «Наша газета», и мгмыбрик, отлично осведомленный о наших проблемах, презрительно покрутил когтем у виска. Сделав это, он, не сходя с места, нарисовал мне крошечный номер другого женского журнала и стукнул по нему кулаком. Намек был понят — через пять минут я уже сжимала в руках свежий журнал, а еще через три я нашла то, на что намекал Крендель.

В розовом облачке курсивом было набрано объявление: в течение трех недель журнал проводит конкурс на лучшее стихотворение, объясняющее всю пользу естественного образа жизни. Журнал как раз проводил «месячник натуральности» и всячески порицал все попытки насильно приблизить себя к искусственным стандартам. «Женщина должна быть тем, что она есть!» — пафосно утверждал огромный заголовок.

Я не стала выяснять, что я есть, а просто чуточку переделала свой стих.

Теперь он звучал так:

Ведущий. Очень вкусно есть сгущенку!

Хор. Да-да-да!

Ведущий. Это ясно и ребенку!

Хор. Да-да-да!

Ведущий (назидательно потрясая пальцем). Утром, ночью
и спросонку!

Хор. Да-да-да!

Ведущий. Это радует печенку!

Хор. Да-да-да!

Ведущий. И кишки, и селезенку!

Хор (гордо). У-у-ух!

Еще через два дня пришло письмо. В нем редакция журнала вежливо уведомляла меня

о том, что никакого места я не заняла (здесь у меня оборвалось сердце, ибо на этот приз я возлагала все надежды), но... тут вежливый тон сменялся смущенным, и мне сообщали, что мое творение переписывала вся женская половина редакции и теперь оно висит над рабочим столом буквально у каждой сотрудницы. То есть я однозначно заслужила приз зрительских симпатий.

Приз прилагался к письму; я вытряхнула из конверта картонную карточку, победно сказала «Й-е-эсть!» и отправилась восстанавливать Полин.

Как я и предполагала, карточка — месячный абонемент на посещение лучшего эльфийского салона красоты — оказала на алхимичку нужное действие. Эффект был замечен уже после первого визита, когда Полин вернулась домой с наращенными ногтями, стильно уложенными волосами и изящным рисунком на запястье, выполненным в соответствии с последней эльфийской модой.

— Вот, — гордо сказала она, демонстрируя мне оный, — видишь? Это нарисовано хной, растительно-мифологические мотивы. Не тебе же одной с татуированным пузом ходить!

— Ага, — облегченно откликнулась я, мысленно погладив себя по голове.

Вот теперь все окончательно вернулось в верное русло.

— Однако! — сказал Хельги, когда я окончила рассказ. — И с тех пор вы не используете тренажер?

Я изобразила невероятное изумление:

— Слушай, как ты догадался?

Но вампир не обратил на подначку никакого внимания.

— Ладно, — задумчиво пробормотал он, обращаясь, кажется, к самому себе. — Я потом пойму, что с ним делать... мрыс, есть же ведь идея...

У меня тоже были идеи — занимающий весь угол агрегат давно уже меня раздражал, ибо в последнее время мне стало некуда складывать книги, — но я смолчала.

— Но где эта Полин? — Хельги раздраженно повернулся к двери, потом сел на покинутый был стул. — Женщины, ничего больше не скажешь! Только вы можете два часа «собираться за пятнадцать минут»!

— Тебя Ривендейл ненароком не покусал? — беззлобно осведомилась я. — Тоже мне шовинист выискался!

— А я уже здесь! — Полин, улыбаясь, впорхнула в комнату. — Ой, конфеты!

— Присаживайся! — с хозяйским радушием пригласил вампир.

Всего конфет было тринадцать. Не так уж много, зато каждая в отдельной упаковке. Очевидно, они все же были эльфийские — только эльфы уверены, что красивая бумажка может увеличить количество конфет. За час оживленной беседы я съела две, Полин — четыре, а Хельги, как добытчик, — шесть. В коробке осталась еще одна конфета, и на лице у вампира немедленно отразилась тяжелая духовная борьба. Он определенно пытался понять, что делать с нечетной конфетой: съесть самому — неблагородно, отдать нам — нечестно (почему нам больше?), а предложить разрезать — показать себя мелочным и жадным. Полин завороченно следила, как на его лице все сильнее проявляется страдание, — я же, злобно хохоча в душе, встала и принесла чайник.

— Хельги, хочешь чаю? — самым сладким голосом спросила я.

Вампир поднял на меня глаза — и остолбенел. А кто бы не остолбенел, когда медный носик чайника гордо торчал из пушистых усов, а вниз свисала густая рыжая борода, заботливо заплетенная Полин в две толстые фьордингские косы?!

Чайник был тот самый, кипятящий воду безо всяких дополнительных чар. Нынешний вид он приобрел еще в просинце, когда Полин решила заварить в нем травы, способствующие ускоренному росту волос. Естественно, алхимичка подразумевала свою шевелюру, но травы поспособствовали немножко не по адресу.

Хельги сглотнул и нажал пальцем себе на уголок глаза. Очевидно, чайник не раздвоился, потому что во взгляде вампира появилась настоящая паника.

— Так что насчет чаю? — ласково уточнила я.

— Нет-нет, — быстро заверил меня Хельги, поднимаясь на ноги. Через секунду он уже был с той стороны порога; хлопнула дверь, с удовольствием смазав окончание фразы: —...У меня дела, только что вспомнил...

— Чего это он? — удивилась Полин, забирая у меня чайник и наливая себе кипятку.

Я пожала плечами и засунула в рот отнятую с боем конфету.

— А мрыс его разберет, этого вампира!

— Это точно... — согласилась алхимичка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой светит солнце и поют птички, но все это отчего-то не внушает нашим героям особенного энтузиазма. Также здесь бегают муравьи, вещают директора и утверждается польза изучения фэйриведения

Над кроватью Полин торчал изогнутый ржавый гвоздь. Выдернуть его оттуда не удавалось никому, хотя пытались многие. Пыталась я с помощью выученных в этом году заклятий; пытались парни со всех факультетов, вооруженные плоскогубцами и гвоздодерами; пыталась, в конце концов, сама Полин, сварив ради этого дела три ложки Абсолютного Растворителя. Для него пришлось создавать отдельный силовой флакон, ибо все прочие субстанции Растворитель честно растворял, однако гвоздь оказался стоек, отделавшись исключительно ржавчиной. После алхимической обработки он засиял аки ясно солнышко, Полин же, смирившись, приняла архимудрое решение. Если с гвоздем нельзя ничего поделывать, значит, надо приспособить его для хозяйственных нужд.

Двое суток алхимичка пыталась понять, для каких конкретно действий ей была послана богами эта металлическая загогулина. На третий же день Полин торжественно принесла из магазина отрывной календарь отечественного производства — на обратной стороне листочков были написаны всевозможные рецепты диетических, но при этом вкусных блюд. Календарь был водружен на стену и тут же лишен зимних и весенних листков вплоть до тогдашнего дня.

Сие ознаменовало окончательную победу разума над гвоздем.

Листочки Полин срывала аккуратно — каждый вечер перед сном она забиралась на кровать, отдирала листок и внимательно знакомилась с рецептом. Все они отправлялись в коробочку, бережно хранимую алхимичкой в тумбочке, и там почивали в бозе, ожидая тех благословенных времен, когда Полин доберется до кастрюлек и сковородок.

Так вот, из-за этого календаря ход времени сделался для меня гораздо более отчетливым. До меня вдруг дошло, что дни летят с невероятной скоростью: на подходе лето, а вместе с тем неотвратимо близится летняя сессия.

Сессии я не то чтобы боялась, скорее, опасалась, памятуя о предыдущей. Коварства и изобретательности нашим магистрам было не занимать, так что нельзя было заранее представить, какая именно светлая мысль придет в их уж слишком ясные головы. Особенно это касалось Рихтера, ибо второй раз мне могло и не повезти. Не все коту масленица, а Яльге — практический билет.

На всякий случай я даже начала учить магическую историю, чего со мной давно уже не бывало. Как и следовало ожидать, идея была не из лучших; даты, имена и девизы правления бродили у меня в голове, изредка сталкиваясь со сражениями и войнами, — периодически меня переключивало, и я, отловив в коридоре очередную жертву, начинала допытываться ответа на животрепещущий вопрос. Например: что было изображено на стяге у воинства мятежного князюшки Межинградского, когда он сражался за независимость своих владений против армии джихангира? Белый орел? Или все-таки уже лапоточек? Меня начали сторониться, ибо больше такого отклика эта тема ни в ком не находила.

Но магистры в очередной раз успешно доказали всю глубину своего коварства. В конце травня, когда учебник по истории подходил к концу, а пульсары получались у меня все лучше и лучше, нам неожиданно объявили, что экзамен будет приниматься в форме доклада. Точнее, курсовой, каковую мы должны будем написать и оформить в полном соответствии со стандартами научных работ. Здесь же страждущим были розданы темы.

— Мрыс эт веллер келленгарм! — сказала я, ознакомившись со своей.

Над темой для моей курсовой, очевидно, ломала голову добрая половина преподавательского состава. В итоге получился «Подробный анализ ведения боевых действий с некромантом уровня 4D в условиях частичного перекрытия магического поля чародеем Старшей Крови (уровень 7A) и с учетом использования противником различных магических существ». Одно только перекрытие чего стоило: коварный Фенгиаруленгеддир выбрал самую сложную тему из всех имевшихся, вдобавок донельзя нагруженную математикой. Формулы нормального состояния магического поля; формулы волнения такового; формулы, объясняющие причины волнения; формулы, определяющие расу пресловутого чародея; формулы... Алхимии, лечебных чар и истории магии в формулировке не имелось, но мне мягко намекнули, что в работе неплохо было бы осветить и эти три аспекта. В общем, если судить только по объему, вместо курсовой у меня получался добрый диссер.

Надо сказать, что коллеги-адепты мигом пронюхали о немыслимой широте моей темы. Ко мне, засевавшей в библиотеке, зачастили с консультациями; поначалу я отвечала, хотя и не очень охотно, но, после того как особенно наглый вампир отвернул нижний край моего свитка и начал хладнокровно переписывать схемы к себе в тетрадь, мое терпение лопнуло. Вампира впечатало в стену тем самым заклинанием, которое он пытался скатать; выглянувший Зирак похвалил меня за меткость и аккуратность — студент прилетел точно в простенок между двумя шкафами, не задев ни одного, — вампир же уныло побрел прочь, отыскивать знания более приличным образом.

После этого спрашивать перестали, но облегчения сие не принесло. Добытую информацию все едино приходилось защищать от бесчисленных полчищ плагиаторов. Для каждого находилось что-то свое, очень ценное и интересное; после того как я дважды поймала за руку одного и того же эльфа, пытавшегося вытащить свиток из сумки, я начала оставлять бессмертные труды в комнате, под охраной бдительной элементали. Вот уж на кого можно было всецело положиться! Впрочем, осторожности ради я предпочитала полагаться и на поспешно выученные защитные заклинания. Исключительно на всякий случай.

Временами я начинала подозревать, что и это входило в планы педагогов: не сумев втиснуть заклиния защиты в тему курсовой, они сделали так, что я все одно была вынуждена их отработать.

За всеми этими делами я уже и думать забыла о календарях и числах, но время шло, и весне всегда положен свой предел. В одно прекрасное утро, когда я спешно собиралась на телепатию, до звонка оставалось секунд тридцать, а аудитория находилась как минимум в пяти минутах очень быстрой ходьбы, я вдруг сообразила, что в полночь наступило лето.

— Полин! — для верности окликнула я алхимичку. Та подняла голову, оторвав взгляд от нового браслетика. — Которое сегодня число?

Алхимичка наморщила брови, потом обернулась к календарю.

— Первое, — уверенно сообщила она. — Первое изока, вторник, восемнадцатый день Луны, Луна убывает, находится в третьей четверти, в знаке Козерога. А ты чего это вдруг?

Я пожала плечами, перехватывая косу лентой:

— Да так, просто вспомнилось...

Прозвенел звонок, я, вздрогнув, подхватила сумку, но тут в коридоре послышались торопливые шаги, кто-то дернул дверь за ручку, и оттуда немедленно вылезла элементаль:

— У-у, плагиаторы мрысовы! Снова пришли на готовенькое-то, да? Вдвоем-то зачем — чтоб не страшно было? Так у меня и четверо заботятся!

— Плагиаторы? — недоуменно переспросил знакомый мужской голос.

Заслышав его, Полин насторожилась как охотничья собака; но тут раздался второй, и алхимичка замерла, излучая лицом недоверчивое блаженство.

— Да чтобы я, двадцать первый герцог из рода Ривендейл...

— Генри! — выдохнула Полин, поспешно выходя из ступора. Я не успела и слова сказать, как соседка распахнула дверь, не обращая внимания на возмущенный вопль элементали.

На пороге и в самом деле стоял Генри Ривендейл: само по себе это было довольно странно. Рядом с ним имелся Хельги, и этому я удивилась гораздо больше — бородатый чайник определенно травмировал хрупкую психику вампира, и я не думала, что он захочет зайти к нам еще раз.

Полин зарумянилась и начала накручивать на палец прядку волос.

— Ой, — безадресно обратилась она в пространство между двумя вампирами, — а мы и не ждали гостей...

— Да какие они гости! — бдительно рыкнула из косяка элементаль. — Говорю же, плагиаторы, мало я таких отвадила!

— Мы не гости, — быстро сказал Хельги, наступая на ногу открывшему было рот Ривендейлу. — Мы гонцы. Яльга, телепатия отменяется, нас собирают в актовом зале. Поторопись, через три минуты сказали быть.

Я насторожилась и вцепилась в сумкин ремень.

— А зачем?

— Надо! — пожал плечами вампир.

— Там Рихтер будет, — предупредил молчавший до того герцог. — Так что прогулять не получится.

— Ну ты прям мысли читаешь... — Я бросила сумку на пол. — Сказали что-нибудь брать?

— Сказали амулетов взять по минимуму, чтобы экрану не мешало.

— Какому экрану? — взмахнула ресницами Полин.

Хельги махнул рукой.

— А-а, мрыс его знает... Наверное, Буковец опять про курсовые говорить будет, а экран — чтобы иллюстрации показывать. Ну что, Яльга, ты готова?

— Да! — Я запихнула ногой сумку под стол и перешагнула порог.

— Подождите! — Полин мигом перескочила туда же и мертвой хваткой вцепилась мне в руку. — Я с вами!

— Зачем? — поднял бровь благородный Ривендейл.

— А так... послушаю, о чем директор говорит... какая разница, все равно у нас сейчас бестиологии!

Вампиры понимающе закивали.

Если я хоть что-то понимала в жизни, Полин интересовал не директор. Полин интересовал герцог Ривендейл, а за недоступностью одного — другие адепты с боевого факультета. Алхимичка знала, что из девушек там учусь только я одна, — значит, на ближайшие как минимум полчаса конкуренции у нее не будет. Зная же всю степень красноречия уважаемого Буковца, то и на все два с половиной.

Флуктуация обиженно сопела в косяке, Генри косился туда с некоторой неприязнью. На чувства вампира мне было в общем-то наплевать — понимать должен, не маленький! — а вот элементаль было жалко, она честно выполнила свой долг. Так что я дружески хлопнула ладонью по двери и сказала:

— Спасибо, ты у нас молодец!

— Да-а? — Флуктуация тут же высунулась из двери наружу: — Правда? Правда молодец, хозяйка?

— Честное магическое! — заверила ее я.

Элементаль просияла и аккуратно закрыла дверь.

Хельги подергал меня за рукав.

— Слушай, — тихо спросил он, — а тренажер вы куда дели?

— Тренажер? — рассеянно переспросила я. — Какой тренажер?.. А, этот?.. В магзал отдали, а что?

— Да ничего... — понурился вампир.

Похоже, прикинула я, он уже почти договорился с ближайшим спортивным клубом и готов был обговорить со мной условия продажи. Из уважения к моим неоспоримым достоинствам мне бы наверняка предложили целых пятнадцать процентов от суммы.

Хельги — он и есть Хельги. Что с него возьмешь?

Мы быстро дошли до актового зала — Полин, даром что на шпильках, не отставала ни на шаг, бодро цокая подкованными каблучками. Алхимичка крепко держала меня под руку и время от времени вздыхала, со значением косясь на обоих вампиров поочередно.

В зале было не так уж много народу: верно, магистры и в самом деле вызывали сюда только наш курс. На сцене, свесив одну ногу в зал и подогнув вторую, сидела какая-то эльфийка с гитарой; не обращая внимания на адептов, она зажимала струну, брала ноту, недовольно морщилась и подкручивала колок. Гитара тренькала на все голоса, точнее, на все, кроме правильного. Прислушавшись, я поняла, что фальшивит первая струна.

— Хэй. — Хельги подергал эльфийку за ногу и отпрянул, вовремя избежав меткого пинка по носу. — Первый ряд для магистров?

— Да садитесь куда хотите! — раздраженно посоветовала та, не поднимая глаз от гитары. — Вали отсюда, зубастый...

— Первую струну подтяни, — посоветовала я.

Эльфийка недоверчиво глянула на меня через растрепанную челку:

— Думаешь?

— Ну хоть попытайся.

Девица чуть подправила колок, снова тронула струну и сморщилась как от зубной боли.

— Врет!

— Врет, — согласилась я. — Как ковенец.

— Эй, не обижай ее! — Эльфийка хлопнула ладонью по корпусу. — Может, струны сменить, а?

Я пожала плечами:

— Попробуй...

Эльфийка горько вздохнула, еще ниже склоняясь над инструментом.

— Где бы денег еще раздобыть, на струны-то...

На это мне ответить было нечего, так что я присоединилась к вампирам и Полин, занявшим места в уголке. Полин, разумеется, села посередине, Хельги поместился у окна, и мне досталось место рядом с благородным Ривендейлом, на которого, как до меня только что дошло, эльфийка с гитарой не обратила ни малейшего внимания.

— Генри! — окликнула я вампира.

— Да?

— А это там что за Ларисса-Чайка? — Я кивнула на эльфийку, с критическим видом перебиравшую струны.

— Это? — вмешался Хельги. — Это Гудрун с третьего курса. Нашего, между прочим, факультета... интересно, чего она здесь делает?

— Да-а, чего она здесь делает? — поддержала Хельги Полин оскорбленная нарушением ее монополии. — Здесь только первый курс!

— Адептка аунд Ларре! — сдвоенным эхом откликнулись от дверей, и эльфийка, подхватив гитару, мигом слетела со сцены. — Что вы здесь делаете?

— Уже ничего, магистр Буковец! — заверила директора девица, прижимая к себе гитару обеими руками. Похоже, о существовании футляра она ничего не знала. Директор неодобрительно качнул головой, юркая эльфийка выскочила из зала, чудом не врезавшись в

подвернувшегося ей по дороге бестиолога.

— Сидят тут всякие, даже играть толком не умеют! — пробормотала ей вслед алхимичка.

Впрочем, она тут же притихла и даже немножко вжалась в кресло: за эльфийкой не успела захлопнуться дверь, как в зал зашла Эльвира Ламмерлэйк, с ходу окинувшая адептов острым взглядом. Отчетливо печатая шаг, она прошла перед сценой и встала в левом ее углу. Полин она, кажется, не заметила или, скорее уж, сделала вид.

Я оглянулась посмотреть на бестиолога: он стоял точно в левом заднем углу зала. Эта позиция что-то начинала мне напоминать, но я не успела вспомнить, что именно, как дверь растворилась вновь, пропуская вовнутрь магистров Рихтера и Дэнн. Некромантка сразу же направилась в правый задний угол, встав рядом с будкой; Эгмонт соответственно занял правый угол у сцены.

Квадрат, в углах которого стоят маги... мрыс, ну что-то же такое я читала!..

Буковец, взбежав на сцену, подозрительно воззрился на притихший зал.

— Что, это все? — недоверчиво осведомился он. — Больше первокурсников на боевом нет?

— Хорошего всегда мало! — громко сообщил Хельги.

— Придержите язык, адепт Ульгрем! — велела Эльвира, стоявшая к нам ближе прочих. — А не то хорошего станет еще меньше!

— Значит, можно начинать? — Директор щелкнул пальцами, и в зале утвердилась тишина. — Уважаемые адепты! Прошу слушать меня внимательно, ибо я имею сообщить вам нечто очень важное.

«Как, Впрочем, и всегда», — уныло подумала я, не рискуя, однако, озвучивать эту мысль. Эльвира Ламмерлэйк, с ее шелковым голоском и стальным взглядом, была немногим безопаснее Рихтера.

— Итак, через три минуты вы приступите к исполнению своего задания. Отдельно замечу, что оцениваться оно будет очень строго, и вы можете не рассчитывать на поблажки с чьей-либо стороны. — (Похоже, тут же поняла я, пять минут назад директор общался с Эгмонтом: стиль последнего легко узнавался даже в пересказе.) — Вам не следует ничего опасаться, однако действовать вы должны адекватно ситуации, как бы она ни сложилась.

Мы с Ривендейлом переглянулись.

— И что это значит? — выразил общее мнение вампир.

Хельги поднял руку, не осмеливаясь задать вопрос прямо с места. Но директор, сделав вид, что не замечает этого, продолжил:

— И помните, что от ваших поступков зависит ваш балл и диплом!

Фраза была привычная — Буковец любил напоминать нам о дипломе, даром что до него нам оставалось учиться еще добрых пять лет. Но я не имела никаких представлений о том, как надлежит понимать все остальное.

— Прошу прощения, магистр Буковец... — начала я, но директор, не расслышав, приказал:

— Приступайте!

Эльвира резким жестом вскинула руку — в тот же момент мир смазался и поплыл у меня перед глазами. На секунду мне показалось, будто я падаю с кресла; неосознанно я вцепилась левой рукой в подлокотник, а правой — в руку Ривендейла. Кажется, вампир тоже схватил меня за запястье, но в этом я уже не отдавала себе отчета. Все плыло, менялось, цветовые пятна кружились у меня перед глазами, как если бы я смотрела на солнце не моргая. В какой-то момент все стало черным, ощущение кресла сменилось ощущением полета — еще через мгновение черное распахнулось навстречу солнечным лучам, а я рухнула на землю, не успев удержаться на ногах.

Земля была мягкая, так что я практически не ушиблась. Несколько секунд я просто сидела и моргала, пытаясь восстановить зрение, по истечении же этого срока до меня дошло, что сижу я в траве, прямо передо мной стоит старая береза с отстающей кое-где берестой, а

по моему колену, обтянутому штаниной, старательно карабкается красная божья коровка.

Я смахнула ее в траву и поднялась на ноги. Голова кружилась, но не особенно сильно; я почти выпрямилась, когда меня вдруг повело в сторону, и я взмахнула руками, удерживая равновесие. Пальцы с размаху съездили по какому-то предмету.

— Й-й-яльга! — взвыли чуть поодаль. — Держи руки в карманах!

— Хельги? — недоверчиво уточнила я, не спеша разворачиваться в ту сторону.

— Он самый, — подтвердил вампир.

Рискнув, я все-таки развернулась в его сторону. Хельги сидел на траве в той же позе, что и я полминуты назад, и ощупывал свой нос, кидая на меня недовольные взгляды.

Чуть дальше, у другой березы, обнаружился и Генри Ривендейл — дерево он сжимал с такой страстью, будто это была зачарованная принцесса, которую надлежало немедленно расколдовать и сделать наследной герцогиней. Физиономия у благородного вампира была зеленая, так что я примерно представляла себе свой собственный колорит.

— Где мы? — не отрываясь от дерева, осведомился Ривендейл.

— В лесу, вероятно, — предположила я, осторожно массируя виски. — Генри, а эти муравьи знают, что ты герцог?

— К-какие муравьи? — Не дожидаясь ответа, вампир поспешно отпрянул от дерева, стряхивая с куртки рыжих тварей. — Мр-рыс дерр гаст, да что это такое!

— Да! — возмущенно поддержали его откуда-то слева. — Яльга, что это такое?!

Я быстро развернулась туда, откуда возмущались. Там, впившись каблуками в мягкую почву, чуть покачивалась Полин, имевшая вид хоть растрепанный, но донельзя оскорбленный. Уперев руки в боки, алхимичка взирала на меня с таким искренним негодованием, что я поспешила отодвинуться под защиту Генри и муравьев.

— Я, как приличная девушка, прихожу в актовый зал! Наш, магический, отметим, не какой-нибудь там!.. И где я оказываюсь в итоге?! В каком-то... заповеднике, посреди колючих кустов, где еще и жуки летают! И комары, да! — Обвинительным жестом Полин выставила вперед правую руку, на запястье которой и впрямь виднелся расчесанный комариный укус. — Как ты все это объяснишь?!

— Я? Все вопросы к магистру Буковцу!

— Хватит орать! — взмолился в пространство Хельги, схватившись за виски. — Девочки, у меня голова раскалывается!

— Что-о?! — Полин обернулась к вампиру, пыша негодованием как печка — жаром. — А у меня не раскалывается? А каблук у меня не треснул? А прическа не растрепалась?.. Вы меня вообще куда затащили, боевые, ellen vigdis, маги?!

— Никто никого не тащил! — озлился вампир, тоже умевший ругаться по-эльфийски. — Сама напросилась! Генри, скажи ей!

Ривендейл, щелчком сбросивший с куртки последнего муравья, со страдальческим видом поднял брови:

— Я? А я здесь при чем?

Алхимичка, всерьез разбушевавшаяся, переводила взгляд с одного на другого, явно не находя достойных благородной девицы слов.

— Ну все! — наконец выдала она, скрещивая руки на груди. — Вы как хотите, а я отсюда пошла! Может, вам здесь и нравится, а вот мне — нет!

Развернувшись на каблуках, Полин решительно зашагала прочь, на ходу оскорбленно дергая правым плечом. Двигалась она с максимальным достоинством, которое позволяли проваливающиеся в мягкий дерн каблуки.

— Полин, стой! — спохватилась я, собираясь кинуться ей вослед. Но алхимичка даже не замедлила шага, а Хельги, снова поморщившись, схватил меня за рукав: — Да тише же, Яльга, мрыс дерр гаст! Перестанет дурить, сама вернется. Мало я таких повидал!

— С ума сошел? — Я выдернула руку. — Она же в жизни в лесу не была!

— Да успокойся. — Ривендейл отошел от березы и тяжело опустился на землю рядом с Хельги. — Ты еще не поняла? Это испытание, о котором говорил Буковец. Вроде проверки

на выживание, я так понимаю. Твоя соседка — алхимичка, верно?

— Ну да, — согласилась я, тревожно наблюдая, как розовая кофточка Полин мелькает в просвете между стволами.

— Значит, ее сюда закинули по ошибке. Минуты через три до магистров дойдет, и они телепортируют ее обратно. Ничего с ней не случится...

— А может, все-таки...

— Незачем! — упрямо сказал Хельги. — Нам и без нее проблем хватит!

Я пожала плечами. В словах вампира был свой смысл: проблем нам и впрямь хватало.

Надо сказать, злобные магистры знали, куда нас закинуть. Окажись я в городе, пусть хоть трижды чужом и незнакомом, уже через пару часов у меня были бы все необходимые сведения. Двенадцать лет бродяжьей жизни не минули даром: при желании я могла бы вспомнить любой из полузабытых навыков.

А вот выживать в лесу жизнь меня покамест не учила. В годы приключенческого детства я бродила от деревни к деревне, всеми силами избегая лесов. Ничего там хорошего не водилось, а водились волки и медведи, отнюдь не устраивавшие в честь моего визита голодовку.

Зато — и благодарение всем богам! — со мной были Генри и Хельги. Оба вампира обнаружили широкий спектр умений, необходимых в лесу: оба знали, как развести костер, не имея при себе трута ин кремня, каким этот костер должен быть и по какой причине, как соорудить шалаш или навес (выбор между этими двумя конструкциями занял больше всего времени — у обеих нашлось по защитнику, но победил в итоге Генри, заявив, что комаров можно отвадить дымом, а летом в шалаше будет душно)... В общем, наверняка было то, чего они не знали, — но я честно надеялась, что с таким ужасом мы не столкнемся.

Когда я, слегка обалдев от слаженности вампирьих действий, робко поинтересовалась, как провели детство мои напарники и не пересекались ли мы на трактах, на меня жутко обиделись и объяснили, в чем секрет. И Хельги, и Ривендейл принадлежали к вампирской аристократии, — следовательно, часто охотились, а плох тот охотник, который ориентируется в лесу только с картой, сворой егерей и в двух шагах от избушки!

Нам пришлось пройти от точки телепортации, прежде чем нашли удобное для стоянки место: небольшую поляну, окруженную густолесьем. Ветер, дувший с востока, ощущался здесь гораздо слабее; понюхав воздух, авторитетный Хельги заявил, что недалеко есть озеро или река. Меня тут же отправили за топливом для будущего костра; для порядка возмущившись на тему эксплуатации женщин, я все-таки сходила и принесла, стараясь не отдаляться от выбранной поляны.

К моему возвращению вампиры сообща сняли дерн с прямоугольника где-то три на четыре шага. Очевидно, там и предполагался будущий костер, — правда, готовить на нем пока было нечего и не в чем. Едва я вернулась и сгрузила добычу, как меня попытались отправить обратно, на сей раз за ветками для навеса, но тут я возмутилась повторно, и пошел Хельги. Он хотя бы представлял, что именно нужно, а мне отнюдь не улыбалось оказаться крайней в компании двух невыспавшихся голодных вампиров.

Часа через два у кострища лег готовый навес — достижение инженерной мысли Генри Ривендейла и моих способностей к рукоделию. Я смотрела на него со смесью гордости и грусти во взгляде: трава, которую Генри аттестовал как лучшую замену веревкам, оказалась недостойна таких дифирамбов. В итоге в расход пустили подол моей рубашки — как самой длинной и самой старой. Раздирая оторванный кусок на тонкие ленточки, я вдруг вспомнила Полин и пожалела, что ее с нами нет. Вот уж у кого в сумочке наверняка лежали и нитки, и моточек тесьмы, и всякие прочие мелочи, жизненно необходимые нормальному существу женского пола!

В завершение всего Генри, прежде снисходивший лишь до руководства, притащил сухого мха и застелил им кострище. Сверху его накрыли плащом, обнаружившимся у запасливого Хельги, и начался военный совет.

— Что делать-то будем? — осведомилась я, ощущая, как до желудка медленно

доходит, что сегодня его еще ни разу не покормили.

— В смысле тактически или стратегически? — уточнил подкованный Ривендейл.

— В смысле хоть как-нибудь! Костер разводим, нет? К речке идем или как? Местность исследуем или подождет?.. Кто здесь, в конце концов, опытный вампир — вы или я?

— Чего-нибудь пожрать надо, — хмуро сказал Хельги: он, как и я, не ценил стратегию на голодный желудок.

— Замечательно, — обрадовалась я, — что?

Хельги подумал.

— Ну-у, — неуверенно сказал он, — я могу поймать зайца.

— И зажарить тут же, — не без ехидства добавил герцог. — Боевым пульсаром.

— Зачем пульсаром? — обиделся вампир. — В силки. Вон у Яльги рубашки еще много...

— Рубашку не отдам! — рыкнула я, закрывая грудь руками.

— А что так? — Благородный Ривендейл изящно приподнял бровь. — Будет модная модель, укороченная такая...

— Ага, «эльфийский купальник» называется! Речка рядом, вы что, рыбу поймать не можете?

— Руками? — возмутился Хельги. — Я так похож на Нарроугарда?

Генри пожал плечами:

— Ну это как посмотреть. Волосы такие же светлые...

— Ребята. — Я серьезно посмотрела на обоих вампиров по очереди. — Вы что, не понимаете, что это все всерьез?

Парни переглянулись, Ривендейл вновь приподнял бровь, но на этот раз левую.

— Яльга, — задумчиво сказал Хельги, — ну подумай сама. Наши магистры, конечно, те еще изверги, но вряд ли они заморят несчастных адептов в лесу! Если совсем припрет, нам всегда помогут...

— Если совсем припрет, — не выдержав, я вскочила на ноги, — нас выкинут из Академии, вот и все! Это ж ведь не просто экскурсия с посещением любимого заповедника Державы Путятича! Буковец же говорил, мрыс дерр гаст, от этого зависит наша годовая оценка!

— Да там, где Буковец говорил... — возмущенно начал Хельги; но его неожиданно перебил Ривендейл, обеспокоенно косившийся в сторону леса:

— Слушайте... что-то мне за Полин беспокойно.

— Мне тоже, — вдруг признался Хельги. — Может, сходим посмотрим, а?

Я неуверенно пожала плечами. После реплики Генри я вдруг поняла, что за чувство снесало меня последние три часа: я беспокоилась за Полин, причем с каждой минутой все сильнее и сильнее. Да, конечно, алхимичка была здесь... не то чтобы лишней — чай, не компания друзей, — просто это было не ее место. У алхимиков наверняка другая практика, да и что делать в диком лесу городской девушке, привыкшей ходить исключительно на каблуках?

— Идемте посмотрим, — наконец решил Хельги. — А то в самом деле неудобно получается...

— Верно, — поддержал его Ривендейл. — Мы ж мужчины... ну то есть боевые маги! Мы должны помочь женщине...

— А стоянка никуда не убежит, — закончила я. — Идем?

Вампиры встали на ноги, Хельги тут же забрал свой плащ, но едва он успел это сделать, как в кустах послышался треск и оттуда вывалилась исцарапанная Полин с растрепанной прической и донельзя грозным видом.

— Вот! — с ходу начала она, словно не замечая одинакового облегчения, появившегося на лицах у вампиров. — Бросили девушку одну в лесу, да? На растерзание волкам, да? И медве... ой, Яльга, что у тебя с рубашкой?

— Полин... — тут же вклинился предприимчивый Хельги. Алхимичка вскинула на

него глаза, и вампир — неслыханное дело! — даже потупился, правда ненадолго. — Ты извини, ага... А леска у тебя есть?

Несколько секунд было тихо. Насупившаяся алхимичка переводила взгляд с Хельги на меня, а с меня — на Генри.

— Ну есть, — наконец буркнула она, раскрывая сумку. — Вам-то зачем?

— А мы рыбки поймаем! — лучезарно улыбнулся Хельги, и впрямь ошастливленный моточком прозрачной лески. — И на ужин сготовим! Правда, девочки?

— Неправда, — злобно ответила я. Подумав, добавила: — Мальчики.

Но вампира, обретшего единение с леской, сложно было обидеть:

— А что так?

— Я готовить не умею, — призналась я, усаживаясь обратно на лапник и вытягивая ноги. — Нет, серьезно!.. Что, думаешь, на трактах так рыбы и плавают?

— На тра-актах? — мигом наострила уши Полин. — На каких трактах?

— Не имеет значения, — поморщился Ривендейл. В кои-то веки благородная наследственность оказалась мне на руку: даже коротенькая гримаса получилась у герцога такой... даже не знаю, как сказать... ну в общем, Полин тут же забыла про все дороги мира.

Хельги отправился к реке, прихватив с собой леску. Рассудив здраво, я пошла за ним: никогда не стоит избегать новых знаний, может, потом и пригодится. Кроме того, на поляне оставались Ривендейл и Полин, а девица, рядом с которой, только руку протяни, находится ее идеал, может составлять немалую опасность для жизни.

Ориентируясь по влажному ветру, мы шли через бурелом, и я то и дело прихлопывала очередного комара. С каждым шагом стаи становились все больше, а отдельные особи — все упитаннее, и это подтверждало, что мы движемся в правильном направлении. Наконец лес расступился, зашуршали тростники — и, когда мы вышли наконец на берег, у меня невольно захватило дух.

Это была не река, а озеро — длинное, вытянутое озеро, изогнутое наподобие гигантской запятой. День был солнечный и ветреный: поверхность воды покрывала мелкая блестящая рябь. Пахло водой и илом, под ногами чуть проминался влажный песок, на котором мои сапоги оставляли четкие ребристые следы.

— Ну и теперь куда? — спросила я, завороченно глядя вдаль. Вампир с бывалым видом прошелся вдоль кромки воды и зачем-то поковырял песок носком сапога.

— Ну... вон к тому кустику, — наконец решил он.

Я посмотрела на кустик. Скорее уж это было дерево — не то ива, не то клен, в юности они растут одинаковыми тонкими побегами, из которых сложно вычленишь ветви или ствол. Хельги, впрочем, мало интересовался ботаническими тонкостями: вытащив из кармана леску, он бодрой рысью направился к кустику, но внезапно остановился, потрясенно выдохнув что-то невнятное. Он неотрывно смотрел на озеро, причем не вдаль, а практически себе под ноги; я глянула туда же и сразу поняла, что при телепортации изрядно ударились головой.

Вода прибывала. Медленно, но верно она поднималась, миллиметр за миллиметром поглощая территорию берега. Вскоре она коснулась цепочки моих следов; я завороченно смотрела, как они наполняются влагой, чтобы почти сразу разгладиться и исчезнуть.

— Яльга, уходим! — подскочил ко мне вампир. Бледный, со сверкающими глазами и пульсаром над левой рукой, Хельги вполне мог сойти за какого-нибудь героя с захудаленького лубка. Очень захудаленького, ибо приличные герои не хватают девиц за рукава, а сразу перекидывают их через плечо и торжественно спасают от разгула стихии.

— Да стой ты, придурок! — рыкнула я, глядя, как вода осторожно подбирается к моим сапогам. — И пульсар убери, Рихтера на тебя нет!

— С ума сошла?.. — начал было Хельги, но я недолго думая щелкнула пальцами, защелкивая вокруг его пульсара силовую коробку. Увидев это, вампир выругался и отпрыгнул назад; пульсар, впрочем, убрал, ибо что от него сейчас толку? Мой блок — его так быстро не снимешь...

— Яльга, — спокойнее сказал сокурсник. — Тебе что, так поплавать хочется?

— Успокойся, — мягче сказала я. — И магию убери. Не видишь, оно знакомиться пришло! А ты его пульсаром...

Волна любопытно ткнулась в мой сапог. Я присела на корточки и осторожно погладила воду; Хельги следил за моими действиями приблизительно так, как смотрят добрые доктора на душевнобольных.

— Хельги, у тебя что по фэйриведению? — устало спросила я.

— Ну... — помялся вампир. — «Удовлетворительно».

— Оно и видно... Е-мое, озеро же волшебное!

— «Во-олшебное!» — сердито передразнил меня чей-то скрипучий голос. — Ишь каких слов нахватались... Может, тебе еще руку высунуть да меч в ней зажать? Тоже мне король стародавний... Хочешь, русалку тебе выпущу? Назовешь Нимуэ...

— А вот на меч заказа не было! — торопливо возразила я, продолжая поглаживать воду. Та реагировала на это весьма положительно, и не думая разливаться дальше. — И чего русалок зазря обзывать, у них, поди, свои имена есть, красивые!

Кокетливо захихикали, потом недалеко от берега из воды высунулся хвост. Несколько секунд помаячив вертикально, он игриво изогнулся и хлопнул плавником по воде, обдав нас с Хельги кучей мелких брызг и стойким запахом рыбы. Потом хвост исчез, а наружу показалась верхняя часть русалки, и вампир, сглотив, подался вперед.

Я толкнула его локтем в бок и тихонечко прошептала:

— Знаешь, как русалок называют гномы?

— Не-а, — хрипло отозвался Хельги.

— Западлинки, — хмуро проинформировала его я. — Что, теперь тебе поплавать захотелось?

Сообразив, что я имею в виду, вампир быстро отошел от берега. Русалка ничуть не обиделась и расхохоталась; я же выпрямилась, перекинула косу через плечо и вежливо осведомилась:

— А вот скажи, красавица, нельзя ли с водяным перемолвиться?

— Ишь ты, — констатировал все тот же скрипучий голос, и русалка прыснула, не открывая рта, — она и разрешение спрашивает! Какой вежливый нонеча человек пошел! Вежливые, оне мне нравятся, из их русалки хороши выходят...

Я насторожилась: намек был понятен, но тут вода неожиданно взбурлила и потемнела, и русалка, испуганно вскрикнув, исчезла в глубине. Я не знала, что делать; белая пена закручивалась вокруг моих сапог, но глубже вроде как не становилось, значит, бить было рано.

— Ладно, ладно! — торопливо воскликнул скрипучий. — Уж и пошутить нельзя!

Вода постепенно успокоилась, но и не подумала светлеть. В камышах, густо росших чуть дальше по берегу, бродил заблудившийся ветер. Я пошевелила пальцами ног — в старых сапогах давно уже плескалось, — но решила пока не выходить на сухое место.

— О как... — не без уважения заявил скрипучий. — И кто ж ты будешь, а, девица-красавица? Хм, интересная какая жизнь-то пошла...

— А может, все-таки вылезем? — недовольно осведомилась я, хотя на языке и вертелась фразочка «напой, накорми, в баньке попарь, а потом уже, мрыс тебя дерр гаст, и спрашивать будешь!». Банька в исполнении водяного — а это, похоже, был именно он — внушала мне некоторые опасения.

— Вылезем, не вылезем... — ворчливо передразнили из озера, но через несколько секунд вода в нескольких метрах пошла пузырями, эффектно закрутилась в неглубокую воронку, и водяной — верхом, естественно, на коме — явил себя нам.

Хельги разочарованно присвистнул, и я его понимала: в учебнике по фэйриведению, который вампир все же удосужился пролистать, был изображен совершенно иной водяник, дававший местному сто очков вперед. Местный был на порядок мельче, заметно зеленее, никакой короны не имел, а в руке вместо трезубца сжимал вяленую воблу. Только кружки

пива и не хватало; впрочем, под водой оно наверняка было паршивое и разбавленное. На нас он смотрел со смесью недоверия и интереса, с отчетливым преобладанием последнего.

— М-да... — заключил он после пристального осмотра. — Русалки из тебя, рыжая, точно справной не получится. Знаю я таких, как ты, видывал! Плавала одна в Несском озере... ну и ершиха же, ты б знала! Ей тамошний водяник, окромя красной, никакую другую рыбу не осмеливался подносить — а она ишло и нос морщила: мол, засол плоховат! Представляешь?

— Представляю, — согласилась я, пытаюсь понять: комплимент это был или совсем наоборот.

Водяник прищурился и отгрыз кусок от воблы.

— И вообще, чего стоишь? — невнятно посетовал он. — Ишь расстоялась! Укороту на вас, девок, нет! У нее мужик голодный стоит, вон даже слова вымолвить не может, только подбородком дергает да слюной давится! — От Хельги и впрямь не доносилось ни звука. — Покорми его хоть, а то, не ровен час, он тебя саму загрызет...

— Да мы вообще-то за едой и пришли...

— За едой? — Водяник на миг насторожился, косо глянул на меня из-под лохматых бровей. — Эт за рыбой, значит? Браконьерство тебе, стало быть, шить?.. — Но тут вода вновь зашевелилась, и водяной поспешил дружески хлопнуть по ней ладонью. — Ладно, девка, мрыс с тобой, будет тебе рыба! Две рыбы то есть, шоб другой раз не возвращались...

— Три, — нахально уточнила я, подумав, что ситуация складывается неплохо. — На всякий случай.

— Две! — уперся водяной. — Две, но большие.

— Только тайменя не надо! — взмолилась я, представив, какую под него придется копать ямку. Да и глины, чтоб обмазать такого верблюда, потребуется никак не горсточка.

— Какие таймени? — усмехнулся водяной. — Здесь разве ж оне водятся? Здесь, шоб вы, городские, знали, крупной рыбе-то и деваться некуда. А вот подале, так там есть река... там не только таймень, там касатка поместится... ежели захочет конечно же.

Мы переглянулись с вампиром. Больших рек в Лыкоморье было как минимум три, и каждая из них текла сквозь леса. Нет, как ни жаль, но это не может стать даже приблизительным ориентиром.

— Ну... — наконец родил Хельги, — может, мы... пойдём?

— Хвост каралькой гну! — передразнил его водяник. — Рыбу-то хоть возьми... эх ты, оголодалый!

— Откуда? — Вампир, не только оголодалый, но и ошалелый, зачем-то начал оглядываться, наверное, ожидая, что обещанная рыба вырастет из земли, аки тальниковый куст. Вышло же, разумеется, иначе: вода резко и далеко плеснула на берег, окатив меня выше сапог, а когда волна схлынула, на песке остались биться две рыбины — и в самом деле, вполне достойных габаритов. Хельги, выйдя из ступора, метнулся за лопухами; к тому моменту, когда он вернулся, до рыбин уже дошло, что родного озера им не видать как собственных отсутствующих ушей. Наш будущий ужин обреченно замер на песке, но когда вампир наклонился, чтобы завернуть его в лопушиный лист, неожиданно извернулся и хлестнул адепта хвостом по носу.

— Мрыс дерр гаст! — невольно вырвалось у Хельги, а водяник мелко захихикал.

— Ладно, человеки, — отсмеявшись, сказал он. — Идите отседова подобру-поздорову. Но учтите, узнаю, что в озеро как-нибудь нагадили, — пенять станет разом не на кого! У меня, знаете ли, утопленников в хозяйстве мало, а они работники справные...

— Договорились, — кивнула я, выходя на сухое место.

Когда мы вернулись на поляну, нас встретил трещащий костер, хмурый Ривендейл и розовая от смущения Полин, то и дело бросавшая на герцога быстрые косые взгляды. Похоже, вампира взгляды уже достали, ибо нам он обрадовался как родным.

— Где вы так долго бродили? — томно спросила алхимичка, почесывая комариный укус. — И... и чего это Хельги такой... как пристукнутый?

— А фэйриведение учить надо было, — наставительно сказала я. — Мы там с водяным поболтали.

— С водяным? — Генри прищурил карие глаза. — О чем вы с ним могли разговаривать? У нас же совершенно разные ареалы!

— Ты ему это объясни, — вздохнула я. — Ладно, мрыс с ним... опытные охотники, рыбу как готовить будем? Ножа ведь у нас нет?

— Как это нет? — поднял бровь благородный Ривендейл.

Дальнейший процесс потек уже без моего участия. Я села на мох, укрытый плащом, подперла кулачком подбородок и стала смотреть, как вампиры готовят наш будущий обед. Известно же, бесконечно долго можно смотреть, как горит огонь, как течет вода, как гном-завхоз выдает тебе стипендию и как работает кто-нибудь другой, желательно — твой же товарищ.

Оголодавшие представители вампирской аристократии продемонстрировали себя с лучшей стороны. Рыба вмиг оказалась выпотрошена и обмазана глиной. Я с удовольствием посмотрела бы дальше, но тут до Хельги дошло, что он работает, а мы сидим.

— Яль, сходи за водой, — попросил он. — До озера сама дойдешь?

— Дойду, — пообещала я, подумав, что водяник едва ли успел соскучиться. — А воду мне в чем нести, в горсти?..

— Зачем — в горсти? — обиделась Полин. — В баночке!

Покопавшись в сумке, она вытащила на белый свет миниатюрную скляницу темно-зеленого стекла. Крошечное отверстие я легко могла заткнуть мизинцем. Но на доньшке сосуда явственно темнела ковенская печать, и это означало, что при должном усердии внутрь можно налить хотя бы и все озеро. Только рыба в горлышко не пролезет, да и то как сказать.

Утешив себя этой мыслью, я отправилась обратно к озеру. То ли все комары наелись в предыдущий мой визит, то ли запах рыбы среди них считался неаппетитным, но кровососов летало на удивление мало, а возле озера и вовсе не было ни одного.

Водяной лежал у берега, высунув локти на песок и положив на них голову. Услышав мои шаги, он любопытно покосился на меня, но никак не отреагировал, когда я стала набирать в бутылек воду. Я решила тоже не обращать на него особенного внимания.

Вода булькала, торопливо наполняя сосуд. Где-то через минуту я решила, что такого объема нам должно хватить, и вытащила скляницу наружу. Водяник по-прежнему на меня не смотрел, и я, заткнув отверстие пальцем, отошла от берега.

— Ох, рыжая... — задумчиво проговорил водяной мне в спину. — Кажись, знаю я, в чем тут загвоздка...

Я медленно обернулась, чувствуя, как между лопатками рождается холодок. Хотя... он фэйри, разумеется, он вполне может это знать...

— Интересная жизнь теперича пошла... — Водяник вдруг ухмыльнулся и показал мне большой палец. — Да ладно, не бойсь, своих не выдам! Что этот твой... вампир?

— Ага.

— Оно и видно... слушай-ка сюда! — Фэйри вдруг посерьезнел и поманил меня зеленоватым перепончатым пальцем. Я подошла, даже не подумав испугаться. — Место вы неплохое выбрали, это верно... переночуете славно, даже не заметите. А вот поутру собирайте манатки, двигайте сюда и плывите-ка, покамест солнышко к полудню не подошло! Ясненько? Я вам лодку дам, мои подсобят, к вечеру и доплывете.

— А насчет утопленников... — начала я, но он перебил, досадливо поморщившись:

— Да ладно, леший с вами! Будто мне своих не хватает. Трое, а бегают так, будто все десятеро! Иди давай, рыжая, тебя там твои уже заждались. Только не забудь, что сказал.

Фэйри умеют лгать, пронеслось у меня в голове. Но не все и не всегда... водяные, лешие и домовые духи обычно используют игру слов. Напрямую лгать им не дано, они же ведь не сиды...

Хвала богам, что хоть сидов здесь не водится!

Но все же стоило проверить, что именно он мне пообещал, и я осторожно спросила:

— Куда доплывем? И при чем здесь полдень?

— Совсем неграмотная? — строго спросил водяник. — Про полдень объяснять?

— Но мы один полдень уже встретили...

— А раз на раз не приходится, — отрубил он. — Места здесь хорошие, сама видишь. Но дикие. Ты судьбу-то почему зря не искушай, сказано — плыви, значит, плыви! Чай, своей-то плохого не посоветую...

— Ладно, — медленно сказала я. — Договорились.

На поляне к моему возвращению было уже все готово. Рыба, превращенная в один сплошной глиняный ком, запекалась на углях, вампиры с чувством выполненного долга валялись на мху. Полин сосредоточенно копалась у себя в сумке, выставляя на землю множество мелких предметов самых разнообразных назначений.

— Где-то здесь был складной котелок... — шепотом бормотала она.

Я не стала дивиться чудесам техники, а вместо этого прошла к своей сумке. Расстегнув ее, я порадовалась собственной предусмотрительности и достала наружу тетрадь по телепатии, чернильницу и перо.

— Яльга? — удивленно начал Ривендейл, но я перебила:

— Рыбу потрошили?

— Потрошили, — чуть удивленно откликнулся он.

— Внутренности где?

— Вон. — Еще более удивленный, вампир указал на валяющийся лист лопуха. По нему и впрямь было размазано нечто неаппетитное. Спасибо, хоть не выбросили!

Хмыкнув, я подобрала лист и, взяв в другую руку чернильницу, перо и тетрадь, в третий раз направилась прочь с поляны.

— Яльга, ты куда? — крикнул мне вслед Хельги.

— Скоро вернусь, — не оборачиваясь, ответила я.

Дорога к озеру показалась мне роднее, чем дорога к библиотеке. Добравшись туда за пять минут и застав водяного в той же позе, я скоренько вытряхнула рыби потроха в воду и заслужила одобрительный взгляд.

— Ишь ты, не совсем дикая... — пробормотал водяник.

По-моему, он уже сказал все, что хотел. Но у меня как раз имелось множество вопросов, и я подошла поближе, на ходу открывая тетрадь на последней странице. Там не было телепатии, а была мешанина из трех разных предметов, на которые я в разное время забывала профильные тетради.

— Чего надо? — с некоторой опаской осведомился водяной, когда я села на песок, скрестив ноги, и поставила перед собой закрученную чернильницу.

— Можно пару вопросов? — вежливо спросила я, пробуя остроту пера.

— А зачем?

— Ну-у... — Формулировка «на благо науки» едва ли удовлетворила бы фэйри, но мне на язык вовремя прыгнул правильный ответ: — А вот просто так!

— Просто так? — хмыкнул водяник, как и все фэйри находящийся в весьма странных отношениях с логикой. — Ну... ладно, пусть его. Спрашивай.

Я на секунду прикрыла глаза, и перед ними ясно встала таблица «Опросник практикующего фэйриведа».

— Во-первых. Как давно вы обитаете на этом озере?

Через полчаса, когда наша беседа начала принимать довольно свободный характер (мне даже рассказали несколько баек и пожаловались на водяника из соседней реки, который, мухлюя в карты, отыграл у моего знакомого двадцать восемь сазанов), кусты, окаймлявшие берег, затрещали, и из них вывалился герцог Ривендейл. Выглядел он категорически не по-герцогски: Генри был растрепанным, исцарапанным и очень, очень злым. Впрочем, он и в гневе остался аристократом. Смерив меня тяжелым взглядом, подозрительно напомнившим Ричарда Ривендейла, вампир вежливо поздоровался с водяным, развернулся к лесу и, сложив ладони в рупор, крикнул:

— Хельги, все в порядке! Возвращайся на стоянку!

— Угу... — глухо донеслось из леса.

Генри удовлетворенно кивнул, развернулся ко мне и сказал ледяным рихтеровским тоном:

— Если госпожа Ясица соизволит прервать свои высокочтимые научные занятия, она, быть может, вернется к лагерю и успокоит свою подругу. Видите ли, мы в силу множества обстоятельств никак не можем этого сделать. Смею ли я надеяться, что увижу оную Яльгу в лагере до темноты?

Водяник открыто ухмыльнулся, демонстрируя пример мужской солидарности. Я прищурилась, захлопнула тетрадку и встала на ноги. Ривендейл еще немного помаячил на берегу, а после развернулся и скрылся в лесу. Спина у него была восхитительно прямая.

Разумеется, успокаивать Полин не пришлось — она, в отличие от вампиров, ни на секунду не подумала, что со мной может случиться что-то нехорошее. Сидя у костра, алхимичка заканчивала ревизию сумки, а на мое появление отреагировала быстрым взглядом и коротким: «А-а, Яльга... что-то долгонько тебя не было». Зато искусанный и исцарапанный Хельги сразу же приступил к разбору полетов.

— Самая умная, да? — шипел он, пролистывая отобранную у меня тетрадь. — Фэйриведение любишь, да? И боевую магию? У-у, Яльга, сколько раз тебя из колыбельки на камни роняли?! Головой-то вниз?

— Щас тебя уроню, — хмуро пообещала я.

Благородный Ривендейл хранил оскорбленное молчание. Длинная царапина на его щеке — очевидно, хлестнуло колючей веткой — смотрелась таким боевым шрамом.

Выяснение отношений прервала Полин — то ли ей надоело, что все внимание восхитительно мужественных вампиров достается не ей, то ли алхимичка просто была голоднее прочих. Засунув в сумку последний флакончик, Полин подняла на нас глаза, застенчиво взмахнула ресницами и осведомилась:

— Мальчики, а рыба еще не готова?

«Мальчик» Хельги, заткнувшись, полез проверять.

— О, — удовлетворенно сказал он, разломив глину. — Готова. Жалко, соли нет.

Полин нахмурилась и полезла в сумку.

Двух рыбин, пускай даже и больших, определенно оказалось маловато — они ушли влет, никто даже и не подумал, что мы будем есть наутро. Ладно... будет день, и будет пища. Вдобавок в котелке (складном, из сумки Полин, специально для приготовления зелий в экстремальной обстановке) плескался чай. Я щурилась на огонь, обхватив колени руками, Полин вытянулась на своем куске плаща, подперев голову локтем. В глазах ее плясали отсветы костра. Ривендейл все еще изображал аллегория благородного негодования и потому красноречиво молчал, тоже рассматривая огонь.

— Как тут все-таки хорошо! — нарушила молчание Полин, с умиленным видом рассматривая окрестности. — Травка зелененькая, березки беленькие, небо голубенькое! И птички поют...

С березы, подтверждая ее слова, хрипло раскаркалась ворона.

— Солнце садится, — выдал Хельги в порядке поддержания беседы.

Полин довольно зажмурилась, подставляя лицо свету.

— Да-а... — согласилась она. — Яльга?

— Ага, — поддержала я светский разговор. Лес и впрямь окутывало золотое сияние, характерное для летнего заката. Скоро лягут сумерки, придется начертить вокруг кострища круг...

— Садится? — Генри как ужаленный вскинул голову. — Мрыс дерр гаст, да сейчас же едва за полдень! Мы оказались здесь в восемь утра, часа четыре искали стоянку...

Вампир был прав, мигом поняла я. Для вечера определенно было рано, но солнце, на которое я мигом вскинула глаза, уже коснулось краешком горизонта. Запад наливался розовым и золотым, как и полагается перед закатом.

Хельги прищурился и оглянулся на лес.

— То есть, получается, полдня исчезли в никуда? — заинтересованно уточнила Полин. Ответить нам не дали.

— В никуда ничего не исчезает, — прощуршал ветер. Или прошелестела трава? — В никуда исчезнет лишь ничто, а ему здесь не место...

— Кто здесь? — Ривендейл вскочил на ноги и выхватил шпагу. — Человек ты, эльф или вампир...

— Генри, сядь! — Я дернула вампира за штанину. Это у них национальное, что ли? Едва что непонятное увидели, сразу же хватаются за оружие! — Здесь не драться нужно, а договариваться...

Едва я успела договорить, как из лесу подул ветром, и пламя костра прижалось к земле. В следующий момент на поляну с лаем выбежали две собаки. Кажется, охотничьи, вроде сеттеров — белые с черную крапинку, с черными болтающимися ушами. Полин ахнула, Ривендейл забросил шпагу в ножны, а я прищурилась на лес, ожидая выхода охотника. Нет, какой здесь лес интересный, а! Прямо полный набор практики по фэйриведению...

А может, сообразила я, это практикум и есть? За год мы фэйри изучали только теоретически, а сейчас, стало быть, поглядим на них в действительности...

— В глаза ему не смотрите! — успела предупредить я, прежде чем из-за кустов появился лесовик.

Выглядел он так, как лешему и полагается, — этакий дед крестьянского происхождения, с хитрой морщинистой физиономией и неожиданно яркими зелеными глазами. Как у эльфа, право слово... вовремя вспомнив, о чем только что предупредила народ, я отвела взгляд в сторону. Лешим в глаза лучше не смотреть, они на это дело злятся...

Кафтан у него был, как я мигом отметила, запахнут слева направо. Ну а лапти — они лапти и есть, что мои старые сапоги — безо всякой дифференциации на правый и левый.

Один из псов подбежал к Ривендейлу, призывно размахивая тонким длинным хвостом, другой любопытно покружил у моих ног. Я рискнула и протянула руку на предмет знакомства; пес внимательно обнюхал кончики пальцев, потом коротко гавкнул и отбежал к хозяину. Значит, познакомились.

— Хельги, отдай тетрадку! — прошипела я, быстро освобождая немного места на плаще. Вампир послушался, и я гостеприимно улыбнулась лешаку: — Чай будем?

— А наливай, красавица! — залихватски махнул он рукой. — Ых, как везет-то сегодня! Вышел на охоту, думал — медведя встречу, а тут такие девицы славные! Вы из какого села-то будете? В нашем таких красавиц я и не упомяну...

— Нет, про село не надо, — проникновенно попросила я, пока Полин, произведенная в красавицы, споро наливала обещанный чай. — Про охоту тоже. Лучше вы мне скажите, давно в этом лесу проживаете?

— Да кто ж считал-то, внучка? — поразился лесовик, не спеша выходить из образа дедка-охотника. — Мы люди простые, счету не обученные... а вы, стало быть, из Груздовки? Или, поди, из Малых Березиц? Слышь, Дружок, — он потрепал пса по ушам, — проводить их надоть, чтоб не заблудились...

— Дедушка, — сказала я еще проникновеннее, — мы не из Груздовки. И даже не из Березиц, ни из Больших, ни из Матых. Мы из Межинградской Академии Магических Искусств, и фэйриведению нас там тоже учили. Вот вы лучше скажите: правда, что лешие друг с другом на белок играют?

Лесовик оказался крепок и даже не поперхнулся чаем.

— Вестимо так, — солидно согласился он и отставил кружку. Глаза его горели из-под мохнатых бровей зеленым светом, как две гнилушки. — А не боязно ли, внучка, лешего о таких делах выпрашивать? Не боишься, что осерчаю?

— Сахару хотите? — пискнула Полин, которая тоже на фэйриведении не мух ловила. — А то у меня в сумочке есть...

Леший смерил ее строгим взглядом, потом его лицо смягчилось.

— Ну давай, — разрешил он, протягивая заскорузлую ладонь.

Полин робко выложила на нее прямоугольный брусочек коричневого сахара. Лесовик любопытно повертел его в руках — очевидно, раньше он встречался только с обыкновенным, — но потом решительно сунул даденное в рот.

— Значица, так, — серьезно сказал он, дожевав сахар. — Вы у нас кто? Маги. Это плохо, стало быть, прижимаем палец на левой руке. Окромя того, вы городские, — значит, еще один палец. С водяным договорились — третий палец... — Он продемонстрировал нам правую руку с указанным количеством прижатых пальцев. — Вреда от вас аж на три пальца. Теперича посчитаем пользу. Раз палец — в лесу себя вести умеете, не шумите почему зря. Два палец — костер не абы как развели, а как положено, вон дернину сняли. Три палец — потроха рыбы не выкинули, а в озеро вернули, пускай этот поганец сам теперь с ними разбирается. Четыре палец — обхождение знаете, чай предлагаете и сахаром кормите.

Леший задумался, но все же закончил так:

— Пять палец — сахар у вас вкусный. Выходит, пользы от вас инда на кулак. Ну и чего мне с вами делать?

— Как — чего? — буркнул Хельги. — Это самое... разрешить нам здесь оставаться, ага!

Похоже, отстраненно подумала я, свое «удовлетворительно» вампир все-таки заработал. Про леших он кое-что знал.

— Разрешить? — Леший задумчиво нахмурил брови. — А, так и быть! Дозволяю. Но ты вот чего учти, друг зубастый, — хоть одна белка мне чего про вас скажет, хоть один кустик мне на вас пожалуется...

— Сорокам-то, надеюсь, веры нет? — спокойно уточнил Ривендейл.

Леший захихикал, оценив шутку.

— Да кто ж им поверит, сплетницам! — С ближайшей березы тут же полетел обиженный сорочий треск, и лесовик, привстав, погрозил туда костистым кулаком. — Ишь раскричались белобоки... Ты, внучка, чего на меня так смотришь? Как медведь на малину...

— Дедушка лесной... — Я призвала все свое обаяние, представив, какой волшебный балл мне поставит по итогам практикума фэйривед. — А можно я вам несколько вопросов задам? Уж больно любопытно, как жизнь лесная устроена! Сказок-то про вас много, а вот правду бы узнать... Она, поди, краше всякой сказки будет!

Хельги толкнул меня локтем в бок, но было уже поздно.

— Ну... ладно, спрашивай, — согласился польщенный леший.

— Что насчет белок? — Я занесла над бумагой перо, благодаря разом всех богов, которые надоумили меня еще у озера заправить его чернилами. Стал бы лешак терпеть здесь чары! — Играете вы на них или просто бабы судачат?

— Играем, — леший степенно покивал, — есть такое дело. Иногда на зайцев, реже на оленей... Я вот, к примеру, давеча сорок три зайца у соседа отыграл. Справные такие, пушистенькие, прям один к одному! Ну и белку еще взял, одну, зато рыжую.

— Здорово! — восхитилась я, конспектируя ответ. — А верно ли, что зимой лесные спят, только Карачун по тропинкам бродит?

Полин за спиной у лесовика возвела очи горе.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой солнышко тоже светит, кроме того, зеленеет травка и поют всевозможнейшие птички. Время окончательно сходит с ума, рыжие псы лают на рыжих же чародеек, а благородные вампиры вплотную знакомятся с достижениями парикмахерского искусства

На ночь мы все-таки обвели стоянку кругом: не из недоверия к лешему, а просто так. Не начертить его было попросту опасно. Если я не ошиблась и это впрямь практикум по фэйриведению, то за столь грубое нарушение техники безопасности магистр-фэйривед вломит мне по первое число. Если же я ошиблась... мрыс дерр гаст, когда нам еще выпадет возможность переночевать в настоящем лесу, защищаясь настоящим кругом от возможной атаки со стороны настоящей нежити?!

Но ночь прошла спокойно: никакие упыри, дикие мужички и тем более заморские сиды не бродили вокруг круга, не царапали его когтями и не взывали гласом загробным к нахальным нам, разлегшимся посреди дикого леса. И правильно, ибо в хорошем лесу не место всем вышеперечисленным существам.

Я проснулась оттого, что на лицо мне падали солнечные лучи. Полин и Ривендейл еще спали, а Хельги что-то не было видно. Сев на плаще, я со вкусом потянулась, вслух пожелала лесу доброго утра и стряхнула с рубашки несколько приставших травинок.

Настроение у меня было просто замечательное. Весь лес был пронизан солнечным светом, на траву падали узорные тени от веток. Вокруг Полин порхала пестрая бабочка; на мгновение она опустилась алхимичке на нос, та возмущенно чихнула, и бабочка тут же взлетела обратно.

Зевнув, я не без любопытства покосилась на Ривендейла. О человеке — да и о вампире — можно многое узнать, поглядев на то, как он спит. Спящую Полин я уже видела, а вот спящего Генри наблюдала в первый раз. Он и во сне ухитрялся оставаться наследным герцогом Ривендейлом: на лице у вампира печатными буквами была написана благородная решимость выспаться во что бы то ни стало.

Что же, подобные чувства я могла только разделять. Зевнув еще раз, я поднялась с плаща, по-кошачьи выгнула спину, нывшую после ночевки на жесткой земле, — и вдруг заметила, что на снятой дернине лежат три больших лопушиных листа. На первом была насыпана кучка сушеных грибов, на втором лежала горсточка сушеных же ягод плюс немного орехов. На третьем, поменьше, я увидела медовые соты.

Ух ты, поняла я, проглатывая слюну. Воистину как полезно учиться! Не знай мы фэйриведения, кто бы приволок нам меду, орехов и грибов?! Всяко же это не Хельги разворошил чью-нибудь беличью кладовую!

— Спасибо, дедушка лесной, — поблагодарила я, поклонившись лесу.

Полин спала так сладко, что будить ее рука не поднималась. Будить же Ривендейла, кажется, было опасно для жизни: с таким вот решительным лицом рыцари шли в бой за королевским стягом. Вознамерившись хотя бы немножко побыть хозяйственной, я подхватила котелок, еще раз поблагодарила лешего и побежала к озеру за водой.

Не успела я преодолеть и половины дороги, как из кустов навстречу мне вывалился Хельги: растрепанный, покусанный, но вполне довольный жизнью. На меня он посмотрел с одобрением, сразу же отметив котелок.

— За водой? — для порядка уточнил он. — Для чаю?

— Нет, для грибного супа, — отмахнулась я. Вампир недоуменно нахмурился, и я пояснила: — Там леший снеди принес, придешь и увидишь.

— Ага... — согласился не ожидавший такой щедрости Хельги.

— Да, и заодно Полин с Ривендейлом разбуди, хорошо?

— Ага... — повторил Хельги, очевидно забыв все прочие слова.

— Вот и договорились! — Я похлопала вампира по плечу, обогнула его и в две минуты добралась до берега.

Гладь воды ярко сверкала на солнце. Я присела у озерной кромки и осторожно погладила набежавшую волну, только после этого зачерпнув воды в котелок. Край посудыны скребнул по песчаному дну, но внутрь не попало ни песчинки.

— Утро доброе, — скрипуче пожелал неведомый водяник.

— Доброе, — улынулась я, поднимая котелок.

— Ты, говорят, с лесовиком договорилась? — Зеленоватая физиономия водяного

показалась в нескольких метрах от берега. — Или врут, э?

— Да нет, не врут, — пожала я плечами, не вовремя вспомнив, что леший и водяник традиционно никак не могут разделить сферы окончательного влияния. — Только не я одна, а все мы вместе. А что?

— Ух ты, — не без восхищения заметил фэйри. — С ним, пожалуй, договоришься! Правильно я тебя, рыжая, к себе русалкой не взял.

— Почему?

— Непредсказуема ты больно... Насчет лодки не забыла?

— Нет, — серьезно посмотрела я на водяного. — А это в самом деле настолько важно?

— Куда уж важнее... — Водяник прищурился, вдруг сделавшись похожим на человека. — Или жизнь тебе не дорога?

— Дорога, но...

— Ну а раз дорога, то поторопись. Полдень здесь наступает быстро...

Когда я вернулась к стоянке, Полин, приотвернувшись, сосредоточенно красила губы, а Хельги и Ривендейл, практически столкнувшись лбами, изучали какой-то клочок бересты. Заинтересовавшись, я опустила котелок на траву и подошла к вампирам; клочок представлял собой корявую, но довольно подробную карту нашего кусочка леса, прилежащего озера плюс еще двух озер, связанных между собой протоками. На берегу самого дальнего был нарисован крестик. Очевидно, сообразила я, в чем-то взгляды водяного и лешего совпадают.

Интересно, зачем нас так настойчиво просят уйти с этого места?

— Доброе утро, Яльга, — не отрываясь от карты, поприветствовал меня Ривендейл.

— Привет... — Я сделала ему пальчиками и вернулась к котелку. — Что, суп уже никого не интересует?

— Нас интересует вот это. — Герцог кивнул на кусок бересты, испятнанный угольком. — Ты знаешь, что это такое?

— Разумеется. — Я кинула в воду грибы и укрепила котелок над будущим костром. — Это карта, Генри. Карта нашего будущего маршрута.

— Какого еще маршрута? — Вампир непонимающе свел темные брови.

— Маршрута? — насторожилась Полин. — Мы пойдем куда-то пешком?

— Нет. Мы поплывем на лодке. — Я обвела остолебневших спутников усталым взглядом и поняла, что объяснений не избежать. — Нам не стоит оставаться здесь слишком долго. Нам очень советуют покинуть это место до полудня.

— Откуда ты возьмешь лодку? — быстро спросил Хельги.

— Что грозит нам здесь? — Ривендейл положил руку на рукоять шпаги.

— Я не знаю, что именно, и выяснять как-то не хочется... Хельги, лодку обещает дать водяник.

Вампир присвистнул.

— Что он там вчера говорил про утопленников?

— Он дал нам еду. Фэйри не станет вредить тому, с кем он поделился пищей. И вообще, раз уж речь о еде, разведите кто-нибудь костер, есть же ведь хочется!

Наверное, я сильно походила на голос разума — вампиры послушались, даром что тема определенно их заинтересовала. Хвороста у нас хватало, спасибо хозяйственной мне, собравшей вчера, кажется, все сухие сучья в ближайшей округе. Вскоре затрепетали первые огненные язычки; Ривендейл, сидевший на корточках напротив костра, подкормил его высохшей корой, и пламя затрепало веселее, пуская вверх полупрозрачный дым. С юга дул слабый ветер, и дым немного прижимало к земле.

— Говоришь, на лодке поплывем? — Ривендейл встал на ноги и забрал у меня котелок с будущим завтраком. Повесил его на горизонтальную ветку, укрепленную над костром, и повернулся ко мне: — А лодка как, надежная?

Я пожала плечами:

— Ну не знаю. Только вот что, Генри... может, я слишком доверчивая, но вряд ли здешние фэйри желают нас угробить. Хотели бы — угробили бы раньше, возможностей

было хоть отбавляй.

Хельги начал было насвистывать какую-то песенку, но потом резко оборвал свист.

— А полдень, между прочим, время нехорошее... — серьезно сказал он. — Может, даже хуже полуночи...

— Да уж наверное хуже, — согласилась я, обрадованная появлением первого единомышленника. — Если леший с водяным проявляют столь трогательное единодушие...

— Единодушие-то ладно. — Ривендейл задумчиво прищурился на солнце, высоко стоящее в небесах. — Мне другое не нравится. Что здесь со временем происходит?

Я вскинула глаза к небу, проклиная привычку справляться о времени по часам. Светило и впрямь стояло высоковато, начинало припекать. Двадцать минут назад здесь царило утро, сейчас уже начинался день. Что же, часа через четыре начнет смеркаться? Ага, в точности как вчера?

Ох, и не нравится мне все это!..

— Знаете, — громко защелкнула Полин складное зеркальце и обвела нас радостным взглядом, — а я всегда мечтала прокатиться на настоящей лодке!

Во всех этих временных выкрутасах был только один плюс: еда приготовилась на порядок быстрее, чем ожидалось. Впрочем, когда мы доели суп, убрали ветки и вернули на место снятую вчера дернину, солнце уже вплотную приближалось к полуденной черте. Следовало поторопиться, и мы, подхватив немытый котелок (это я) и лопух с недоеденной снедью (это Хельги), отправились через лес к знакомому берегу.

У озера было пустынно. Никакого водяного я не увидела; вампиры переглянулись, Полин сделала большие глаза, а я шагнула вперед и громко спросила:

— А можно в вашем озере котелок помыть?

— Какой еще котелок?! — В омуте оскорбленно взбурлило, и через несколько секунд на поверхности показался водяник. Я с готовностью предъявила орудие грядущего преступления; как ни странно, это подействовало, и фэйри, расслабившись, пробормотал: — Шутки, значит, шутим, да? — Он перевел взгляд на остальных и неожиданно подмигнул Полин. — Эй, девка, рот-то закрой! Я, чай, не варвакча, нечего на меня так любоваться...

— Вы лодку обещали, — напомнила я, украдкой пихая алхимичку локтем в бок.

Водяник смерил меня внимательным взглядом.

— Обещал, — через некоторое время согласился он. Хельги встревоженно покосился в мою сторону. — Обещал, значит, сделаю. Ну быстро, руки в ноги вдоль берега! Что я вам, на мелководье ее вытащу, что ли?

— Куда идти? — спокойно уточнил Ривендейл.

— А-а... — Водяник махнул перепончатой лапой на север.

Мы переглянулись и пошли.

Идти пришлось совсем недолго: берег становился все обрывистее, а склон — все круче, и покрывавшие его кусты все ближе пододвигались к водной кромке. Вскоре нам пришлось выстроиться в цепочку; Ривендейл шел первым, и я видела, что следы от его сапог сразу же заполняются водой. Еще через некоторое время я уже шлепала по воде.

— Яльга, я в туфлях! — нервно уведомила меня Полин, шедшая следом. — Яльга, я скольжу на глине! Яльга, здесь мокро! Яльга, я-а-а-а!..

Послышался писк, потом затрещали ветки, и Хельги удивленно воскликнул:

— Мрыс эт веллер келленгарм!

Я обернулась. Полин не было видно; но не успел побледневший Ривендейл взяться за шпагу, как из густых кустов донесся голос алхимички:

— Ой... это лодка? Какая большая...

Мы переглянулись, и Хельги попытался раздвинуть ветки руками.

Точнее сказать, попытался попытаться. На вид эти ветки казались переплетенными настолько туго, что я не рискнула бы просунуть туда даже палец. На деле же они легко раздвинулись, открыв нашим взглядам компактную пещеру естественного происхождения, видимо промытую в склоне холма. За естественное происхождение свидетельствовало

отсутствие гномских рун на потолке, гномского коврика на полу и гномской старушки в гномском кресле с гномскими спицами в руках.

На полу и впрямь лежала лодка — не особенно длинная, на мой придирчивый взгляд. Деревянная, темная от времени, с двумя поперечными скамьями и парой весел, больше всего она походила на старенькое рыбацкое суденышко, каковым, наверное, и являлась.

— Ну что? — деловито спросила я, потрогав лодку за приподнятый нос. — Капитан Ривендейл, как у вас с практическим телекинезом?

С практическим телекинезом у Генри было хорошо. Мы в два приема вытащили лодку на берег, в первый раз немножко промахнувшись мимо входа. Там я отступила, освобождая место Хельги; вампиры, очевидно, занимались в свое время и рыбалкой, так что лодку они без проблем столкнули в воду. Я помотала головой, изгоняя видение благородного герцога из Дома Ривендейл, сидящего с удочкой на корме, в треуголке из старой газеты, и поспешила запрыгнуть в лодку.

Места там хватило аккурат на четверых. Хельги сел на весла; как совершенно неожиданно для меня выяснилось, гребут, оказывается, спиной вперед.

— Как же ты увидишь, куда вообще плыть?!

— А ты мне подскажешь, — широко оскалился вампир. — Будешь за штурмана!

— А я, я за кого? — Полин, заинтересовавшись, начала теревить меня за рукав. — Генри капитан, Хельги рулевой, ты штурман, а я кто?

— А ты... ты... хм... — Я замялась, будучи не слишком-то осведомлена в военно-морской иерархии.

— Я буду символ судна! — категорично заявила Полин.

Я загрузилась, пытаюсь припомнить такую должность.

— Правильно, — выправил положение эрудированный Хельги. — Фьординги на нос крепят дракона, верно? Ну в смысле резного деревянного? Вот, а мы туда прицепим Полин! Пускай злых духов распугивает...

От немедленной расправы вампира спас водяной, вынырнувший как раз у правого борта.

— Что, уже освоились?.. — Фэйри покровительственно похлопал лодку по крутому боку. — Она у меня девочка послушная, отвезет вас куда надо. Грести-то, надеюсь, умеете?

— Умеем, — буркнул Хельги, опуская ладони на весло. — Давно только не тренировались...

— Ну вот и потренируетесь, — жизнерадостно подвел итог водяник.

Лодка отчалила от берега и, поднимаясь и опускаясь на волнах, неуверенно поплыла на запад. Солнце стояло почти над самой головой, припекая совсем по-летнему; подумав, я зачерпнула за бортом воды и смочила волосы. А то поймать солнечный удар не слишком-то хочется — хотя, бесспорно, это будет весьма познавательный опыт.

Поначалу лодка шла не особенно уверенно, но Хельги все-таки не соврал, говоря, что умеет грести. Скоро он приноровился к незнакомым веслам, и мы поплыли быстрее. Через некоторое время вампиры поменялись местами, и Полин восторженно вцепилась в мое плечо, любуясь на сосредоточенно ворочающего веслами Ривендейла.

Карта, начертанная на куске бересты, оказалась довольно точной — переплыв озеро, лодка вошла в протоку, заросшую камышом, — оттуда немедленно вылетела вспугнутая утка. Здесь пришлось плыть медленнее; посмотрев на взмокшего Ривендейла, я решила помочь ему магически и осторожно прикинула, как можно половчее соединить два заклинания. Так, так и...

— Яльга, мрыс дерр гаст! — только и успела взвизгнуть Полин, вздумавшая было зачем-то привстать. Лодка рванулась вперед как застоявшаяся лошадь, алхимичку отбросило назад, и она едва успела ухватиться рукой за борт. Из пропаханных надвое камышей вылетело еще несколько уток.

Я смущенно пожала плечами. Ну так уж оно вышло!

Озеро, на котором мы очутились, было раза в полтора больше предыдущего. Северный

его берег представлял собой высокий обрыв, метров на пять вздымавшийся из воды. Я прищурилась на него, рассматривая неровные слои породы.

...Время текло как-то странно; к середине путешествия я неожиданно начала задремывать и не могла бы уже поручиться, что из увиденного было правдой, а что — ложью. Казалось, например, что тень от лодки то увеличивается, то уменьшается; солнце то застывало на небе в одной точке, то делало неожиданный рывок, боги знают на сколько градусов склоняясь к горизонту. Вампиры гребли, Полин загорала на скамейке, подставив лицо солнечному свету, — а я то засыпала, то рывками просыпалась, сама удивляясь тому, что со мной происходит. Будь рядом хоть какой-то незнакомый маг, я бы обвинила его в тайном колдовстве, но едва ли Хельги или Полин втихомолку развлекаются таким странным образом. Скорее уж просто я вымоталась за год... а солнышко такое теплое, такое уютное...

Когда я в очередной раз разлепила глаза, оное солнышко до половины ушло за лес. Воды озера отражали золотой закатный свет; впереди виднелся берег, а на берегу маячила небольшая бревенчатая избушка.

— Туда плывем? — для порядка уточнила я, ткнув локтем Хельги. — На веслах в тот момент сидел благородный и уставший Ривендейл.

Вампир кивнул. Такую удивительную неразговорчивость я, поразмыслив, приписала облагораживающему воздействию физического труда.

Скоро лодка заскребла днищем по песку. Переглянувшись, мы полезли наружу; вода тут же хлынула через дырки в сапогах (естественно, сапоги были старые), и я, брезгливо морщась, пошлепала к берегу. После дня, проведенного на солнцепеке, смутно ныла голова.

Полин, выскочившая из лодки после меня, уже стояла на берегу, поджав одну ногу под себя на манер аиста. Демонстративно вылив воду из туфельки, она бросила на меня выразительный взгляд, уничижительно хмыкнула и занялась второй туфлей.

Вампиры вытаскивали лодку на берег. Некоторое время посмотрев на их усилия, я развернулась и направилась к избушке, решив наладить дипломатические связи. А что, неплохо было бы заночевать сегодня под крышей!

Не успела я подойти к избе на десять шагов, как навстречу мне с лаем бросился рыжий пес с длинными болтающимися ушами. Я насторожилась, выискивая взглядом лешего, но никого не было видно. Пес заливался лаем, прыгая у моих ног; кажется, он был настроен довольно дружелюбно, и все же я не рискнула сделать и шага к дому. Кто его знает... пес на службе, он хозяина охраняет. Может и цапнуть — не бить же его за это боевым пульсаром! Или волной Эллер-Минца...

Тягуче заскрипела дверь, и на крыльцо быстро вышла женщина, на плечи была накинута ромская шаль. Пес тут же кинулся к ней; из-под его лап так и брызнули мелкие камушки.

— Тихо, тихо, Рыжик... — Успокаивая собаку, женщина бросила на меня острый взгляд. Поняв его правильно, я вежливо улыбнулась и подошла к крыльцу. Пес попытался было снова метнуться ко мне, но хозяйка легко удержала его за ошейник.

— Здравствуйте. — Я отвернула воротник куртки и продемонстрировала женщине бляху со знаком Академии. — Меня зовут Яльга Ясица, я из Межинграда.

— Очень интересно. — Женщина прищурилась, сведя темные брови. — И что же студенты Академии делают в этом лесу?

Я пожала плечами.

— Мы на практике, — объяснил из-за спины запыхавшийся Хельги.

Я оглянулась: они с Ривендейлом стояли так, что мы втроем образовывали этаким треугольник. Идеальная фигура для нападения или защиты; физиономия у Ривендейла была мрачная, ему явно хотелось самому стоять впереди.

А то кто его знает...

— Нам позволено будет узнать ваше имя? — точно прочитав мою мысль, спросил герцог.

Хозяйка спустилась с крыльца, на ходу снимая шаль. Остановившись в двух шагах от

меня, она отвернула воротник рубашки и продемонстрировала серебряный знак практикующего чародея.

— Горана Бранка, дипломированный маг. Специализация по алхимии и фэйриведению.

— Хельги Ульгрем, — просиял улыбкой наш общительный вампир, делая шаг вперед. — Очень приятно познакомиться, Горана!

Кажется, сейчас Хельги отчетливо сожалел о том, что в радиусе десяти шагов нет ни единой дешевой и вместе с тем пристойной кондитерской. Наша новая хозяйка определенно произвела на него некоторое впечатление, и я даже понимала почему. Едва ли вампир, как ни изображал он из себя опытного путешественника, бывал на юго-западе Лыкоморья. Тем более он не бывал в Даркуцких горах. Горана же Бранка явно происходила из тамошних мест. Черные волосы, карие глаза, нехарактерный для лыкоморского изока загар плюс весьма специфические черты лица — вроде бы ничего необычного, но присутствует какая-то восточная дичинка. Да и восточной-то ее особенно не назовешь...

У Даркуцкого кряжа когда-то стоял наш табор. Это было давно, но я почему-то запомнила все очень ярко: и синее небо, какого не бывает внизу, и старый замок тамошнего князя, и пеструю одежду горцев, и их резкую гортанную молвь. Чародейка говорила лыкоморски почти без акцента, но все-таки в ее речи слышался отзвук тех, давным-давно сказанных и услышанных слов. Это было забавно — мне давно не приходилось вспоминать о детстве так четко, — и я чуть улыбнулась, радуясь, что ни Ривендейл, ни Полин не видят сейчас моего лица.

Хельги же на меня было наплевать — его интересовала чародейка. Но здесь вампира ожидал абсолютный провал.

— Мистрис Бранка, если не возражаете, — прохладно поправила его магичка, и Хельги, поспешно изобразив на лице вежливость, начал бормотать что-то этикетное. Кажется, он был смущен — еще бы, так его обламывали редко.

— Тогда мы тем более очень рады, — жизнерадостно заверила я, решив, что товарища надо выручать. — Всегда приятно встретить старшего коллегу в условиях тяжелой жизненной ситуации! Дело в том, что мы... э-э... не совсем понимаем всех задач, которые поставили перед нами наши многоопытные магистры. Возможно, госпожа Бранка сумеет нам помочь?

— Возможно, — после долгой паузы сказала она. — Заходите в дом, там поговорим.

Внутри было чисто, по стенам висели вязанки трав. Запах от них исходил довольно приятный, но мне он ничего особенного не сказал, — а вот Полин, едва переступив порог, начала заинтересованно поводить носом.

— Плакун-трав, троеспутник, нечай-ветер? — наконец не выдержала она. — И... и, кажется, скакун-трав, да? Ой... как это вы ее на стене храните?

Бранка глянула на Полин с неменьшим интересом, чем та — на травы.

— Скакун-траву нужно высушить, — поделилась опытом она. — Два дня на жарком солнце, лучше всего на металлическом листе. После этого она станет менее активной.

Полин задумалась, прикусив губу, но через несколько секунд просияла радостной улыбкой:

— А в активную фазу ее можно вернуть, если вывесить в полнолуние в полосу света? Так?

— Да. — Невероятно, но наша мрачноватая хозяйка тоже позволила себе небольшую улыбку. — Есть еще один способ... *коллега*. Можно воспользоваться декоктом Аннирке, только не больше двух капель на лист.

Я благоговейно внимала, но тут Хельги толкнул меня локтем в бок.

— Ты чего-нибудь понимаешь? — почти беззвучно поинтересовался он.

Я помотала головой. Ривендейл, которого не спрашивали, тоже кивнул и красноречиво пошевелил бровями.

— Ладно, коллега, поговорим потом. — Бранка улыбнулась Полин и развернулась к нам. Лицо ее мгновенно приняло прежнее суровое выражение. — Значит, так, господа

адепты! Переночуете здесь, места хватит. Наутро меня можете не искать — я уезжаю по делам на весь день. Едой, дровами и прочим распоряжайтесь по своему усмотрению. — Из-под печки тут же послышалось возмущенное фырканье, и я поняла, что колдунья оставляет избу не на нас, а на домового. — Бродить по лесу *очень* не рекомендую. Все понятно?

Ривендейл молча кивнул, сделав это с большим достоинством. Бранка кивнула в ответ и, развернувшись на каблуках, скрылась за занавеской, отделявшей, надо полагать, горницу от второй комнаты.

Надо сказать, что слово не расходилось у нашей хозяйки с делом. Минут через пять она вышла из-за занавески, одетая по-дорожному и с небольшой сумкой в руках. Приглядевшись, я заметила несколько амулетов совершенно непонятного мне назначения. Магичка быстро пересекла комнату и вышла во двор.

— Суровая женщина, — пробормотал Хельги, обращаясь, наверное, к самому себе.

Полин пренебрежительно хмыкнула. На чувства вампира ей было наплевать: голос профессионального уважения явно заглушал в ней все лирические порывы.

Желудок недовольно заворочался, намекая, что неплохо было бы и поесть. Не выдержав, я хмуро осведомилась:

— Ну что, мы так и будем сусликами стоять?.. Так, что здесь есть? — По-хозяйски подтянув к себе одинокий горшок, я сняла с него крышку. — О, каша гречневая, зело полезная! Ммм, еще даже теплая...

Глядя на меня, народ стал подтягиваться к столу.

Перекусив, мы решили заняться вежливой рекогносцировкой местности — вежливость обуславливалась тем, что из-под печи то и дело доносилось возмущенное фырканье домового. Непродолжительные исследования показали, что дом и впрямь состоит из двух комнат, причем во вторую, за занавеской, заглянуть даже не получится — на пороге искрилось замечательное охранное заклинание. Конечно, я могла бы попробовать его расплести — что-то похожее, пускай и гораздо более примитивное, мы уже проходили на общей магии, — но, во-первых, это было бы невежливо, во-вторых, ничего необходимого там уж точно не имелось, а в-третьих, я не без оснований опасалась, что тогда нам всем крупно прилетит — не от заклинания, так от домового.

В комнате номер один имелся стол (обеденный, одна штука), лавки (как и полагается, по стенам, вроде нар), печка (лыкоморская, большая, крашенная в белый цвет) и зеркало (прямоугольное, длинное, в старинной бронзовой раме). Книг здесь не было — подозреваю, они стояли во второй комнате, — зато на подоконнике Хельги нашел целую стопку старых газет, предназначавшихся, наверное, для растопки. Там же, на подоконнике, стояли три горшка с цветами; в одном росла герань, в другом — бегония, а в третьем — непонятное, явно заморское растение, начинавшее шипеть, прижимая листья, едва кто-нибудь подходил к нему слишком близко. Впрочем, с Полин оно быстро нашло общий язык, и скоро алхимичка уже прочно расположилась у окна, с деловитым видом почесывая растению листики. Поклясться не могу, но, кажется, оно довольно мурлыкало в ответ.

Начинало смеркаться; над озером, прекрасно видимым из окна, сгустился вечерний туман. Я поискала свечи, но ничего не нашла, и тогда Хельги, немного рисуясь, зажег три оранжевых пульсара. Чуть подрагивая и испуская ровное сытое гудение, они зависли под бревенчатым потолком.

Это был правильный вечер. Сидя в тепле, под крышей, в окружении четырех стен, мы все же чувствовали себя увереннее, нежели на открытой поляне. Разговор тек так, как и полагается течь правильному вечернему разговору; я рассказала про Даркуцкий хребет, Ривендейл поинтересовался, водятся ли там василиски, и я моментально вспомнила, с чего началось наше с ним знакомство: со спора в трактире и взломанной лаборатории Эгмонта. Еще несколько минут вампиры так и этак пытались вытащить из меня Самую Страшную Тайну — как же я ухитрилась проникнуть в эту самую лабораторию? — но я была стойка. В итоге разговор почему-то свернул на мгымбра, и мы с Хельги, окончательно развеселившись, продемонстрировали Генри и Полин сцену встречи с бестиологом в коридоре. Домовой

только фыркал, заслышав очередной взрыв хохота; заморский цветок терся листьями о руку Полин и настороженно вскидывал лепестки при каждом резком движении.

Это был хороший вечер. И ночь была хорошая — мне снились теплые сны, пахнущие молоком и лесом.

Наутро нас всех ожидали приятные открытия.

Первым проснулся Хельги — не сумев уснуть, он счел, что бодрствовать одному несправедливо, и отправился будить меня. Через несколько секунд я недовольно разлепила веки, но, увидев над собой лицо вампира, мигом проснулась до конца.

Длинные светлые волосы Хельги, которыми он так гордился (еще бы, блондины среди вампиров большая редкость), были аккуратно разделены на множество проборчиков и старательно заплетены в тонкие косички, чем-то перевязанные на концах. Примерно с такой прической ходила одна эльфийка с некромантического, только у нее косички были иссиня-черными, длинными — аж до пояса — и небрежно перехваченными в хвост на затылке. Полин завистливо вздыхала, едва некромантка появлялась на горизонте, но отважиться на такую экстремальную прическу не могла.

Представив себе, как Хельги всю ночь заплетает перед зеркалом косички, я поняла, что кто-то из нас сошел с ума.

— Эй, Яльга, — осторожно уточнил вампир, спугнув сие болезненное видение. — Ты чего так на меня смотришь?

— Хельги, — потрясенно спросила я, — ты так сильно любишь косички?

— Не понял...

— У тебя на голове что?

Хельги осторожно прикоснулся к волосам, нащупал косички и изменился в лице. Не теряя времени даром, он метнулся к зеркалу — через несколько секунд оттуда донеслись громкие и выразительные ругательства.

— Я его убью! — вернувшись ко мне, кровожадно пообещал вампир. Вид у него был возмущенный и крайне решительный, так что лично я ничуть не усомнилась: убьет, потом еще и труп ногами попинает.

— Кого?

— Д-домового! — с чувством сказал Хельги, погрозив печи увесистым кулаком. Оттуда немедленно издевательски зашуршало, а грохотом упала прислоненная к стенке метла.

До меня постепенно начинало доходить. Домовой... хм, вполне возможно, почему нет? Историй про то, как домовики и конюшники (последние, конечно, назывались иначе, но правильного термина я с перепугу вспомнить не смогла) любят заплетать лошадям гривы, мне довелось услышать навалом. А вот в роли лошади я очутилась в первый раз.

Сообразив, я схватилась за голову, но, к моему облегчению, на ней было не так уж много косичек. То ли домовой уже устал, ибо лежала я дальше всех от печки, то ли мои волосы отрицательно отнеслись к парикмахерским изыскам — кос на моей голове имелось всего штук шесть или восемь, заплетены они были слабо, а на кончиках болтались едва завязанные веревочки. Я без труда распустила узелки и по привычке запустила в волосы растопыренную ладонь, дабы морально подготовить их к явлению расчески.

— Яльга. — Хельги даже не отодвинулся, даром что ему на плечо лег длинный, рыжий, художественно завивавшийся кольцами волос. — Яльга, ты ведь мне друг?

— Друг, — согласилась я, материализуя небольшую силовую гребенку.

Делать оные нас научил Фенгиаруленгеддир, как только мы начали проходить силовые поля. С темой мы соприкоснулись довольно поверхностно, «в ознакомительном режиме» — полностью ее изучают только на пятом курсе, — но несколько забавных формул гном нам все-таки показал. Расческа, сделанная с помощью трех измерений, оказалась куда удобнее деревянной — она не трескалась, не терялась и не драла волосы, а частоту зубьев можно было контролировать, увеличивая или уменьшая коэффициент k при $\sin(a+b)$.

— Тогда помоги мне, ладно? — взмолился вампир. — Меня ж Полин увидит, жизни не

даст! Ты ее знаешь...

— Знаю, — кивнула я, наскоро заплетая косу. — Только еще вопрос захочет ли она это вспоминать...

— То есть? — не понял Хельги.

— А ты пойдй на нее посмотри...

Вампир послушно отправился смотреть.

Я как раз завязывала тесемку художественным бантиком, когда услышала сдавленное «ой!». Полин проснулась, поняла я. И косички у нее, судя по всему, есть.

Я не ошиблась: косички были, и имелось их много, примерно как у Хельги. Девушка, сильно напоминая растрепанного ежа, испуганно прыгала у зеркала, но после трех минут возмущенного писка, нечленораздельных изъяснений недовольства и попыток как-то пригладить топорщившиеся косички Полин вдруг нашла, что смотрится очень стильно.

— Мне идет? — осведомилась она, плюхаясь на лавку рядом со мной. — Яльга, ну вот ты скажи — мне идет?

— Идет-идет, — заверила я, натягивая сапоги, и Полин аж засветилась от счастья.

Хельги, не дождавшийся ни помощи, ни сочувствия, уныло смотрел на эту идиллию.

— Может, мне кто-нибудь поможет, а? — с безнадежной тоской спросил он.

Алхимичка оценивающе посмотрела на заплетенного вампира.

— А зачем? Ты знаешь, тебе тоже идет... Ой, мы ж ведь про Генри забыли!

— Про меня вы забыли! — воззвал к нашей совести Хельги, но на него не обратили внимания. Движимые кто страстью, а кто любопытством, мы спрыгнули с лавки и отправились будить Ривендейла.

Умный герцог спал в «позе магистра», как ехидно называла это дело Полин со времен удачно отмеченного Савайна. Отвернувшись лицом к стене, вампир с головой укрылся одеялом, но от терзаемый любопытством нас не спасла бы даже кольчуга. Я привычно потрясла Ривендейла за плечо, а алхимичка ласково проворковала:

— Генри, пора вставать!

Наверное, именно такой фразой начинался для герцога день в отцовском замке. Плащ полетел в сторону, вампир взлетел на ноги, вслепую на шаривая сапоги, а мы ошеломленно уставились на то, что домовый сотворил с его шевелюрой.

— Бедный, бедный Генри... — выдохнула Полин.

— А может, ему тоже «идет»?! — язвительно спросил Хельги.

— Матушка? — неуверенно уточнил Ривендейл, застыв с сапогом в руках. Кажется, он только-только начал просыпаться, а вскочил только на рефлекс, как кошка, которой наступили на любимый хвост.

— Не-эт... — растерянно разочаровала его Полин.

— А-а-а... Тогда доброе утро. — Генри потряс головой и раскрыл глаза. — Яльга, Хельги, Полин...

— Д-доброе утро, — деревянным голосом согласилась алхимичка.

— Что-то не так? — Вампир удивленно приподнял бровь, но всю небрежную элегантность его мимики смазал широкий зев. — Что вы так на меня смотрите?

Я ткнула пальцем:

— Зеркало вон там.

— Так, — сдавленно сказал благородный Ривендейл, ознакомившись со своим отражением. Хельги наблюдал за ним с мстительным выражением на лице. — Благородные маги, я вынужден просить вас о помощи.

— Садись уж, — со вздохом предложила я. — Не гляди на меня так, Хельги, тебя я тоже расплету!

Ривендейла мы расплетали сообща, и заняло это больше двух часов.

То, что вампир лежал дальше всех от двери, сыграло с ним дурную шутку — домовый начал с него и заплет по всем правилам своего искусства. Сначала по три волоска, потом по девять, потом по двадцать семь... Последние несколько уровней расплетала только Полин —

нам с Хельги не хватило длины ногтей и привычки к мелкой работе. И то самые тонкие косички она одолела, лишь вооружившись тоненькой иголкой.

Алхимичка млела: ей, в отличие от самого герцога, процесс доставлял невероятное удовольствие. Но и ей под конец все это стало надоедать. Шевелюра у Генри была богатая, облысение ему явно не грозило, так что поля деятельности домовому хватило с лихвой. За то время, пока Полин справлялась с тремя- и девятиволосковыми косичками, я успела расплести Хельги, к несказанной радости последнего. Ему повезло не в пример больше, чем герцогу: во-первых, волосы у него были толще и жестче, во-вторых, домовый не стал над ним измываться, а в-третьих, к нему я приступила, уже приобретя некоторый опыт.

Расплетенный Генри выглядел немногим лучше, чем заплетенный. Всякой девице, заплетающей на ночь косы в надежде приобрести наутро сказочные кудри, хорошо известно: кудрей не будет, зато будет объем. Волосы у вампира только дыбом не стояли, зато потрескивали так, что рядом с ним было боязно находиться. Полин позже утверждала, что даже увидела маленькую молнию.

— Всем спасибо, я сейчас! — Приглаживая на ходу волосы, Генри метнулся к двери.

Проводив его философским взглядом, я стала сворачивать одеяло. Полин села на лавку и начала копать в необъятных недрах своей крошечной сумочки, а хозяйственный Хельги полез в шкафчик искать посуду для завтрака.

Прошло несколько минут. Одеяло закончилось, я отправилась на помощь вампиру, а Полин успела протереть личико тремя эликсирами и смазать одним кремом, когда хлопнула входная дверь. Я обернулась на звук и замерла, чудом не выронив из рук тарелку. Сбоку зазвенела кастрюлька: кажется, Хельги оказался не столь крепок духом. Что же, не он полгода прожил бок о бок с Полином.

На пороге стоял Генри Ривендейл, но понять я это смогла не сразу. Волосы вампира, обильно смоченные водой (кажется, герцог не мудрствовал лукаво, по-простому окунув голову в озеро), утратили часть своего немислимого объема. Вместо этого они складывались в компактные пряди и сворачивались крутыми кольцами. Процесс складывания и сворачивания шел прямо у нас на глазах. С каждой секундой Генри все больше походил на знаменитого Кудрявого — героя серии лубков, пламенно обожаемого всеми лыкоморскими девицами и столь же пламенно ненавидимого населением мужского пола — причем не только лыкоморским. «Надо же, — слегка фальшиво подумалось мне, — как прическа меняет человека!» Черты, которые у прежнего Генри говорили о благородстве, древности и славе его рода, — те же самые черты у Генри видоизмененного придавали ему законченный кукольный облик. У меня аж зубы заныли, настолько он был сладкий. Правда, смотрел вампир с таким ужасом, что часть слащавости все-таки пропадала.

— Ой... Генри... — слабо выдохнула Полин.

Снова зазвенела кастрюля — ее наподдал ногой Хельги, метнувшийся к зеркалу. Вцепившись в раму, он впери в зеркало полубезумный взгляд; зеркало же не без ехидства выдало отражение с головой, сплошь покрытой крошечными бумажными папильотками. На половине имелись еще и розовые бантики.

Вампир зарычал и встряхнул зеркало за раму; отражение пошло рябью и исчезло. Через несколько секунд оно проявилось снова, правда разбившись на множество мелких квадратиков. В первом отражался Хельги, бритый налысо. Во втором — он же с едва пробивающейся на лысой голове щетиной. В третьем — он же с прической ежиком. Где-то в двенадцатом квадратике вампир щеголял прической лорда из Западных Земель — по обеим сторонам лица волосы были завиты в букли, а на затылке болталась коротенькая тощая косичка. В пятнадцатом Хельги был заплетен в две косы на манер фьординга — отраженный вампир грозно хмурился, грыз мухомор и явно нуждался в рогатом шлеме для полноты образа. Заканчивалась композиция Хельги, подстриженным а-ля Келлайн: волосы до талии, небрежно перехваченные тонким эльфийским шнурком. Выждав несколько секунд, зеркало стало по очереди увеличивать квадратики, словно предлагая вампиру выбрать, в каком виде он себе больше нравится.

Генри, замершему на пороге, вся эта картина была видна не хуже, чем Хельги, намертво вцепившемуся в раму. Кажется, до герцога начало доходить, что ситуация опять хуже, чем ему казалось до того; бросившись к зеркалу, он отобрал его у Хельги (тот сдался практически без борьбы, — видимо, сыграла роль психическая атака) и профилактически стукнул кулаком по стеклу.

Отражение исполнительно затуманилось, и через несколько секунд зеркало выдало очередную картину. Главное место на ней, разумеется, было отдано Генри. В сияющих ботфортах, снабженных золотыми шпорами, штанах до того узких, что, очевидно, портные сшивали их прямо на вампире, в белоснежной эльфийского шелка блузе с рукавами, отороченными дорогим кружевом, и с вырезом обнажающим мужественно волосатую грудь почти до пупа, герцог возвышался на берегу озера, надменно вздернув орлиный нос. Волосы, завитые мелким, но высокохудожественным бараном, блестели от помады и сверкающей пудры. На всех пальцах у отраженного Генри сверкали массивные перстни, голову украшала изящная корона, а на шее виднелась толстенная золотая цепь. Странно было, как вампира не перевешивает вперед — на таких цепях только якоря вытаскивать, — но, присмотревшись, я разрешила этот физический парадокс. За спиной у Генри висел огромный меч — судя по рукояти, на которой бы уместилось три вампировых ладони, двуручный. Как он собирался выхватывать его из-за спины, было непонятно, ибо для этого нужны были либо руки длиной метра два, либо латные перчатки, чтобы перехватывать клинок за лезвие.

Из воды перед Генри, молитвенно сложив ладони, по пояс высовывалась обнаженная девица — судя по торчащему в двух шагах хвосту, русалка. Мстительное зеркало сделало ее рыжей, зеленоглазой, с волосами, заплетенными в шесть косичек и веснушчатой аж по самые плечи. На этом наше сходство заканчивалось — ибо с такими формами жить можно было и впрямь только в воде. На суше она бы и шагу сделать не сумела. Пышную медную прическу венчала миниатюрная золотая корона, а каждая чешуйка хвоста была украшена крошечной золотой же блямбочкой.

Сверху, под самой рамой, шла витая надпись: «Новые похождения Кудрявого: Кудрявый и подводная царевна».

Генри взвыл что-то вовсе уж нечленораздельное, заноса кулак. Казалось, зеркало не могло спасти уже ничто, но, на его счастье, в комнате была Полин, до которой дошло, какое сокровище неразумные вампиры собираются уничтожить. Отважно вклинившись между зеркалом и Ривендейлом, алхимичка закрыла стекло собой, воинственно зыркнув на несчастного герцога. В кудрявом виде Генри определенно нравился ей меньше, чем с прямыми волосами, так что взгляд получился весьма угрожающий. Ривендейл невольно отшатнулся, и тут вмешалась уже я, сообразив, что так и до сумасшествия недалеко. Ласково приобняв вампира за плечи, я отвела его к лавке, заставила сесть и начала успокаивать, привлекая все дипломатические и телепатические способности. Успокаивался Генри весьма неохотно, но я не отступала. Минуты через три, когда вампир перестал подергиваться и нечленораздельно бормотать, я даже смогла украдкой покоситься на Полин, вдохновенно смотрящую в зеркало.

Оказывается, оно не было лишено благодарности (да и чувства самосохранения тоже) — алхимичка отражалась там отнюдь не лысая и даже не с буклями. Сменявшиеся картинки представляли собой разные варианты стрижки, укладки, завивки и смены цвета, причем каждый шел Полин так, что она становилась красивее любой эльфийки. Еще бы, ведь дело было не только в прическе.

Отражение было меньше оригинала ровно на размер. Ноги у него были чуть-чуть стройнее, скулы — чуть-чуть четче, глаза — чуть-чуть больше, ресницы — чуть-чуть длиннее, а о «хомяковости» щек, по собственному выражению алхимички, можно было и вовсе забыть. Эта чуточку отретушированная Полин выглядела, видимо, именно так, как алхимичка рисовала себя в мечтах. Умное зеркало не стало ничего менять радикально, и, когда девица улыбнулась, стал заметен кривоватый передний зуб. Впрочем, это было такой милой деталью, добавлявшей облику еще толику обаяния, что мне почти захотелось иметь

такой же.

Генри окончательно успокоился и уставился в стену большими печальными глазами. Я ободряюще похлопала его по плечу и пошла собирать на стол: день приближался к полуденной черте, а мы до сих пор еще не завтракали.

От страдающего герцога проку было мало, а вот Хельги, как и я, был существом практичным. Вдвоем мы тут же сообразили, что у хозяйки есть еда, и стали искать люк в подпол. Домовой, сопя из-за печки, неодобрительно следил за ползающим по полу вампиром, перед которым сами собой откидывались все половички.

— Нашел! — наконец возвестил Хельги. — Кто полезет, ты или я?

— Давай я. — Мне было интересно, потому что в подполе я ни разу не была. Вампир откинул тяжелую крышку, и я полезла вниз, осторожно наступая на узкие деревянные ступеньки.

Внизу было темно, холодно и влажно. Пахло картошкой; по нюху я ее и нашла, она была засыпана в специальный отгороженный отсек. Можно было, конечно, сварить картошки... я задумалась, прикидывая, в чем я ее понесу. Не в подоле же — стараниями вампиров рубашка у меня была короткая, и, вздумай я в подол хоть что-то насыпать, мне пришлось бы задирать ее едва не выше уровня груди. Вдобавок справа соблазнительно запахло огурцами — я оглянулась и увидела большую кадушку, прикрытую деревянной крышкой.

— Хельги! — крикнула я в светлеющий над головой квадрат. — Пусть Генри сюда спускается, только не один, а с двумя тарелками!

— А почему Генри, а не я?

— А ты пока горшок ищи подходящий!

Довод оказался весьма доступен — важное дело выбора горшка никак нельзя было доверить неопытному герцогу. Через полминуты в проеме показались вампировы ноги, а следом за ними появился и весь герцог Ривендейл, по-прежнему завитой и несчастный.

— Вот, — уныло сказал он, — тарелки...

— Иди сюда, — бодро скомандовала я, забирая у него рекомое. — Вот это, друг мой, называется «кадушка». Сверху на ней крышка. Будь добр, сними одно с другого.

На кадушку герцог посмотрел не без интереса: определенно вампиры пользовались совсем другой утварью. Крышка легла на соседнюю кадушку, огурцами запахло еще сильнее. У нас с Генри в унисон забурчали животы.

— И что теперь? — сглотнув голодную слюну, поинтересовался вампир. Как я и ожидала, новые впечатления оказали целебное воздействие на его психику (да и есть хотелось, честно говоря). Ривендейл уже не выглядел таким неадекватным, как прежде; решив продолжать политику шоковой терапии, я пожала плечами:

— Да, собственно, ничего. Засучиваешь рукав и лезешь рукой внутрь. Там водятся огурцы, может, еще и яблоки. Вытаскивай сколько получится, и вперед.

Ривендейл воззрился на меня, будто я предлагала ему залезть в кадушку целиком и еще накрыться крышкой.

— Ты что? Это же нестерильно!

— А ты понюхай, — ласково предложила я, подведя его поближе к кадушке. Вампир честно понюхал и чихнул от концентрированного укропно-чесночного аромата. — Чувствуешь, какой дезинфектант? Любую грязь сожрет и не подавится!

Алхимию герцог учил исправно. Волшебное слово «дезинфектант», а в особенности острый запах убедили его в моей правоте. Поколебавшись, он развязал тесемки на рукаве, засучил его и решительно засунул руку в кадушку по локоть.

Через несколько минут в миске лежало шесть огурцов разной длины, толщины и пупырчатости плюс еще три моченых яблочка. Генри, благоухающий, как гномья хозяйка в день Большой Засолки, пытался зубами затянуть промокшую тесемку на запястье.

— Дай помогу, — сжалась я над вампиром.

Тот замер, глядя на меня едва ли не квадратными глазами. Я немедленно заволновалась

— то ли вообще сказала. Может, по вампирскому этикету это смертельное оскорбление?

— Нет, ну если не хочешь, я не буду...

— Завяжи, — каким-то деревянным голосом попросил Ривендейл. — Пожалуйста.

Пожав плечами, я поставила миску с едой на крышку ближайшей бочки. Вампир протянул руку; стараясь не дышать, я быстренько стянула ленточку и завязала ее кокетливым бантиком. Потом, не давая Генри опомниться, я торжественно вручила ему огурцы и отправила наверх, в компанию к Хельги, зеркалу и Полин. Сама же продолжила ревизию запасов.

На свое счастье, Генри принес не две тарелки, а три, иначе я погнала бы его сюда еще раз. Кроме картошки я обнаружила еще шаньги и мед в сотах — так что, когда я вылезла по лестничке наверх, оба вампира встретили меня одинаково довольными взглядами. Хельги поспешно что-то дожевала и забрал у меня тарелку с шаньгами.

— Руки прочь от вольного Лыкоморья! — рыкнула я, отбирая тарелку. — Иди за картошкой, вампирюга!

— Так я ее уже нашел, — слегка нечленораздельно сообщил вампир. Едва он раскрыл рот, я в этом убедилась: выдыхаемый Хельги воздух отчетливо пах вареной картошкой, а на столе я запоздало увидела горстку очисток и чугунок. В чугунке лежало еще несколько крупных картофелин в мундире; одну из них с аристократичным видом очищал Генри Ривендейл. Пользовался он, разумеется, не ногтями, но фамильным кинжалом: стружка выходила ровная, тонкая и выющаяся, как сам вампир. На глаза ему то и дело падала кудрявая прядь, которую герцог сдувал с видимым ожесточением.

— Мы еще молоко нашли, — сообщил он, не отрывая взгляда от картофелины. — Только зря, все едино незачем...

Ну, кому, может, и незачем, а вот мне всегда пригодится! Все проблемы по поводу молока с огурцами у меня решались крайне просто: молоком я намеревалась запивать не огурцы, а картошку, ну а что там прилагается к оной — дело десятое. Так что я с готовностью налила себе полную кружку, уселась на лавку и подтянула поближе миску с огурцами и тарелку с шаньгами. Вампиры попытались восстановить справедливость, но, встретив крайне нехороший взгляд, просто пододвинулись ко мне. Полин продолжала вертеться перед зеркалом, и совесть чуть царапнула меня своим когтем.

— Полин... — окликнула я алхимичку.

Та, не оборачиваясь, досадливо дернула плечом. Еще бы. Зеркало как раз показывало ей ее же, но в длинном белом платье с черной отделкой, с выющимися волосами цвета воронова крыла, хитро закрепленными на макушке, и с бриллиантовыми сережками, сделанными в виде миниатюрных гроздьев винограда.

— Ну я так понимаю, ты не голодна? Мы твою порцию разделим между собой, ладно?

Я, конечно, не блистательный Ривендейл, но с понятием тактики тоже знакома. Атака была рассчитана очень точно и увенчалась успехом: Полин примчалась к нам со скоростью звука, плюхнулась на лавку рядом с Хельги и тут же ухватила огурец. Я поспешила спрятать улыбку в кружке с молоком: если что и могло отвлечь алхимичку от пищи духовной, так это возможность пропустить завтрак.

За окном становилось все темнее — над лесом сходились тучи, надвигалась гроза. То и дело проносился ветер, и деревья глухо шумели листвою.

Я сидела на лавке поджав ноги и куталась в плащ Хельги, проигранный им Ривендейлу три минуты назад. В хозяйкиных закромах отыскалась старая колода карт, и вампиры тут же сели играть, позвав с собой и нас. Полин сначала отказалась, но потом, соблазнившись азартными вскриками, попросилась обратно. Меня тоже звали, но я покачала головой, памятуя о предыдущей попытке. Кажется, этому все были только рады.

Время текло медленно, как всегда бывает перед дождем. Я посмотрела в окно; озеро было серым, и по нему ходили небольшие волны. Из-под рамы тянуло сквозняком. Я поежилась, пододвинулась к Ривендейлу и беззастенчиво заглянула к нему в карты. Набор как набор. Шестерка, семерка, десятка, король, два валета, один из них козырной... Я

задумчиво пошевелила пальцами ног, выглядывающими из-под плаща, и тут комнату озарила белая вспышка, а над лесом гулко раскатился гром. Вампиры одновременно вскинули головы — в этот момент за дверью громко мяукнули.

Полин переглянулась со мной: алхимичка сидела ближе всех к выходу, но вставать ей не хотелось. Я красноречиво пошевелила пальцами еще раз, и девица со вздохом поднялась на ноги и прошла к двери. Стоило Полин только едва приоткрыть дверь, как внутрь просочилась тощая трехцветная кошка. Мимоходом животное потерлось Полин об ногу, потом прошло к столу и легко вспрыгнуло на лавку.

— Может, ей молочка налить? — умилилась Полин.

— Налей, — пожал плечами Хельги. У него только-только пошла масть.

Алхимичка изящно процокала к столу, привычно бросив в зеркало оценивающий взгляд, на мгновение застыла и с нечеловеческой скоростью бросилась прочь из избы.

— Эй, что с ней такое? — Генри недоуменно посмотрел девице вслед.

Я выглянула в окно. Полин целенаправленно мчалась к озеру, не обращая внимания на струи дождя. Она метнулась к лодке и начала старательно толкать ее в воду.

— Идемте-ка выйдем, — предложил Хельги, которому, очевидно, стало жалко лодки.

Генри с облегчением бросил карты в отбой и встал на ноги.

Мы подбежали к Полин как раз в тот момент, когда она с пыхтением толкала лодку к воде. В глазах у алхимички горел нехороший блеск, поэтому Хельги тут же подстроился рядом, не задавая лишних вопросов. Натренированный вампир столкнул судно в озеро, и Полин тут же запрыгнула внутрь.

— А вы чего ждете? — воскликнула она, едва не приплясывая от возбуждения. — Дождь же кончится, мрыс дерр гаст!

— Сядь! — приказал Хельги, запрыгивая к ней. Мы с Генри переглянулись и поспешили присоединиться. Вампиры уже привычно взяли за весла, и лодка медленно взяла курс от берега.

— Плывите туда! — Полин, как статуя Добрыни Державича, указала дланью на середину озера.

— Плывим, — согласился Хельги. Молчаливый Генри, от дождя закурчавившийся еще сильнее, только орудовал веслом. — А куда и зачем?

Полин вздохнула несколько раз — не то от возбуждения, не то стараясь успокоиться.

— Вон там, — указующий перст снова взлетел в воздух, — цветет варвакча. Понимаете? Настоящая варвакча, о семи корнях и девяти лепестках! Спит сто лет, поднимается на поверхность исключительно в первую летнюю грозу после первой молнии и до второй! Понимаете?! На ней половина лекарственных декоктов, она дороже чем единорожий рог, у нас в Академии ее нет, только у магистра Ламмерлэйк для особых случаев! А тут — облаком, видите?

— Видим, — без особой уверенности ответила я. Рассмотреть хоть что-то сквозь крепчающий ливень оказалось довольно сложно, но впереди на серой воде и впрямь маячило что-то зеленое.

Вампиры слаженно гребли к зеленому пятну. Волны качали лодку, я куталась в промокшую рубашку — сейчас я была особенно зла на изобретательного Хельги, предложившего использовать мой подол в качестве ленточек. Пятно приближалось, Полин подпрыгивала на скамье — ей даже не было холодно, наверное, все мысли занимала загадочная варвакча.

Капли дождя, ударяясь о водяную гладь, отпрыгивали от нее, как маленькие фонтанчики. Мы приближались, и я рассмотрела, что пятно — это и в самом деле трава, почти сплошь покрытая тугими бутонами. Кое-где виднелись распустившиеся цветы: белые, маленькие и невзрачные. До половины погружаясь в холодную воду, растение непрерывно шевелило тонкими побегами и маленькими листьями. Корней у него, кажется, не было — были только стебли, связывающие отдельные растения в общий зеленый ковер.

— Что, это оно и есть? — слегка разочарованно спросил Хельги.

Полин не ответила: ей было не до того. Перегнувшись через борт, она сосредоточенно срывала бутончики, действуя с заразительным энтузиазмом. Бутончиков, как я прикинула на глаз, было много, их хватило бы и на двадцать Полин, так что особенного экологического вреда алхимичка не причиняла.

— Что смотрите? — обернулась она, высыпая добычу на скамью. — Рвите давайте, пока молния не сверкнула!

— Мы на веслах, — отмахнулся Хельги. — Яльга?

— Ладно, ладно...

Я перегнулась через борт и окунула руки в воду. Вода была, как ни странно, теплая — куда теплее, чем воздух. Бутончики срывались очень легко, скоро я набрала полную горсть. Высыпав ее на скамейку к кучке Полин, я вновь нагнулась к воде. Лодку раскачивало все сильнее, а все бутончики в радиусе вытянутой руки я уже собрала. Но впереди, буквально сантиметрах в трех от выщипанного полукруга, заманчиво маячили новые бутоны. Закусив губу, я потянулась к ним — но тут лодку качнуло особенно сильно, и я выскользнула в воду, подняв кучу брызг.

Вода и впрямь оказалась теплая, и ее сразу сделалось много. Поверхность озера мигом сомкнулась над моей головой, я сдуру попыталась вдохнуть — тут же захлебнулась и забила руками и ногами, стараясь подняться вверх. Получалось плохо — плавать я не умела, а место было глубокое.

Я не успела толком понять, что испугалась, когда сверху раздался громкий всплеск, я почувствовала толчок, и рядом со мной оказалась чья-то темная фигура. Чужая рука схватила меня за косу, и еще через несколько секунд меня вытащили на поверхность недалеко от борта лодки. Я вцепилась в него обеими руками и яростно закашлялась, чувствуя, как из носа течет вода. Намокшая и потяжелевшая коса змеей болталась рядом.

Хельги, сидевший в лодке, протянул мне руку — кое-как я залезла внутрь и скорчилась на скамейке, дрожа от холода. После теплой воды дождь казался уж вовсе ледяным.

Вслед за мной в лодку залез Генри — мокрый как мышь, то есть примерно как я. С нас двоих на дно мигом натекла большая лужа; несколько секунд мы, трясаясь, смотрели друг на друга, а потом я проклацала:

— Сп-п-пас-с-с-с-иб-б-бо!

— П-п-пож-ж-а-а-луйст-та, — в тон откликнулся Ривендейл. — Всег-г-д-д-да рад-д п-пом-мочь д-даме...

Сверкнула белая вспышка, через несколько секунд над озером раскатился гром. В тот же момент варвакча пропала под водой — водная гладь опять сделалась пуста.

— Ну вот, — расстроилась Полин, — почти ничего не собрали!

Дождь и не думал прекращаться, так что пальму первенства по степени мокрости мы с Ривендейлом удерживали недолго. Хельги и Полин промокли до нитки, на днище лодки скопилась приличная лужа — то ли сверху накапало, то ли снизу просочилось. Алхимичка с упоением перебирала бутончики, и оторвать ее от этого не смог бы, наверное, даже Эгмонт, так что черпак дали мне, и я мрачно подключилась к работе.

До берега мы доплыли под слаженное клацанье четырех наборов зубов. Малодушно оставив вампиров вытаскивать лодку на берег, мы с Полин рванули в избу, причем алхимичка не отставала, даром что прижимала к груди две полные горсти драгоценных бутончиков. Дверь, разумеется, пришлось открывать мне — спеша поскорее нырнуть хотя в относительное, но тепло, я распахнула ее на всю ширь и остолбенела.

Внутри было тепло безо всякого «относительно». В печке потрескивали дрова, на полу лежали одеяла, а на столе рядом с глиняным горшком, замотанным в пушистый шарф, сидело нечто мохнатое, бородатое и глазастое, обутое в новехонькие лапоточки.

— Чего вылупились? — ворчливо поприветствовало оно нас. — Дверь закройте, а то избу выстудите! Вестимо, волос долог, да ум короток...

Стриженная Полин, на которую эта аксиома не распространялась, шустро юркнула внутрь. Вместо того чтобы броситься к печке и отогреться у теплого каменного бока, она

подбежала к столу и высыпала на скобленную столешницу свое сокровище. Домовой с интересом покосился в ее сторону; увидев же, что именно раскладывает по бутончику Полин, он только охнул, всплеснул лапками и поспешил присоединиться.

Я утешила совесть тем, что уже пострадала за нужды алхимии, и с довольным полустоном стащила промокшую рубашку. Домовой, на секунду отвлекшись от сортирования с любопытством покосился в мою сторону; я торопливо закуталась в теплое одеяло и протянула руки к печке.

Хлопнула дверь — зашли вампиры. У печки разом стало немного теснее; через несколько минут к нам присоединилась дрожащая, но довольная Полин, которую изгнал от стола заботливый домовый. Одеял хватило на всех, печка тоже была немаленькая, вдобавок алхимичка размотала укутанный горшок и вылила его содержимое в большую глиняную кружку. Это был какой-то согревающий взвар, сладкий до горечи, вкусно пахнувший дымом, летом, медом, земляникой и дорожной пылью. Очень здорово было принимать кружку в озябшие ладони, делать большой глоток, втягивать носом ароматный пар и передавать кружку соседу.

Я поправила чуточку сползшее одеяло, сладко зажмурилась и протянула ноги к нижней печной дверце. Как оказалась, идея была ненова — ног там было уже шесть, но им пришлось потесниться. Спать хотелось все сильнее, и я, подумав, что терять уже нечего, беззастенчиво пристроила голову на плечо Генри Ривендейлу. Благо места там много, плечи у вампира были широкие.

Полин смерила меня оценивающим взглядом. Подсыхая, Ривендейл начинал приобретать прежнюю, прямую шевелюру, сообразно росли и его акции в глазах алхимички. Такой наглый акт покушения на Наше Все Полин спускать была не намерена; потому она, облизнув губы розовым язычком, быстро приняла контрмеры.

Ничего не подозревающий Генри передал ей кружку с взваром.

— Ге-энри, — ласково пропела Полин, — какие у тебя длинные, изящные, музыкальные пальцы!

Ривендейл, в это время как раз шевеливший пальцами на босых ногах, быстро поджал ноги под себя.

Секунду до нас доходило, а потом мы с Хельги хором расхохотались. Наверное, картина Генри, музицирующего с помощью ног, явилась нам одновременно. Оскорбленная в лучших чувствах Полин мигом вздернула нос, несчастный Ривендейл пытался понять, что ему делать: тоже хохотать или тоже оскорбиться, — а я просто смеялась, забыв даже про сползающее одеяло.

— Уй музыкальные! — сдавленно поддержал алхимичку Хельги. — Ни у кого таких больше нет!

Вот почему у эльфийки Гудрун гитара была расстроенная...

Подошла давешняя кошка и, потеревшись лбом о мою ногу, без приглашения запрыгнула мне на колени. Даром что тощее, весило животное немало; еще хихикая, я почесала его за ухом, и оно довольно заурчало в ответ. Мурлыканье рождалось у кошки не в горле, а где-то в животе, и потому мне казалось, что я держу на коленях пушистый увесистый гномский агрегат.

Дождь по-прежнему глухо шумел за окном.

Может, спать было еще рано — снаружи только-только смеркалось, но на это нам, признаться, было наплевать. Я сдалась первой: поняв, что вот-вот усну прямо здесь, уткнувшись носом в того, кто окажется ближе, я нашла в себе силы доползти до лавки и рухнуть уже на нее. Влажное одеяло все едино было теплым; я завернулась в него как можно плотнее, мигом пригрелась, расслабилась и заснула.

Как ни странно, мне приснилась Академия — вот уж по чему я и не думала скучать. Точнее, сначала мне приснилась ночь, потом — тонкий шпиль Астрономической башни, пронзающий темное небо, а потом — кабинет магистра Буковца и сам директор, нервно бегающий от стены к стене.

— Нет, ну и как вы это объясните, коллеги? — с надрывом вопрошал он, то и дело всплескивая руками. — Как, я спрашиваю? Что такое должно было случиться, чтобы четыре магистра Академии Магических Искусств, из которых у двоих шестая ступень, а у другого — четвертая, не смогли совладать с банальнейшим сложноплетенным телепортом?!

— Вы знаете, коллега, — с непередаваемой язвительностью ответил женский голос из-за моей спины, — лично мне это тоже очень интересно. А если уж речь зашла о категориях, то у вас, насколько я помню, пятая. И матрицу телепорта разрабатывали именно вы!

Я оглянулась — голос, как и следовало ожидать, принадлежал Эльвире Ламмерлэйк. Воинственно скрестив руки на груди, она высоко держала голову, готовая ринуться в бой, — но я заметила, что алхимичка выглядит далеко не так блестяще, как обычно. Под глазами у нее залегли тени, а черты лица обозначились чуть резче, и этого не могла скрыть даже мастерски наложенная косметика.

Рядом с магистром Ламмерлэйк стоял Рихтер. Выглядел он тоже нелучшим образом, из глаз почти исчез привычный вредный блеск. Боевой маг молча хмурился, и причиной этого явно был не мельтешащий у стенки директор.

— Про матрицу мы еще поговорим, — зловеще пообещал тот, остановившись и уставив на алхимичку указательный палец. Эльвира смерила его хмурым взглядом, и палец тут же исчез: от греха подальше директор и вовсе сунул руку за спину. — Да, поговорим, коллеги! Я еще прослежу, кто и как выполнил свою часть работы!.. Да вы... да вы хоть отдаете себе отчет в том, что произошло? Наследный герцог дома Ривендейл, пропавший неизвестно куда! Дипломатический скандал, лишение субсидий, возможно — закрытие Академии! Или вы забыли, коллеги, что его светлость Ричард Ривендейл возглавляет попечительский совет?

— У меня хорошая память, коллега! — вскинулась алхимичка. — Я помню еще и то, что среди пропавших адептов есть и моя ученица! Между прочим, если вас так интересуется родословная обучающихся, племянница Эллис де Трийе! Быть может, это вы забыли, каким характером отличается она особа?

— А, так вы еще не знаете? — непонятно чему обрадовался директор. Откуда-то он извлек пухлый конверт; мелькнула печать, подозрительно похожая на печать Ривендейлов, и Буковец извлек наружу длинный лист бумаги, сложенный в несколько раз. — Вот полюбуйте! — трагическим тоном возвестил он.

— И что это такое? — холодно любопытствовала магистр Ламмерлэйк.

— Официальное письмо Ривендейла-старшего, коллега! В котором он помимо прочего уведомляет, что приедет в Академию не далее чем завтра утром. Как вы полагаете, что он скажет, узнав об отсутствии наследника?

— Пускай приезжает попозже, — пожала плечами Эльвира.

Буковец ехидно закивал:

— Именно, именно так, дражайшая коллега! Путем задействования всех связей, которые только есть у Академии и лично у меня, мне удалось добиться переноса визита. На послезавтрашнее утро, десять часов. И задача, коллеги, ставится так: к этому времени наследный герцог должен быть здесь! Все понятно?

— Да уж куда понятнее! — огрызнулась алхимичка.

Директор нарезал еще несколько кругов у стены и тоном ниже спросил:

— Что говорит коллега Дэнн?

— В царстве мертвых их нет, — тоже чуть тише ответила магистр Ламмерлэйк.

— Так. Уже лучше... — оптимистично заверил Буковец, но особой радости в его голосе как-то не наблюдалось. — А вы что скажете, коллега Рихтер? Вы боевой маг или дальше собираетесь спать?

«Коллега Рихтер», не глядя на непосредственное начальство, подошел к соседней стене. Там висела карта Лыкоморья, сплошь истыканная бумажными флажками — синими и зелеными, на каждом я заметила имя адепта. Пальцем Эгмонт быстро очертил неровный треугольник где-то на северо-западе страны.

— Они здесь, — уверенно сказал мат. — Больше им быть попросту негде.

Стало тихо. Алхимичка, бледная, как Афилогет, переводила взгляд с карты на Эгмонта и обратно.

— Слепой треугольник?.. Но они же живы, а там...

— Я знаю, что там выжить невозможно, — твердо сказал Рихтер. — И все-таки они живы. Так что, коллеги, давайте думать, как нам их оттуда вытаскивать. По-моему, это самый животрепещущий вопрос...

Директору, очевидно, надоело изображать метроном: он уселся за стол и вперил в Эгмонта долгий тоскливый взгляд.

— А что тут думать? — с прежним надрывом поинтересовался он. — Накрываем весь Треугольник телепортом, быстро переносим адептов, куда оно не спохватилось...

— А после этого взмахиваем крылышками и улетаем на небеса! — ехидно закончила Эльвира. Буковец, привыкший к ее выпадам, только страдальчески заломил брови. — Коллега, да поймите же вы — мы не драконы! Среди нас нет конунга Валери, хоть мы и маги! Всей нашей силы едва хватит, чтобы устроить точечный телепорт — и то молиться надо, чтобы оно не захотело нам помешать!

— А вы думаете, я этого не понимаю? — огрызнулся директор, опять вскакивая на ноги. — Значит, так, коллеги! Мне безразлично, как вы это сделаете: хотите — крылышки отращивайте, хотите — отправляйтесь в Треугольник послами и договаривайтесь по-хорошему. Но к послезавтрашнему утру адепты должны быть здесь. В Академии, желательно в своих постелях. Живые, по возможности здоровые. Если последнее не получится — не страшно, герцог Ривендейл должен знать, что его наследник учится не на алхимика. Все понятно?

— Можно подумать, на алхимика учиться безопас... — Магистр Ламмерлэйк осеклась на полуслове, ибо в дверь постучали, и через секунду внутрь просунулась растрепанная эльфийская голова.

— Магистр Буковец... — начала она и расцвела улыбкой, увидев в кабинете алхимичку. — Ой, магистр Ламмерлэйк, и вы здесь!

— Чего надо?! — хором рыкнули магистры. Голова смутилась:

— Ну-у... У нас там такое дело, парочка эликсиров пролилась, ну и еще один декокт. Они немножко смешались, пошла реакция, дым повалил... мимо две вампириши проходили, с телепатического, так они как в транс вошли, так до сих пор и не вышли! Вещают и вещают, как Марцелл — то есть магистр Назон! — на практикуме. Одна стихи читает, другая будущее предсказывает...

— От нас-то чего требуется? — не понял ошалевший от переизбытка информации директор.

Голова изобразила страдание на лице.

— Выключите их, а? — жалобно попросила она. — Пророчества страшные, все, как одно, эсхатологические. Даже слушать не хочется. А стихи и того хуже: рифмы нету, размера нету...

— Ладно, сейчас. — Эльвира на мгновение закрыла глаза, будто разрешив себе расслабиться, потом приняла прежнее железное выражение и решительно вышла из кабинета. Буковец последовал ее примеру, прихватив неизменный портфель; несколько секунд я слышала удаляющийся звук алхимичкиных каблучков, твердо впечатывавшихся в каменный пол.

Эгмонт остался в кабинете один, но, кажется, он этого даже не заметил. Он остался стоять где стоял, с той же хмурой сосредоточенностью на лице; похоже, задачка, которую требовалось решить, даже для него оказалась сложной. Очень сложной, заключила я через три минуты, потому что Рихтер становился все мрачнее и мрачнее. Развернувшись к карте, он сделал пальцами какие-то замеры; очевидно, результаты его не удовлетворили, потому что несколько секунд Эгмонт просто смотрел на карту, а потом со всей силы врезал по ней кулаком. Бедная карта чуть слышно пискнула — выражать недовольство громче она не

осмелилась, особенно с учетом того, что ущерб был нанесен в большей степени ее гордости, нежели физическому состоянию.

— Нужна координата, — с тихой яростью сказал Рихтер. — Координата, мрыс дерр гаст!

Я пожала плечами, усаживаясь на директорском столе. Сидеть там было одно удовольствие — стол был широкий, удобный, и бумаг на нем было немного: Буковец ценил аккуратность. От греха подальше я отодвинула от края песочные часы, две толстые тетради и маленький флажок, синий в зеленую крапинку. Он был в точности похож на те, воткнутые в карту, — только вместо имени на нем была какая-то мешанина букв, которые, ни секунды не оставаясь на месте, менялись местами. На мгновение в этом хаосе промелькнуло «...ген... венде...», а потом «...льга... ц...», и я, охваченная непонятным прозрением, сжала флажок в пальцах.

Голова заработала с непривычными даже для меня скоростью и четкостью. Скорее всего, магистры ищут нас, всех четверых, ибо при телепортации нас забросило совсем не туда, куда планировалось вначале. А что, вполне возможно. Матрица телепорта всегда строится жестко, на определенное количество человек, и вряд ли в планы учителей входила Полин, отправляющаяся с нами на боевую выживательную практику. Присутствия алхимички не предсказал бы никто. Уж тем более никто бы не предсказал, что мы так вцепимся друг в друга... Мрыс эт веллер келленгарм, — скорее всего, заклинание приняло нас за одно существо, только очень странное... еще бы после этого оно не исказилось! Ну а зная мое везение, нас вполне могло закинуть в совершенно непроницаемое для магистров место. Чародеи устроены крайне просто: все, чего они не понимают, автоматически зачисляется в разряд врагов. Эгмонт же не знает, какой замечательный там оказался лес! И леший там понятливый, и водяник... и домовый тоже, правда, у него бы чувства юмора еще чуточку отбавить...

Но перспектива провести в замечательном лесу остаток дней меня как-то не прельщала. Кроме того, магистров было жалко — я еще не забыла, кто такой Ричард Ривендейл, и примерно представляла, как хорошо он относится к любым нештатным ситуациям. Особенно к тем из них, которые способны причинить вред его наследнику. Нет, надо было возвращаться... я решительно сжала флажок за иголку в основании и прыгнула со стола.

Эгмонт все еще стоял у карты, но нужный мне кусок, хвала богам, не загоразживал. Я нагнулась к бумаге, и пространство точно раздвинулось перед моими глазами: вместо микроскопических голубых пятнышек, больше достойных называться брызгами, я увидела три длинных озера, соединенных протоками. Картинка увеличилась — стала видна избушка, а еще через секунду я рассмотрела спящую Полин, уютно свернувшуюся в клубок, Хельги, свесившего руку с лавки, и Генри, рядом с которым, задумчиво покачивая головой, сидел домовый. Очевидно, прикидывал, что сделать с герцогом на этот раз... я погрозила пальцем, и домовый, недовольно шевельнув ушами, все же отошел от вампира.

Я вонзила флажок в точности туда, где стояла избушка. Точка в точку, не промахнувшись ни на миллиметр. Рихтер, прижимая к стене листок пергамента, что-то высчитывал, обмакивая перо в зависшую в воздухе чернильницу. Кажется, расчеты продвинулись недалеко: заглянув магу через плечо, я увидела, что большая часть написанного размашисто зачеркнута крест-накрест.

— Хэй, — тихо позвала я. — Магистр Рихтер...

Маг развернулся таким по-змеиному быстрым движением, что я не успела даже отшатнуться. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, потом Эгмонт сделал маленький шаг вперед и повел по воздуху ладонью. Как будто призрака нащупывал, мелькнуло непрошеное сравнение.

— Яль... студентка Ясица? — недоверчиво спросил он.

Он меня не видит, поняла я. Чувствует, подозревает — возможно, но все-таки не видит. Потому что это сон, на самом деле меня нет в этом кабинете... я лежу на лавке в лесной избушке, стоящей на берегу затерянного озера... как можно увидеть того, кого здесь нет?

Для проверки я шагнула влево — и взгляд Эгмонта сместился за мной, но с некоторым опозданием. Сейчас магистр больше всего напоминал охотящегося зверя: он напрягал все чувства, которые у него только были, пытаясь опознать не след, но возможность следа.

Ладно, мрыс со всеми сложностями! Почувствовав, что спать мне осталось недолго, я быстро шагнула к карте и постучала пальцем возле флажка. Рихтер посмотрел туда — и я вдруг поняла, что просыпаюсь, ибо картинка выцветала у меня перед глазами, вскоре сменившись привычной темнотой под веками.

Последнее, что я увидела, глянув на карту, — это бумажный флажок насыщенно-синего цвета.

Вчерашний день у меня выдался насыщенный, так что я проспала до полудня и проснулась от взрыва, прогремевшего буквально над ухом. Нет худа без добра: сон будто рукой сняло, я взлетела на ноги, ошалело оглядываясь по сторонам.

Крыша была на месте, печка тоже еще стояла. Над столом тонкой струйкой курился синий дымок. Со столешницы на пол медленно стекала светящаяся зеленая жидкость, капавшая на доски с размеренностью метронома. Там, куда падали капли, оставалось выжженное пятно.

— Ой... — пролепетал подозрительно знакомый голосок. — Мистрис, а хрустальная мензурка у вас есть?

— Конечно, есть. — Давешняя колдунья серьезно качнула носом. — Вон в том шкафчике.

Полин, каковой, естественно, и принадлежал голосок, тут же унеслась к шкафчику. Бранка же с интересом посмотрела в мою сторону.

— Доброе утро, — благосклонно сообщила она.

Увы, наши мнения расходились.

— Это... это что за алхимические эксперименты с утра пораньше?!

— С утра? — возмущенно встряла Полин. — Яльга, проснись и пой! Полдень на дворе!

— Щас спою, — хмуро пообещала я и полезла за штанами.

Штаны — сухие, чистенькие и даже отглаженные — лежали на моей постели. Натянув их, я подумала, что здешнего домового надо бы поблагодарить. Если, конечно, сегодня Генри ходит без косичек.

Алхимички собрали жидкость в мензурку и плотно закрыли крышкой. Разговаривали они мало и непонятно, в основном употребляя термины. Моего уровня познаний в алхимии едва хватало, чтобы определить основной ход мысли, на подробности же, каковые, вестимо, для практики куда важнее, меня уже не хватало. Отчетливо ощутив себя лишней, я материализовала расческу и вышла из избы.

Видно, солнце шпарило еще с утра: крыльцо под босыми пятками оказалось почти горячим. Навстречу мне с лаем бросился рыжий пес. Я потрепала его по висячим ушам, села на верхнюю ступеньку и начала расчесывать волосы. Собак вертелся кругом, любопытно тычась в меня холодным носом; несмотря на все помехи, я все же заплела косу и отправила расческу обратно в семнадцатое измерение.

Вампиров нигде не было видно; солнце стояло над лесом почти в верхней точке, и я, вспомнив про полуденных духов, слегка заволновалась. Впрочем, места здесь были такие тихие и спокойные, что страх прошел сам собой. Если здесь и живут фэйри, то с ними всегда можно мирно договориться.

Я с чувством пошевелила пальцами на ногах, вспомнила вчерашнюю историю про музыкального Генри и весело фыркнула, щурясь на солнце. День был такой хороший-хороший; умею я плавать, я бы сбегала сейчас на озеро, но в нескольких шагах от берега там начиналась приличная глубина, а я сомневалась, что Генри услышит из леса мой сдавленный подводный бульк. Да и вообще, сидеть здесь, на теплом крыльце, смотреть на небо и на лес, наслаждаясь теплом поистине летнего дня, было ничуть не хуже.

Пес устал бегать и плюхнулся рядом со мной, вывалив розовый язык. Я лениво погладила животное, и оно согласно застучало по земле хвостом.

В Академии так не посидишь...

В Академии!..

Я едва не подпрыгнула, вдруг и во всех подробностях вспомнив сегодняшний сон. Нет, можно, конечно, списать его на возбужденное сознание, тоску по альма-матер и по кабинету Буковца, в котором мне было читано столько моралей, — но что-то подсказывало, что эльфийские психологи могут тихо курить в сторонке. Слишком уж оно... настоящее, что ли? — да и вообще, чего такого, если ученице Академии снятся вещи сны?

Но если принять этот сон за вещий...

Я закрыла глаза и вдумчиво представила, что с нами сделают по прилете. Если здешние места и впрямь считаются опасными — хотела бы я, кстати, знать, какой олух их таковыми счел! — то пребывание в них, пускай и не по нашей вине, явно перевесит и мгымбра, и лягушек, и даже олимпиаду по некромантии. Ладно Рихтер, ему еще я, может, объясню, что все вышло случайно, а вот Буковец, как тот берсерк, из боевого состояния выводится только пятью ударами топора по голове. Плохо будет всем, а мне, как рецидивистке, в первую очередь.

Да и Рихтер тоже, прямо скажем, не малина... Я представила еще, как мне ясно, кратко, выразительно и аргументировано доказывают, что мой профессионализм близок даже не к нулю, а к отрицательной величине, и совсем уж затосковала. Невероятно, но Эгмонту удавалось то, к чему так безнадежно стремился директор, — он ухитрялся что-то во мне будить: не совесть, так чувство долга. Совесть во мне будил Марцелл. Представив, как опечалит бестиолога мое возвращение, я прониклась и исполнилась живейшего сочувствия.

— Яльга, чего спишь? — раздался веселый голос, и я мигом распахнула глаза. Надо мной возвышался Хельги, и на меня падала коротенькая полуденная тень.

— Александр, — томно попросила я, цитируя какого-то из древних философов, — не заслоняй мне солнце!

— Нет проблем, — легко согласился вампир. Обернувшись, он заорал: — Эй, солнце, иди сюда!

Я заинтересованно вскинула брови, но через пару секунд была вынуждена их опустить. Вместо светила, наверняка расслышавшего зычный вампиров окрик, рядом со мной возник Генри Ривендейл — уже почти не кудрявый, а максимум слегка вьющийся. Пес радостно бросился к нему навстречу; я отметила, что девушки и собаки частенько совпадают в оценках, и пододвинулась, освобождая вампирам дорогу.

Вместо того чтобы проходить, Генри сел рядом — пес обиженно раскрыл пасть, ибо вампир занял точнехонько его место. Хельги, которому крылья не хватило, широко зевнул и смачно потянулся, широко расправив черные нетопыриные крылья.

— Эй, — удивилась я, — а как они у тебя сквозь рубашку проходят?

— Элементарно, — поведал он, борясь со вторым зевком. — Через прорези.

— Нам взрыв показался или он в самом деле был? — небрежно спросил Ривендейл, щурясь на солнце сквозь челку.

— Был, — заверила я. — Еще какой. Меня чуть с кровати не сдуло... Что они там варят?

Герцог пожал плечами:

— А-а... какую-то мрысь. Полин пищит от восторга, говорит, большущая редкость.

— Ага, и все записывает, — подтвердил Хельги. — В то-олстую такую тетрадку. Как у нее все только в сумочку помещается?

— А это, — наставительно сказала я, — есть большая женская тайна. Почти как состав помад... правда, Хельги?

В следующий момент мне пришлось закрываться сразу от трех малых пульсаров, с завидной синхронностью рванувших в мою сторону. Делать их, несмотря на все старания Матильды, умели все: сразу по возвращении из военно-исторической командировки Эгмонт устроил практический зачет, по которому я получила первую в жизни тройку. Комментировать магистр ничего не стал, но первым, что мы увидели на следующем занятии,

стал большой плакат «Скелет боевого пульсара».

— Язва ты, Яльга! — открыл мне Хох-ландию вампир, дуя на обожженные пальцы. — Кто, хотел бы я знать, на тебе женится?

— Мне тоже интересно, — безмятежно согласилась я. — Будь спокоен, за тебя я не хочу!

— Не любишь ты меня, — с печальной миной подытожил вампир. — И не понимаешь.

Я помотала головой:

— Наоборот, понимаю. Вот как понимаю, так и люблю!

— Да? — с подозрением спросил Хельги. Фраза явно показалась ему двусмысленной, но показывать этого он не захотел. — Ну тогда ладно. Живи пока.

— Уже живу...

Солнце жарило сверху, по-летнему торопливо посылая лучи во все, что подвернется. Мне давно уже было жарко, но я не собиралась уходить: там, где я выросла, было куда теплее, и половину лыкоморского года я тихо мерзла, недобрым словом поминая местный климат. Так хоть сейчас отыграться, что ли!

— Яльга! — вывел меня из задумчивости Ривендейл. — Ты чего спишь?

— Я не сплю, я греюсь... И вообще, раз уж мне злобные алхимички поспать не дали, должна же я восстановить утраченное?

— Ладно, — подозрительно легко согласился Генри. — Тогда молоко мы выпиваем без тебя.

Я мигом распахнула глаза:

— Какое молоко?

Герцог пожал плечами:

— Ну какая разница? Ты же сама сказала, что хочешь спать...

— Генри, не буди во мне зверя!

— Это мгымбрика, что ли?

— Р-р-ривендейл!

— Хозяйка молока привезла, — объяснил вампир. — И творога, кстати. Там, кажется, притихли, значит, скоро обед. Для особенно сонных — завтрак. Но если ты предпочтешь досыпа...

В избе вновь гроыхнуло, за окнами на мгновение вспыхнул синий свет. Рыжий пес тут же залился лаем.

— Но до обеда молоко может и не дожить, — прокомментировал Хельги. — Оно же ведь тоже реактив.

Я вскочила на ноги:

— Значит, его надо спасать! Все, кто любит меня, за мной!

— Скорее уж кто любит обедать... — ворчливо исправил вампир.

Но меня уже было не остановить.

Когда мы влетели в избу, опыты и впрямь уже кончились. Полин, сияя аки ясно солнышко, любовно протирала тряпочкой миниатюрный флакон из темного стекла. Еще пять флакончиков стояло перед ней на столе. Колдунья невозмутимо убирала в шкаф реактивы, а домовый мыл в ведре лабораторную посуду, недовольно ворча что-то про «вестимо, полдень, обедать надоть» и «избу взорвут — и не заметят». Нас тут же пристроили к трудовому процессу: Хельги погнали в огород за петрушкой, Генри — за шаньгами в погреб, а мне выдали тряпку и велели протереть стол.

Полин зевнула, изящно прикрыв рот ладошкой.

— Ох, как спать хочется... — поведала она, вставая на цыпочки, чтобы достать тарелки.

— Да уж понимаю, — хмуро согласилась я, чувствуя, как челюсти сводит зевком. — Что хоть варили?

— Варили? — Бранка повернулась ко мне и отточенным движением приподняла бровь. Кажется, сей жест был весьма популярен среди алхимичек, ибо Эльвира Ламмерлэйк

выполняла его с тем же небрежным изяществом.

— Ничего мы не варили! — шумно возмутилась Полин, еще не доросшая до элегантных жестов. — Варят — картошку, которая в парадных мундирах! И еще овсянку там, гречку! А мы проводили экстракцию, реформинг и...

— Не надо! — быстро попросила я, зажимая уши. — А не то сейчас я расскажу, как сотворить малый боевой пульсар, да чтобы он летал, а не разваливался!

— Ты боевая магичка? — осведомилась магичка, усаживаясь на лавку. Взгляд у нее был на редкость пронзительный, почти как добрая шпага. — У кого учишься?

— У Рихтера.

— А-а. Знаю такого.

Хлопнула дверь, и на пороге, стукнувшись лбом о косяк, воздвигся двухметровый вампир. Одной рукой он потирал голову, в другой сжимал пучок петрушки.

— А эти откуда? — спросила Бранка, кивком указав на ругающегося Хельги.

— Оттуда же. Мы на одном факультете.

Она чуть улыбнулась:

— Да... Рихтер не скучает.

Я хмыкнула, но тут с печи раздался истошный вопль:

— Куда-а?!

Я взлетела на ноги, непонятно когда успев вскинуть руки в атакующем жесте — слава богам, молнией не прожгло крышу, — Полин выронила кружку, Хельги отшатнулся от ведра, в которое он уже почти опустил петрушку, а с печи полетело грозное шипение. Я оглянулась туда: кошка, выгнув спину и взъерошив шерсть, злобно смотрела на вампира, а по полу к нему уже несли разгневанный домовой.

— Ить отсюда! — рявкнул он, от души приложив Хельги веником. — А зелень хозяйке отдай, обормот! Без рук остаться захотел?!

— В в-ведре кислота, — запоздало пискнула Полин. — Серная, концентрированная, аш-два-эс-о-четыре... Там реакция и...

— А чего тогда ведро не протекает? — брякнул вампир, послушно кладя петрушку на стол. Кажется, до него еще не дошло, ибо, когда доходит, мало кто сохраняет способность интересоваться алхимией.

— Оно с пропиткой, — величественно объяснила колдунья.

Петрушка была вкусная: ее не испортило даже близкое знакомство с кислотой. Ведро на всякий случай прикрыли стеклянной крышкой, на которой большими буквами было выведено «ЯД!!!» — на случай, если кому-то захочется водички, а идти до стола окажется лень. Мне налили полную кружку молока, дали целую миску творога, и я наслаждалась, жмурясь от удовольствия.

— Любишь молоко? — ненавязчиво осведомилась Бранка.

Я покивала, ибо рот был занят.

— Мой домовый его тоже любит.

Она кивнула на печь, где тот с непередаваемо-счастливым выражением лица пил молоко маленькими глоточками из разукрашенного васильками блюдца. Кошки, как конкурентки, на печи не было: свою порцию она лакала внизу, и васильков на ее блюде я не заметила.

На открытом окне чуть шевелились занавески, по горнице гулял легкий теплый ветерок. Веки так и норовили сомкнуться; представив, как я засыпаю за столом, с недожеванной шаньгой во рту и — о ужас! — с недопитым молоком, я приказала организму взять себя в руки.

Потом обед кончился; Полин вымыла посуду, я ее вытерла, вампиров тем временем послали на озеро за водой, выдав две пустые железные фляги. Кошка свернулась в клубок и зевнула, показав розовую пасть. Мы переглянулись с Полин, и я решительно залезла на лавку, подложив под голову согнутую руку.

— Не будить, не кантовать, — пробормотала я, устраиваясь удобнее. — В случае чего

выносить в первую очередь.

— Ага, ногами вперед... — неразборчиво согласилась алхимичка: кажется, она тоже устроилась на лавке, благо места там хватало на четверых.

Но я не снизошла до ответа, почти мгновенно провалившись в теплый сон, пахнущий молоком и летом.

Еще не проснувшись, я повела носом и поняла, что мир определенно изменился.

Запахи молока, деревянной избы и близкого озера исчезли, как не бывало. Вокруг пахло камнем, чуть-чуть — духами, немножко — затхлостью помещения, в котором никто не жил хотя бы дня два, и, наконец, алхимическими реактивами. Последнее было понятно, но остальное внушало закономерные подозрения.

Еще не открывая глаз, я поняла, где нахожусь, — и сладко потянулась, не боясь свалиться с лавки.

— Тянется она! — тут же возмутилась некая элементарь. — Потягивается, вишь ты! А мы тут как мучились, а? Они там, стало быть, прохлаждаются, в озерах плавают да волосы завивают, — а мы страдай за них, да?!

Я открыла глаза и села на постели. Элементарь, полностью выйдя из двери, укоризненным облачком витала возле косяка.

— Как я по тебе соскучилась! — в порыве искренности сказала я. — Нет, честно! Ты, конечно, занудная, но такая славная! И дома так хорошо...

Флуктуация польщенно пошла волнами, а я с опозданием вспомнила, что занудство — их главная добродетель.

— Ну уж... соскучилась... — смущенно пробормотала она. — Знаем мы вас, адептов...

— Хорошо как... — повторила я, теперь потягиваясь уже не в длину, а в высоту. — А Полин где?

Элементарь хмыкнула.

— На ковре у деканши, — поведала она, забираясь обратно в дверь. — Кстати, тебе туда же — ну понятно, не к Ламмерлэйк, а к директору.

— Почему к директору? — обреченно спросила я. Расслабленно-хорошее настроение мигом сменилось решительно-тоскливым. — Почему не к Рихтеру? Я, кажется, еще не телепат...

— Ваш мрыс там тоже будет, — обнадежила меня элементарь. — И еще много всяких, «педсовет» называется.

— Чево-о?! — выдохнула я, выронив из рук сапог.

— «Чего», «чего»... чего слышала! Да ладно, хозяйка, не бойсь! Выкинуть тебя не выкинут, а остального чего бояться? Видали мы их всех в гробу и в белых пуленях!

Я кивнула, материализуя в руке расческу.

К дверям директорского кабинета я приближалась как к эшафоту, быстро перебирая в голове аргументы в свою защиту, способы вызвать наставников на жалость и — «на всякий случай, если выбора не останется!» — боевые атакующие чары. Последние успокаивали больше всего, и я поймала себя на том, что машинально сплетаю пальцы в самое сильное из известных мне заклятий. От греха подальше я сунула правую руку в карман, левой постучала по косяку и, дождавшись отрывистого «Открыто!» толкнула дверь.

Кабинет ярко освещало вечернее солнце, и на всех предметах лежал золотистый закатный отблеск. Я покосилась на стену: там висела карта, правда, в нее не было воткнуто ни единого флажка.

— А, вот и адептка Ясица! — демонстративно обрадовался мне директор.

Я перевела взгляд на него. Буковец, естественно, сидел за столом, нервно барабанил пальцами по деревянному подлокотнику кресла. Кроме него в кабинете имелись: Рихтер, стоявший у окна и задумчиво рассматривавший закат, Шэнди Дэнн, легким движением кисти вращавшая огромный старинный глобус, и Гамиль Зирак, магистр-библиотекарь, сидевший во втором кресле и собиравший бороду в кулак.

— Здравсте, — осторожно сказала я, остро чувствуя свою незащищенность.

Эгмонт щелкнул пальцами, и за мной материализовался какой-то стул. Я села, с тоской вспомнив недавнюю свободу. Гном незаметно подмигнул мне, и я чуть расслабилась, поняв, что есть меня не будут. Разве что так, чуть-чуть надкусят.

— Ну-с, адептка, — начал Буковец, выстукивая сарабанду, — и что же вы можете нам рассказать о минувшей практике?

— Замечательная практика! — горячо ответила я, ничуть не солгав. — Очень интересно и познавательно. Мы наблюдали водяника, лешего, домового, застали период цветения этой... варвакчи, кроме того, научились выживать в дикой природе.

Эгмонт хмыкнул, Белая Дама приподняла брови, а Буковец посмотрел на меня как-то странно, и я, подумав, добавила:

— Да, еще мы познакомились с госпожой Гораной Бранкой, тоже было весьма познавательно. Особенно для Полин, она у нас алхимичка... — Маги смотрели все так же выжидательно, и я, не найдя ничего другого, закончила: — Вот.

— Как вы оказались в том месте, где оказались? — Рихтер повернулся к окну спиной и, прищурившись, посмотрел мне в глаза. Взгляд у него был не хуже чем у пресловутой Бранки, и я сглотнула, прогоняя ощущение, будто в меня со скрежетом вбуравливаются два черных сверла.

— Обыкновенно: телепортом. Вашего же, если не ошибаюсь, производства.

— Что вы делали в момент телепортации?

— Цеплялась за Генри Ривендейла. Мы...

— У вас были при себе какие-либо талисманы? Вы применяли магию, может быть защитную, от неожиданности? Студентка Ясица, вам ничего за это не будет, клянусь фамильным донжоном!

Ага, и гномьими адвокатами в придачу...

— Ничего я не колдовала, магистр Рихтер. И талисманов у меня не было. И зелий тоже, если что. И никто из нас не колдовал, я бы почувствовала...

— Вы знаете, куда именно вас занесло? — почти безразлично спросила Белая Дама, разглядывая цепочку Северных островов.

— Знаю, конечно. — Я пожала плечами, переводя взгляд с одного магистра на другого. — В Слепой треугольник, куда ж еще?

В комнате стало тихо. Буковец замер на середине такта.

— Что вы сказали? — почти шепотом уточнил он.

— Слепой треугольник... — Я неуверенно посмотрела на Рихтера, потом — на Зирака. Я что, неправильно назвала?

— Откуда вам известно это название, адептка? — так же тихо спросил директор.

— Я...

— Отвечайте, ну же!

— Яльга... — Зирак выпустил бороду, встревоженно глядя на меня. — Ты, мож, читала это где, э? Или говорил кто при тебе, а ты и запомнила?

— Нет, я... — Я запнулась на полуслове, не зная, что ответить. Сказать, что видела во сне? Или мне не поверят, что само по себе плохо, или поверят, что гораздо, гораздо хуже. Если директор узнает, что за сны мне снятся... что-то подсказывало, в школе я после этого продержусь весьма недолго. Куда дольше мне придется задержаться, скажем, в лаборатории у ковенцев. Я не пифия, не предсказательница и даже не эльфийка... все непонятное опасно, не правда ли, магистр?

— Я... я не помню, правда!

— Не лгите! — Директор, привстав, звучно хлопнул ладонью по столу. Я вздрогнула, но тут вмешался Эгмонт.

— Коллега Буковец, — ледяным тоном сказал он, и телепат тут же сел обратно, — эта студентка учится на моем факультете. Будьте уверены, лгать она не станет.

— Да... да, коллега, конечно же... — Директор, зачем-то оглянувшись, вытащил из рукава платочек и тщательно протер им руки. — Я погорячился...

— Что вы там видели, адептка? — спокойно спросила Шэнди Дэнн, словно ничего и не случилось.

Я неуверенно прикусила губу:

— Ну... я же говорила, магистр... Домового. Лешего. Водяника.

— Я не спрашиваю кого. — Некромантка сомкнула пальцы в замок. — Что вы там видели?

Я задумалась.

— Лес. Озера, три штуки, соединены протоками. Избушка. Старенькая такая. Ну... кошку еще видели, рыбу видели... — «Кудрявого Ривендейла видели», — чуть не вырвалось у меня, и я прикусила язык.

— Вас что-нибудь напугало? — продолжала Белая Дама. — Возможно, снились дурные сны?

Я спешно припомнила, что именно мне снилось. Но даже пресловутое видение нельзя было назвать особенно нехорошим, так что я решительно помотала головой.

— Ваше общее впечатление?

— Отличное. — Я облизнула губы, подыскивая нужные слова. — Знаете, лес там такой... старый и при этом добрый, понимаете? Бывают такие леса, что дальше опушки ходить страшно. А здесь тихо так, спокойно, солнце и ветерок...

Директор коротко рассмеялся. Я недоуменно замолчала.

— Солнце и ветерок!.. Клянусь, коллеги, это...

— Остальные говорят то же самое, — пожала плечами магистр Дэнн. — Значит, дело не в адептке, а в обстоятельствах.

— Эх, Яльга, — вздохнул гном, накручивая бороду на руку, — везучая же ты! Под счастливой звездой родилась, не иначе...

По кабинету словно прокрался ледяной сквозняк. Я почувствовала, как по спине обильно забегали мурашки.

— То есть? Магистр Зирак...

— Магистр Зирак, — устало перебил меня Рихтер, массируя пальцами висок, — проводите студентку Ясицу в библиотеку и покажите ей архив. Под мою личную ответственность.

Некромантка удивленно глянула на него от глобуса.

— Под нашу совместную ответственность, — поправила она. Гном поднялся на ноги, отпустив бороду, и я встала со стула.

Мурашки никуда не делись, размножаясь со скоростью кроликов. Кругом определенно творилось что-то странное, и я совершенно не ориентировалась в создавшейся обстановке.

Стул исчез с тихим хлопком. Зирак подошел к двери.

— Идем уж, адептка, — пригласил он, нажимая на медную ручку.

И я, оглянувшись на магистров, последовала за ним.

— Да в чем дело, магистр Зирак? — не выдержала я, когда мы отошли на достаточное расстояние от кабинета. Конечно, достаточным его можно было назвать лишь с большой натяжкой: телепату уровня магистра Буковца не была бы помехой и верста. Оставалось надеяться, что директор не станет копаться в мозгах у какой-то там адептки, пускай и такой проблемной.

Гном остановился и крепко взял меня повыше локтя.

— Яльга, — с тревогой спросил он, заглядывая мне в глаза, — ну откуда ж ты могла про Треугольник вызнать? Ну по-честному?.. Дело серьезное, это тебе не мгымбр...

Я помялась. Зирак всегда относился ко мне довольно хорошо, и уж зазря он бы тревогу поднимать точно не стал. Чтобы испугать гнома, много надо.

— Никому не скажете?

— Клянусь, — серьезно сказал гном.

— Я... глупо звучит, ага... мне сны снятся, магистр Зирак! Прошлые, будущее... редко, кусочками...

Зирак сжал пальцы чуть сильнее, глядя на меня все с той же тревогой.

— И что ты видела?

— Да Академию и видела, мрыс дерр гаст! — Я запнулась, вспомнив о запрете на ругательства при преподавателях, но гном, кажется, сам ничего не заметил, и я продолжила, стараясь говорить немножко более связно: — Короче, снится мне директорский кабинет, там магистры едва ли не по стенкам бегают, Бу... то есть магистр Буковец письмом каким-то трясет, вроде как от старшего Ривендейла. Госпожа Ламмерлэйк едва не кусается... Ну Рихтер и сказал, что мы можем быть только в Слепом треугольнике, больше, дескать, попросту негде. Вот. — Я замолчала и неуверенно посмотрела на гнома.

Тот вполголоса выругался по-гномски и отпустил мой локоть.

— Выдрать бы тебя... — облегченно сказал Зирак. — Сны ей снятся, вишь ты!.. Эльфка тоже мне выискалась!.. Мы-то там думаем, откуда-то удара ждать, а у нее — сны, ха!

Мы пошли дальше. На душе у меня стало немножко легче: по крайней мере, узнавший правду магистр не рвался тащить меня в КОВЕН на немедленные и весьма злокозненные опыты. Но вся ситуация оставалась донельзя смутной, и через несколько коридоров я кашлянула, привлекая к себе внимание гнома.

— Так в чем дело-то, магистр Зирак? Проблема в чем?

— Проблема... — буркнул гном, дергая себя за бороду. — Придешь, считаешь, узнаешь, что за проблема!..

— Это ты у нас проблема, — ворчливо сообщил он несколько минут спустя. — Наглая да рыжая, что твоя кошка. Вот ей-богу, Яльга, про таких моя бабушка говаривала: во что-нибудь да вступит — не в дерьмо, так в заговор! Уж прости за подробности...

— Ничего-ничего... — слегка обиженно заверила я. — А вообще, я там не одна была! Почему я вечно крайняя, а?

— А потому! — отрезал Зирак. — Потому! Ты вот мне еще скажи, что мгымбра вашего Ульгрем делал! Да он мне книги в срок сдать не может, какое там мгымбра сотворить... А уж для такой неприятности уж всяко требуется талант!

Я гордо приосанилась; гном же, заметив это, едко добавил:

— Криминальный. Ох, повезло ж тебе, что не моя ты внучка! Через колено бы тебя да ремнем...

— Я, между прочим, будущий боевой маг!

Гном даже не снизошел до ответа, только пренебрежительно фыркнул.

В библиотеке было пусто: естественно, покинув свою вотчину, Зирак закрыл дверь на замок и разогнал адептов, не слушая жалостных воплей «У меня завтра практикум!» или «Магистр Зирак, мне к Белой Даме на передачу!». Несмотря на долгую практику, гном был свято убежден, что правильный студент книги станет брать заранее, тем более магистры выдают задание как минимум дня за два. Прочих же, прибегающих в последний момент, надлежит воспитывать самыми суровыми методами. Разрешить адепту — по умолчанию существу на редкость безответственному — работать в святая святых в отсутствие самого Зирака... гном скорее согласился бы сбрить бороду, что, известно, считается огромным позором.

Зирак отпер дверь большим ключом и запустил меня в библиотеку. Внутри, разумеется, было пусто — только за столом библиотекаря сидел здешний гноменок. Подперев кулаками щеки, он с увлечением читал какой-то старинный журнал, а на столе рядом с ним стояла большая кружка чаю. Увидев меня, гноменок запаниковал, попытался спрятать кружку под стол, но пролил чай на страницы. Я великодушно щелкнула пальцами, убирая пятно; гноменок благодарно кивнул и мимикой изобразил огромную просьбу ничего не говорить старшему родственнику. Я кивнула, и он успокоился.

Зирак пришел от двери, на ходу запихивая ключ в карман. Бдительно зыркнув на гноменка, он одобрительно хмыкнул, потрепал чадо по лохматой голове и жестом подозвал меня поближе.

— Значит, так, — шепотом сказал он, не обращая внимания на любопытно сверкавшего

глазами потомка. — О том, что увидишь, — молчок. Чтоб ни слова, ни полслова! Даже близким друзьям, понятно?

Я молча кивнула, и гном направился ко входу в книгохранилище.

Мы прошли мимо алхимической секции, миновали общемагическую, проследовали через телепатический сектор, откуда вечно доносился чей-нибудь еле слышный шепоток; на востоке остался сектор боевой магии, на севере — некромантский, а на юго-западе — Запретная секция. Впереди виднелись списанные учебники, которые гном отказался выбрасывать из врожденной предусмотрительности, плавно перетекающей в скупость, плюс еще «книги для въедливых», мало интересующие обычного студента. Я вертела головой по сторонам, пытаюсь понять, что именно мне сейчас даст гном, но мы все шли и шли вперед, даже не останавливаясь у стеллажей.

Наконец Зирак остановился у ничем не примечательного шкафа и провел ладонью по корешкам книг, точно стирая с них пыль. В тот же момент шкаф сделался призрачно-прозрачным, и гном, обернувшись ко мне, сделал приглашающий жест рукой.

Я, не задумываясь, шагнула в то, что секунду назад было шкафом. Воздух тут же сделался холодным и вязким, и каждое движение требовало большего, чем обычно, труда. Несколько секунд мне было практически нечем дышать; сдерживая невольный страх, я сжала зубы и пошла вслед за гномом, отсчитывая секунды, сделавшиеся длинными и тягучими.

Странная защита, успела еще подумать я. Странная и сильная... мрыс эт веллер, что же за книги они здесь прячут? И кто бы мог подумать, что самые мощные заклинания установлены не в кабинете некромантии и даже не в лаборатории Рихтера, а в библиотеке?

Шаг, еще шаг... воздух становился все плотнее, но неожиданно я вывалилась наружу, а за спиной закаменела стена. Несколько секунд я только дышала, с наслаждением чувствуя, как воздух проходит в легкие, — но после любопытство взяло верх над физиологией, и я стала осматриваться кругом.

Ничего особенного кругом не имелось. Я стояла посреди небольшой комнаты без окон, освещавшейся желтым магическим светом. Он исходил от старинной люстры, свисавшей с потолка. Вокруг стен стояли шкафы, заставленные книгами; ни на одном корешке я не прочитала названия — на половине их вообще не было, на другой буквы были тщательно затерты. Впрочем, полки были снабжены табличками: «Некромантия», «История магии», «Нерешенное»... Заметив табличку с четкой надписью «Боевая магия», я заинтересованно протянула было руку к полке, но Зирак тут же хлопнул меня по запястью каким-то свитком, и я, ойкнув, отдернула руку обратно.

— Читать будешь то, что дам, — сурово предупредил гном. — Только попробуй не в ту книгу нос засунуть! Сразу без носа останешься, ясно?

— Ясно... — уныло кивнула я. Взгляд, как намагниченный, возвращался к той полке. Мрыс, но сколько же книг! И наверняка очень интересные...

— Нет силы страшнее, чем книга, — тихо сказал Зирак. — Можешь уж мне поверить, Яльга, я здесь работаю не первый год. Магистры не глупее адептов, ежели позволяют работать не со всякой литературой. Или жизнь тебе надоела?

— Нет.

Я поежилась, изгоняя поселившийся между лопаток противный холодок. Книги, магические книги... как там говорил Рихтер? Наши книги — серьезное оружие, порой они пишут себя сами... Тут мне вспомнился тот фолиант, что я видела во сне двадцать девятого снежня, и желание читать здесь хоть что-то испарилось, подобно утреннему туману.

Впрочем, не до конца. И я была благодарна Зираку, который явно не собирался оставлять здесь меня одну, — ибо книга для меня является самым большим соблазном, и одни боги знают, смогу ли я его победить. Если же не смогу... к моим странным способностям да соответствующий текст...

Вот тогда Академия и впрямь может не устоять.

— Садись. — Гном кивнул на стул, глубоко задвинутый под столешницу.

Я исполнительно села, и Зирак подал мне тот самый свиток, которым мне прилетело по руке. Я развернула его, отметив фиолетовую ковенскую печать, болтавшуюся на тоненьком шнурке. Зирак внимательно наблюдал за тем, как я его читаю; когда я, чувствуя, что брови поднимаются все выше и выше, дошла до самого конца, магистр подтолкнул ко мне чернильницу и перо:

— Подпишись внизу.

Я подписалась, от удивления поставив маленькую кляксу. Еще бы! Не каждый день мне приходится давать клятву о неразглашении магических ковенских тайн!

— А теперь читай вот это. — Зирак щелкнул пальцами, и на столе тут же появилась толстая картонная папка с грязно-белыми завязками. На папке имелась надпись, но прочесть я ее не смогла: руны были не лыкоморские, не западные и не эльфийские. Очевидно, гномский язык.

— Внутри тоже все по-гномски? — уточнила я, развязывая слабый узелок.

— Внутри все по-вашему, — буркнул гном, отходя к стене. — Там чары наложены, на каком языке читать умеешь — на таком и прочтешь.

Я заинтересовалась.

— А если я знаю несколько языков?

— Значит, на том, который знаешь лучше. Читай давай, нечего зря время тратить!

Я пожалала плечами и достала из папки тоненькую стопку бумаги. Сверху лежала обычная карта, под ней — магическая, прочие листы были исписаны профессионально неразборчивым почерком. По некоторым особенностям этого почерка, да еще по дате, выставленной на самом первом листе, я поняла, что записи начали делаться еще три века назад. И за три века наш любопытный КОВЕН накопил всего-то на десять листов?! Не верю, как сказал бы известный эльфийский драматург. Вот не верю, и все. Хоть режьте...

Итак, карта. Обыкновенная старинная карта Лыкоморья и прилегающих окрестностей. Кажется, в наши дни граница располагается иначе; впрочем, территориально-приобретенческий аспект интересовал меня сейчас в последнюю очередь. Где здесь у нас Треугольник? Ага. Вот он. Как и полагается, в верхнем левом углу, на северо-западе страны; одну из его «граней» образовывал восточный рукав Ойслы, одной из крупных тамошних рек, и я невольно вспомнила, что говорил водяник.

Вдосталь налюбовавшись на Треугольник — его границы для пущего удобства были обведены толстой чернильной линией, — я отложила физическую карту и взялась за магическую. Ага... это у нас, стало быть, схема расположения магических потоков надо всей территорией Лыкоморья. Я привычно поискала на северо-западе практически родные очертания Треугольника, но ничего не смогла найти. Наверное, авторы этой карты решили не упрощать клиентам работу.

Ладно, сейчас сами найдем, благо координатная сетка присутствует и там и там. Ну-ка где здесь у нас восточный рукав Ойслы?..

Я битых пять минут исследовала карту. Я облазила северо-запад не один раз. Я, кажется, запомнила каждую черточку, каждое пятнышко, каждую складку и могла бы воспроизвести по памяти обе карты. Но, мрыс дерр гаст, на магической карте восточного рукава Ойслы попросту не было!

Осознав наконец этот факт, я почувствовала, что нахожусь на верном пути. Еще через три минуты я окончательно в этом убедилась: на карте отсутствовал не только восточный рукав, отсутствовала вся территория Треугольника. Это сложно объяснить, но это было так. Магические потоки даже не огибали Треугольник — они его просто не видели, словно он был вырезан с карты ножницами. Но дыры — в прямом смысле или в переносном — там тоже не имелось. Мрыс... как бы это объяснить? На подобном принципе строится работа пятого измерения: ты видишь прямую, которая, как известно из курса математики, не имеет ширины вообще, а внутрь этой прямой утрамбована плоскость, которая, как утверждает все тот же курс, в принципе бесконечна.

Информация эта с трудом укладывалась у меня в голове. Помассировав виски для

лучшего усвоения информации, я отложила в сторону и эту карту, взявшись за остальные документы.

Почерк и впрямь был весьма неразборчивый, вдобавок лет сорок назад тогдашний государь произвел письменную реформу, отменив сразу несколько букв. Естественно, я привыкла читать и писать по новому стилю и потому испытывала некоторые сложности со стилем старым.

Но не зря говорят, что упрямство — это главная моя черта. Продравшись сквозь графологические дебри, я все же уловила общий смысл документа и крепко задумалась, откинувшись на спинку стула.

Смысл состоял в следующем.

Магическая аномалия, в просторечии именуемая «Слепой треугольник», а в научном мире носящая порядковый № 72, была открыта совершенно случайным образом. Одному из тогдашних ковенских магов для чего-то потребовалось сверить магическую карту с обыкновенной. Именно тогда было обнаружено, что изрядная территория Лыкоморья отчего-то не желает попадать на магическую карту. Было высказано предположение, что в географическое заклинание закралась ошибка; его отладили, но территория все едино оставалась за пределами карты. Возможно, ошибка допущена в самой схеме заклинания? Решив проверить, так ли это, маги вручную полезли искать пропавшие квадратные мили — проверив же, пришли к ошеломляющим результатам.

Ни один маг на свете не мог увидеть этого места. Его просто не было — в магическом, естественно, зрении. Там не было ни дыры, ни преграды — просто магические потоки как будто огибали препятствие, и взгляд огибал его вместе с ними. Туда нельзя было ничего телепортировать, туда не удавалось послать удаленное заклинание — словом, места были весьма и весьма интересные, и ковенцы быстро организовали туда экспедицию.

Экспедиция не смогла найти ни одного ответа, зато привезла целый ворох новых вопросов. Все, что удалось выяснить наверняка, — это граница аномальной зоны: экспедиция обошла ее кругом и нанесла очертания Треугольника на карту. Определить границу было очень легко — ибо ни один из магов не мог ее переступить.

Туда-сюда летали птицы, порхали бабочки, плавали рыбы в реке. Туда-сюда бегал пес, прихваченный в дорогу одним из участников экспедиции. Но магам путь внутрь был заказан. Позже выяснилось, что это правило распространяется и на людей вообще — вне зависимости от принадлежности к расе.

Основные эксперименты, кстати, были поставлены именно с помощью этого пса. А чем еще можно было пользоваться, если проникнуть внутрь иным путем — физическим или магическим — было попросту невозможно? На ошейник собаке цепляли часы, выяснив, что время в Треугольнике идет точно так же, как и у нас; цепляли мнемо-амулет, получив в итоге множество изумительно точных, но совершенно необъяснимых мнемо-образов, сильно смахивающих на специально наведенные, — вот только кто мог их наводить?.. Цепляли даже индикатор магической активности. Пожалуй, это было важнее всего: оказалось, что внутри Треугольника совершенно отсутствует магия в привычном для нас смысле этого слова. Нет, *силы* там были, но назвать их чарами не смог бы даже адепт-первокурсник.

Собственно, на этом дельная информация заканчивалась. Еще четыре листа занимала подборка сказок и легенд, которые рассказывали про Треугольник обитатели прилежащих к лесу деревень. Подборка была интересная, но не отличалась ничем принципиальным от историй из любого другого лыкоморского села. Это было вполне объяснимо: ни один из селян не мог попасть в Треугольник, да и изнутри ничего особенного не вылазило.

Предпоследний лист, впрочем, оказался весьма любопытным документом. Это было письменное подтверждение того, что драконы не имеют к феномену Треугольника ни малейшего отношения. Под текстом стояло девять подписей — по числу драконов, входящих в Высший Совет.

Последний же лист представлял собой свидетельство, выданное некой Горане Бранке ровно шесть лет тому назад. Свидетельство утверждало, что она Горана, выпускница

Межинградской Академии Магических Искусств (специальность: алхимия и фэйриведение), принимается на работу в качестве зрителя и наблюдателя за территорией аномалии № 72. Три печати венчали этот документ: одна, с совой, фиолетового цвета, принадлежала Великому Магистру. Другая, как всегда, смазанная и неразборчивая, — печать Академии, но вот кому принадлежит третья, я так и не смогла понять. Странная вообще печать, я таких раньше не видела. Синий оттиск звериной лапы — лисьей, если судить только по размерам. Кто же у нас владеет такой эмблемой?

— Что, прочитала? — ворчливо осведомился гном, отвлекая меня от усиленных раздумий. — Убрать-то хоть можно?

— Можно, — кивнула я, механически складывая листы в папку. Мрыс, но... но если Треугольник закрыт, как же мы смогли туда переместиться?

— Во-во, — хмуро поддакнул гном, и я поняла, что задала этот вопрос вслух, — нас это тоже сильно интересует. — Как вы смогли туда телепортировать — это раз. Как вы исхитрились там выжить — это два. И почему — самое главное и интересное — тамошние совершенно чуждые приличному магу места вы хором характеризуете как «солнышко и ветер»?

Я честно пожала плечами, переводя на гнома малость ошалелый взгляд.

— Не виноватые мы, так уж оно вышло... В смысле, магистр Зирак, там и в самом деле было не страшно. Смутно — бывало, со временем там творилась какая-то мрысь, но страшно... страшно не было ни разу.

— Какая такая мрысь? — насторожился гном.

— Долго объяснять, — устало сказала я. — Можно мы попозже?..

— Мо-ожно! — ласково кивнул гном. — Еще как можно! Ты, Яльга, попозже объяснительную записку будешь писать — в двух экземплярах, директору и Рихтеру.

— Но я же ни в чем не виновата!..

— А кто-то говорит, что виновата? Не дисциплинарную записку. Объяснительную. Расскажешь, что там было, и в подробностях! — Гном помолчал, пощипывая бороду, потом неохотно сказал: — Для науки пригодится.

— Ну ежели для науки... — Я улыбнулась, потирая пальцами уставшие глаза. — Магистр Зирак, так что же, получается, ничего про этот Треугольник не известно?

Гном пожал плечами:

— Все, что известно, ты уже прочла.

— А может быть, есть еще что-то? — Я пытливо взглянула на Зирака. — Предположения, догадки, теории? Не станешь же каждую мысль в ковенскую папку заносить...

— Предположения, говоришь... — медленно произнес гном. — То есть интересно тебе знать, чего я про все это думаю?

Я кивнула, и библиотекарь заговорил, тщательно подбирая слова:

— Есть такие места, Яльга, которые старше нас всех. Которым наплевать, кто перед ними: эльф — Первороденный — или смертный человек. Слон не различает размеров бабочки и муравья. Для него и то и другое есть мелкое пакостное насекомое. Сдается, это место из таких. Древнее людей, древнее эльфов, древнее самих Гор. Может быть, иные фэйри ему ровесники, но я бы не был в этом уверен.

— Интересно... — так же медленно сказала я, поняв, что гном не собирается продолжать. Тут у меня мелькнула мысль, и я поспешила спросить:

— А мистрис Бранка? Почему ее Треугольник пропустил?

Зирак снова пожал плечами:

— Не знаю. Никто не знает. Вот это есть большая ковенская тайна, которую Магистр никому не выдает. Когда она училась на пятом курсе, к нам пришел секретный запрос. Сама понимаешь, объяснений к нему не прилагалось.

Я опять кивнула; гном же, хмыкнув, продолжал:

— Не знаю уж, чего Горана с Треугольником сделала, но вытащили вас только из-за

нее. Ей было разрешено построить телепорт — только один, только в определенное время суток. На очень короткий промежуток времени. Потому вас и выдернули в сверхбыстром, чтобы проблем не возникло.

— В сверхбыстром?

— Ну да. Что, думаешь, просто так вы все позасыпали?.. Ежели человека вытащить в сверхбыстром, да еще чтобы он в сознании был, от мозгов каша одна останется. А нам сумасшедшие адепты ни к чему, у вас крыша и без того еле держится...

Я помолчала. Кажется, у меня были еще вопросы, но ничего не вспоминалось, и потому я спросила самое первое, что пришло на язык:

— А куда нас отправить собирались? В смысле где должна была проходить наша практика?

— А это ты уж у Рихтера спрашивай! — ухмыльнулся гном. — Я тебе и так секретной информации навывадал — на четыре смертных казни достанет. Все, иди отсюда! Смотришь на полки, что кот на сметану...

Я встала на ноги и огляделась. Двери нигде не было видно.

— А как отсюда выйти?

— Да проще простого! — Зирак щелкнул пальцами, и на полу передо мной высветились зеленым очертания правильного шестиугольника. Кивнув, я шагнула в телепорт; на мгновение мир исчез, сменившись почти космической чернотой, а в следующий момент я уже стояла посреди собственной комнаты, аккуратно на круглом коврике, купленном Полин на распродаже неделю назад.

Кувшин с водой по-прежнему гордо стоял на подоконнике. Я отхлебнула из горла холодной воды и плюхнулась на кровать, щелчком подозвав к себе письменные принадлежности.

Как там полагается начинать объяснительные записки?

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой размножаются молочные грибы, звенят гитарные струны, исполняются
ромские песни и рычат переулочные твари, а также демонстрируются новинки на
рынке мужского нижнего белья*

В один прекрасный вечер в середине изока я стояла в своей комнате возле кувшина с водой и целенаправленно прополаскивала обильно разросшийся молочный гриб. Гриб довольно урчал и подставлялся под струю воды то правым, то левым боком.

Две недели назад Полин принесла его — маленького грибенка — от какой-то из многочисленных подружек-алхимичек. Отыскав в недрах большую стеклянную банку, девица переложила гриб туда, залила его молоком и умиленно сжала ручки перед грудью. Банка сопела, булькала и исходила молочными пузырями: грибенок ответственно подошел к делу и старательно превращал молоко в кефир.

Полин походила вокруг банки кругами, дважды засунула туда палец, чтобы проверить, не слишком ли грибу холодно, и один раз — не слишком ли ему горячо, а потом устала и под села ко мне на кровать.

— Видишь, какая я у тебя хозяйственная! — гордо заявила она, поглядывая на банку. — Вот ты молочный гриб приносила?

— Нет, — с сожалением сказала я, глядя в ту же сторону. К молоку я питала нешуточную страсть, и цельная банка, до краев полная божественного напитка, потихоньку будила во мне задремавшие животные инстинкты. — Полин, а тебе что, молоко девать некуда? Так ты мне отдай, у меня ему место сразу найдется...

— Тихо! — скомандовала Полин.

Я недовольно замолчала, а девица, покопавшись в сумочке, извлекла помятый листок

бумаги и протянула его мне. Я поднесла его поближе к глазам: чернила, которыми была сделана запись, никуда не годились даже по сравнению с казенными школьными. Буквы расплывались, упрямо не желая складываться в слова, но минуты через три я все же одолела текст.

— Это магическая копирка, — пояснила Полин, наблюдая за моими терзаниями. — Качество ниже плинтуса, ну да речь не о том...

— Речь о другом, — согласилась я, встряхивая бумажкой. — Ты собралась открыть маленький кефирный заводик?

Полин обиженно фыркнула, а я зачитала с бумаги:

— «Сей гриб молочный, тако же кефирным именуемый, завезен в Лыкоморье из стран чудных и далеких. Ученые возводят его родословную от...» Так, это не очень важно... а, вот! «Способен он из молока делать продукт молочный, кефиром рекомый, в количествах, сообразных собственному размеру. Гриб быстро размножается, разделяя тельце свое на две и более части...» Ужас какой-то, честно говоря... «И посему, добрый человек, кефиру в твоём хозяйстве мало не будет!»

— Да, не будет! — Полин вскочила на ноги, уперла руки в боки. — Между прочим, для особенно дремучих, поясню: кефир очень полезен для здоровья, да и похудению способствует! А еще из него можно делать масочки на лицо, а можно руки смазывать, чтоб не шелушились, а можно в зелья добавлять, как редкий ингредиент!

— Очень редкий... — согласилась я, глядя, как молоко в банке потихоньку начинает расслаиваться. — И как, ты весь литр на масочки вымажешь?

Алхимичка чуть смутилась:

— Ну... не весь, — признала она. — Тебе тоже стакан налью, будешь оздоравливаться!

Оздоровливалась я практически в принудительном порядке: гриб размножался, молока для него требовалось все больше, а он, сообразно инструкции, выдавал на выходе изрядное количество продукта.

Первые дня три Полин радостно возилась с новой игрушкой. Она промывала его холодной водой (делать это надлежало раз в сутки), заливала его свежим молоком и аккуратно накрывала банку чистенькой тряпочкой. Но гриб, оценив такую заботу, попер в рост, и вскоре Полин надоело тратить лишних десять минут на промывание каждой особи. Сия обязанность мало-помалу перекечевала ко мне. То ли руки у меня были лучше, то ли лака на ногтях было меньше — гриб стал расти еще быстрее, радостно разделяя тельце на куда как больше, нежели на две и даже на три части. Вскоре литровой банки ему было мало: мы переложили его в полуторную, а когда гриб закрыл донце и там, Полин начала бегать по подружкам с экземплярами животного в руках.

— Ликки! — бросалась она к очередной жертве. — Ой, как славно, что мы наконец встретились!.. Сто лет друг друга не видели, верно?.. Слушай, мне тут по знакомству дали кефирный гриб. Представляешь, это такая редкость! Он улучшает фигуру, способствует пищеварению, еще из него можно масочки на лицо делать и в зелья класть!

— Правда? — настороженно спрашивала жертва. — И... и сколько стоит?

Полин хмурилась и делала вид, что подсчитывает деньги.

— Ну... — наконец выдавливала она. — Понимаешь... Вообще-то он дорогой, но мне от тетушки, по знакомству... ладно, ты же мне подруга! Бери так!..

Жертва брала, выслушивала краткие инструкции (промывать холодной водой, заливать свежим молоком, не ругаться нехорошими словами, ибо очень нежное существо) и удалялась, трепетно прижимая баночку к сердцу.

Таким образом, гриба у нас стало гораздо меньше, а у алхимического факультета прибавилось проблем.

Итак, был летний вечер, небо снаружи пылало закатным огнем, а я промывала урчащий гриб, по одной запикивая особи обратно в банку. На тумбочке стоял стакан, до краев полный свежайшего кефира. Кислый, густой, прохладный... от одной мысли об этом чуде я радовалась и увеличивала скорость промывки.

Наконец последний грибеныш лег в банку. Я налила туда молока, удовлетворенно послушала деловитое бульканье и, взяв в руки честно заработанный стакан, сделала маленький глоток.

Жизнь была хороша. Жизнь была даже очень хороша; минут через десять я собиралась лечь спать, синяк на локте, оставшийся после прошлого практикума, почти не болел, а нога и вовсе о себе не напоминала, особенно если лишний раз не прикасаться к щиколотке. В тот раз мне прилетело от Ривендейла в процессе отработки «одуванчика»; вампир же и отвел меня в медпункт, точнее, практически отнес. Идти самостоятельно я тогда не могла, ибо «одуванчик» у Генри получился серьезный.

Полин, уже вымывшая свой бокал, неожиданно издала томный прерывистый стон.

— Ты чего? — жизнерадостно спросила я, допивая последние капли кефира.

— Я подумала... — жалобно сказала она. — Подумала... понимаешь, кефир — он ведь тоже калорийный!

— Почему? — поразила я и облизнула кефирный палец.

— Как — почему? — возмущенно спросила Полин, сев на постели. — Потому! Он ведь из молока, верно?

— Верно... А вода ты знаешь какая калорийная?

— Почему? — испуганно распахнула глаза доверчивая соседка.

Я наставительно подняла палец:

— Потому! Потому, что молоко, чтоб ты знала, состоит из воды и жира!

Полминуты алхимичка тщетно искала в моем ответе логику, которая, разумеется, там и не ночевала.

— Злая ты, Яльга! — наконец посетовала она. — Злая и жестокая!

— И черствая еще, не забудь...

— И черствая, и суровая, и фанатичная, и...

В окно, прервав наш диалог, ударил камешек. Полин замолчала, а я, нахмурившись, создала маленький пульсар. Камешек, долетевший до третьего этажа, либо пущен гномом, либо имеет крылья. Оба варианта наводили на мысли; а я после встречи с тем заборным существом стала весьма мнительной и осторожной.

Камешек снова тихонько стукнулся в стекло. Сделав жест Полин — алхимичка мигом все поняла и забралась с ногами на постель, укрывшись на всякий случай одеялом, — я подошла к окну и выглянула наружу.

Тревога оказалась ложной. На внутреннем дворе, аккуратно около орехового куста, стояли братья аунд Лиррен, а с ними — какой-то гном. Закатный свет ярко обрисовывал их фигуры. Увидев меня, гном и правый близнец замахали руками, а близнец левый кивнул, не переставая поглаживать куст по веткам и листьям.

— Что там? — озадаченно спросила Полин, когда я, кивнув, отошла от окна.

— Близнецы... Слушай, Поль, я сейчас выйду на минутку. Они чего-то, кажется, хотят. Мой стакан мыть не надо, я еще там пару капель допью.

— Вот еще! — фыркнула алхимичка. — Еще и стакан за ней мыть! Сама вымоешь, чай, не переломисся!

— Именно так, — согласилась я, закрывая за собой дверь.

Я сбежала по лестнице вниз, скользя рукой по шершавым перилам. На последнем пролете одна из ступенек ушла из-под ног, но это было дело привычное, и я просто перепрыгнула на следующую. Снизу раздался разочарованный вздох: похоже, сегодня жертв у ступеньки было немного. Я погрозила асоциальной ступеньке пульсаром и побежала дальше, только у самой двери вспомнив про больную ногу. Согласно законам подлости, щиколотка мигом начала ныть. Стараясь не обращать на это внимания, я вышла во двор и огляделась вокруг.

Вокруг было красиво — даже, наверное, и на эстетствующий эльфийский взгляд. На востоке небо уже наливалось ночной синевой, но на западе еще догорал розовый вечерний свет. Становилось все тише, и это была ночная прозрачная тишина, которая случается

исключительно в начале лета. В углу двора тихонько журчал фонтан; в голос струй то и дело вплетался совершенно посторонний смех, чуть слышный, но звонкий, как серебряный колокольчик. Некстати вспомнилось, что к фонтану магистр-фэйривед относился еще ревностней, чем к ореховому кусту.

— Яльга, мы здесь! — помахал мне Яллинг, на секунду высунувшись из-за пресловутого куста.

Я подошла ближе, и гном, до того сидевший на земле, тут же поднялся на ноги и откашлялся, изобразив на лице подобающую серьезность. Это был очень молодой гном, и потому серьезность изображалась плохо, но он старался, и я решила сделать вид, что поверила и прониклась.

— Элле, представь магу клиента! — попросил Яллинг, вновь прячась за орешник. Я мельком вспомнила, что эльфам обычно легко дается фэйриведение, а по школе уже который год курсирует слух, что с жителями орехового куста вполне возможно договориться. А если прикинуть, какой размах они могут придать любой хорошей пакости... Странно, что близнецы занялись кустом только сейчас.

— Сию секунду! — прищелкнул пальцами Эллинг. — Яльга, отойдем на пару слов?

Я кивнула, и эльф, покосившись на гнома, с каждой секундой становящегося все более и более серьезным, оттащил меня к самому фонтану. Интерес нарастал; еще раз покосившись на клиента, эльф плюхнулся на влажный каменный бортик и открыл было рот. Но я его опередила:

— Зачем такая конспирация? Товарищ гном, часом, не из разведки?

— Нет, — краем рта ответил Эллинг. — Что ты думаешь, деньги одной тебе нужны? Знаешь, что такое конкуренция?

— Знаю, — с умным видом кивнула я, припомнив трактир на дороге из Межинграда в Арру.

— Ну так и сделай выводы, мрыс дерр гаст! — Эльф понизил голос до шепота. — Этот гном — его, кстати, зовут Стуре — принадлежит к жутко богатому клану. Он хочет заказать тебе одно существо...

Я прищурилась и ехидно покосилась на гнома:

— Конкурента, что ли? Так я не по этой части...

— Да нет же, нет! — недовольно зашипел Эллинг. — Фэйри!

Несколько секунд я молчала, с интересом разглядывая эльфа.

— Ты так на меня не смотри, — хладнокровно пресек он это дело. — Ты отвечай, возьмешься или нет?

Я опустила ладонь в воду и пошевелила пальцами:

— А нормального мага этот твой Стуре не нашел? Только адептку-первокурсницу, ага?

— Зато какую адептку! — Эллинг гордо взмахнул кулаком. — Гордость Академии, оплот магических наук, отраду будущей рихтеровской старости! Кто, если не ты? На кого еще рассчитывать несчастному гному? Имей в виду, — эльф чуть наклонился ко мне, еще понижая голос, — его клан, конечно, богат, но еще и очень, очень экономен. Ты ведь попросишь куда меньше, чем Матильда ле Бреттэн?

— Я не знаю ее расценок.

Эллинг закатил глаза и демонстративно пожаловался небесам:

— Боги, за что мне эта дева? Ну почему до нее то с полуслова доходит, а то полдня нужно объяснять? Слушай сюда, рыжая, второй раз повторять не стану! Тебе предлагают работу. За эту работу тебе дадут денег. Прилично так дадут, хватит килограмма на три новых книжек и амулетов. Так понятно? А еще у гномов проблема, и им нужна твоя помощь. Ты же дружишь с Зираком! Мрыс, хоть что-то же в тебе есть — не меркантильность, так хотя бы сочувствие!

— Ладно, будем считать, что есть... Что хоть за работа? Что за фэйри?

— Объясняю. — Эльф решительно рубанул по воздуху обеими ладонями. — Их клан владеет в городе одним славным тупичком. Тупичок может приносить изрядный доход.

Но, — он вскинул палец, — недели две назад в нем поселилась жутко злобная нежить, которая никого туда не пускает. Ну вот вообще никого! Как в таких условиях строить коммерцию?

— Кого-нибудь загрызли? — деловито спросила я, мысленно пролистывая «Справочник боевого мага».

— Нет, — со значением сказал адепт. — *Пока* нет.

Я немножко подумала, а потом поднялась с бортика.

— Ты куда? — Эльф тут же вскочил на ноги.

— К заказчику. Ты, кажется, должен был его мне представить!

Гном солидно кивнул и протянул мне руку:

— Стуре из клана Реггертов.

— Яльга Ясица. — Ладонь у него оказалась предсказуемо крепкая, а вот во взгляде промелькнуло неожиданное веселье, странное для существа, коммерция которого находится под угрозой. Я недоуменно нахмурилась, но тут же списала все на молодость и восхищение Академией, впервые наблюдаемой изнутри.

— Значит, фэйри? — Увидев недоумение в глазах гнома, я поправилась: — Нечистик?

— Ух, гадость! — Гном сплюнул на мостовую, но тут же засмутился и накрыл плевком сапогом. — Ох и мерзость, госпожа магичка. Ух и дрянь, не при даме, конечно, будь сказано!

— Сколько заплатите? — в лоб поинтересовалась я.

Гном Стуре пошевелил мохнатыми бровями.

— Сто, — наконец уверенно сказал он. — Серебром, по выполнении работы.

— Половину вперед, — нахально потребовала я; Стуре из клана Реггертов нахмурился, но я смотрела твердо, и он, не без уважения хмыкнув в усы, отвязал от пояса кошелек. — Задаток вам, если что, вернут, — успокоила я гнома минуты через три, ссылая в вызванную из комнаты сумку горсть серебряных монет. — А теперь поговорим конкретнее. Что за нечистик? Где находится ваш переулок? И к которому числу должен быть выполнен заказ?

Мы сговорились минут через пять, и вскоре я вернулась в комнату, застав Полин любопытством прильнувшей к окну.

— Что это тебе там предлагали? — с порога встретила она меня.

— Работу по специальности, — отмахнулась я, отыскивая взглядом стакан.

Он стоял на прежнем месте и, естественно, не был вымыт. Облизнув стакан изнутри настолько, насколько хватило языка, я быстренько ополоснула его и поставила на подоконник. После чего разделась и скользнула под одеяло.

— Эй, Яльга! — напомнила о себе Полин. — Какую работу? По какой специальности?

— По основной, — ответила я через зевок. — И не буди меня, мне завтра рано вставать...

Встала я и впрямь довольно рано — часа в четыре. Спать хотелось немилосердно, за окном плескалась предрассветная серая мгла, — но полученный задаток определенно грел душу. Кроме того, было очень интересно попробовать собственные силы: одно дело — драться на занятиях с Генри Ривендейлом и совсем другое — сойтись в поединке с реальной нежитью, пускай и не такой большой и страшной, как василиск. А что? Фэйриведение мы и впрямь уже изучали, по нему у меня стабильно шли хорошие оценки, — а описанная гномом Стуре нежить, хоть и не принадлежала ни к одному из известных мне видов, определенно входила в реестр «умеренно опасных». В знаковой системе КОВЕНА — две звездочки.

Быстро одевшись, я сняла с полки «Справочник» и раскрыла его наугад. Разумеется, мудрая книга тут же показала схему плетения заклинания-приманки; я тщательно размяла пальцы и начала выплетать чару.

На кровати напротив завозилась Полин. Через пару секунд она открыла глаза и повела по комнате мутным взглядом. Я сделала ручкой, не отрываясь от работы; алхимичка сонно пробормотала: «А-а, Яльга... понятненько...» — сладко зевнула, отвернулась к стене и засопела снова.

Я вздохнула, подавляя в себе низменную зависть, и вновь склонилась над книгой.

Дело в том, что на нежить предполагалось охотиться именно утром, пока еще не успело основательно рассвести. Нападать на нечисть ночью может только самоубийца, ну или уж ежели совсем припрет. Днем же колдовать на улицах было... нет, не запрещено. Просто каждый маг, не входящий в КОВЕН и все же выполняющий в столице чей-то заказ, обязан был заплатить в казну подоходный налог, размером едва ли не в половину гонорара. Сообразную денежку выплачивал и заказчик; потолковав с гномом, мы убедились, что ни одному из нас не хочется зазря тратить деньги. Кроме того, на рассвете боевые заклинания особенно сильны, а в темноте я ориентируюсь немногим хуже нечисти.

Все бы ничего, но на рассвете мне хочется спать. Спать, а вовсе не сплетать заклинание-приманку... особенно с учетом того, что второй парой у нас стоит алхимия, а по ней давно уже ожидается зачет. Эльвира не Эльвира, если она не вытянет из нас все жилы...

Вздохнув еще раз, я взглядом перелистнула страницу. Ладно уж, зато деньги будут...

А про ценный опыт и говорить незачем.

Минут через десять я доплела приманку и придала ей компактный вид. Спать хотелось уже меньше; стараясь не смотреть на все еще теплую постель со сбившимся одеялом, я быстро переплела волосы, покосилась за окно и надела куртку. После чего, проверив, все ли захватила талисманы, бодрым шагом вышла из комнаты.

Элементаль бдительно посапывала в двери. Я ухмыльнулась, поправила сбившийся амулет и быстрым шагом направилась к лестнице.

Тупичок, столь милый гномьему сердцу, располагался совсем недалеко от Академии. Пока я шла по спящему Межинграду, вокруг меня, как мотыльки у свечи, вились бесчисленные нечистики. Лично я заметила трех ночниц, одного уводну, пуста с пустодомкой и штук шесть уж вовсе мелких, не поддающихся мгновенной классификации. Однако ближе к тупичку все они отстали; дольше прочих продержался пуст, но наконец и он улетел в соседний переулок.

У входа в место моей работы стоял покореженный фонарный столб. Естественно, фонарь не горел, зато на самом столбе трепетал обрывок объявления. «Ищем мага...» — мельком прочла я и решительно шагнула навстречу заказу.

И немедленно окунулась в густую, точно чернильную темноту. Нет, это была не Тьма — именно темнота, сильно смахивающая на обыкновенный ночной полумрак. Правда, гораздо менее прозрачный; для проверки вытянув перед собой руку, я не смогла рассмотреть растопыренных пальцев.

Ладно, плевать, всякий видали сумрак! Я сделала шаг, потом еще один; прежде чем поставить ногу, я быстро ощупывала носком сапога мостовую перед собой. Еще не хватало поскользнуться на какой-нибудь дынной корке!

Шаг. Шаг. Еще шаг. Нервы были натянуты — куда там гитарным струнам у эльфийки Гудрун! Что бы ни говорил Рихтер, лично мне никогда не удавалось оставаться абсолютно спокойной в преддверии схватки, даже учебной драки с Ривендейлом. Какое уж тут спокойствие — я судорожно вспоминала, все ли захватила талисманы, сколько знаю заклятий на этот случай и хорошо ли сумею их применить. Да; много; хорошо. Фэйриведение не было моим любимым предметом, но учила я его исправно.

Как и общую магию. Потому сразу среагировала на маленькое, практически незаметное для неопытного чародея изменение магического поля. Здесь кто-то был; точнее сказать, этот «кто-то» здесь *уже* был, легко купившись на заранее выставленный мной манок.

«Еще бы не купился!» — злорадно подумала я и навскидку ударила пульсаром. Но из темноты уже летел другой пульсар, ничуть не меньше моего; спохватившись, я торопливо выставила Щит, ударившись о который огненный шарик рассыпался на множество мелких искр.

Судя по ругательствам, донесшимся с той стороны, мерзость никак не ожидала от меня такой прыти. Сама она, видно, тоже успела выставить защиту — покойники не ругаются, разве только рядом отыщется практикующий некромант.

В тупичке, как назло, было хоть глаз выколи. Темноту при желании можно было резать

ножом; это давало мерзости некоторые преимущества (нежить отлично видит в темноте) и лишало таковых меня.

А, ладно, я и вслепую как-нибудь справлюсь! Знакомое заклинание легко слетело с пальцев: сигнальный круг не поможет мне отбить чужую атаку, только подаст голос, если нежить приблизится ближе чем на шаг. Зато и сил он отнимает немного меньше... а силы мне сегодня еще пригодятся.

Мне потом к Эльвире идти, и, между прочим, на зачет.

Мерзость невежливо прервала мои мысли, ударив Волной — невысоко, приблизительно на уровне коленей. Тю-у, такое мы уже проходили! Я прыгнула, пропуская заклинание под собой; столь наглая нежить, всюю пользующаяся магией, попадалась мне в первый раз и оттого начинала меня злить. Опять-таки выбор чары. Она меня что, живой взять хочет, что ли? Как трофей, ага?

Ага. Нежить-таксидермист — это из серии ужастиковых лубков.

Я отмахнулась «одуванчиком», но, кажется, чара прошла мимо — я услышала, как заклятие звучно ударилось об стену. На мостовую посыпалась кирпичная крошка; мерзость ругнулась еще раз, невнятно и знакомо. Хотя... «мрыс эт веллер» — ругательство всеобщее, им даже упыри пользуются.

Иногда. Если некромант толковый попадется и с чувством юмора.

Поспешно сменив позицию — чтобы заказанная вражина не ударила туда, откуда только что прилетела, я выплела другое заклятие. Но в ход пустить его не успела; благородная мерзость всюю навязывала мне правила этакой помеси дуэли с хольмгангом. Типа: развлекалась — дай развлечься другим. Схема «удар — защита» нравилась мне гораздо меньше, чем «удар — еще один удар — последний удар — совсем последний, чтобы наверняка». Но мерзость определенно имела на жизнь другие взгляды. На этот раз была ее очередь, так что уже мне пришлось тихо шипеть сквозь зубы нечто интернациональное.

Тут, похоже, злая нежить решила действовать открыто. Нагло сократив расстояние в полтупичка, она попыталась меня схватить; мы с защитным кругом взвыли в унисон, через секунду к нам присоединилась и мерзость. Не знаю, отчего она вопила, от боли или от восторга — все зависит от того, промахнулась я или нет, — но я немедленно пополнила свой личный словарь Крайне Нехороших Гномьих Ругательств.

В следующий момент я заорала уже соло: сволочная нежить атаковала меня повторно, на этот раз нечестно подставив мне подножку. До того она сражалась так благородно, что я заорала скорее уж от возмущения такой непоследовательностью. Мерзость повалила меня на грязную мостовую, заломила руки, точно стражник, и надежно уселась на мои же ноги, прочно прижав меня к земле.

Я дернулась, ругнулась, пообещала нежити много всего хорошего, но она не вняла. Вместо этого в темноте над моим лицом сверкнули клыки. Сколь ни была я деморализована, я не смогла не отметить, какой просто нечеловеческой чистоплотностью отличался сей монстр: клыки были не просто белые — они были *белоснежные*, а из распахнутой пасти на меня дохнуло не гнилью и даже не перегаром, а дорожным освежителем для полости рта «Мятный ветерок». М-да. Из всей Академии денег на такое хватало только у Генри Ривендейла; я представила, как сражаюсь с неуспокоенным духом нашего аристократического вампира, и нервно хихикнула прямо в разверстую во мраке пасть.

Пасть сделала движение, чтобы захлопнуться, но сдержала эмоции и сурово двинулась ко мне. Этого времени мне хватило, чтобы опаматоваться и вспомнить анатомию; где пасть, там и до носа недалеко, верно?

Извернувшись, я цопнула наугад — но, как оказалось, очень точно. Нежить взвыла, отпуская меня передними конечностями и — в темноте не видно, но я бы поступила именно так! — хватаясь ими за нос. Обрадовавшись перемене дислокации, я сложила обе ладони в кулаки и от души добавила мерзости еще и ими, на всякий случай укрепив надежным заклинанием. Нежить взвыла уж вовсе жалобно; воодушевленная победой, я рванулась из-под нее, как... как не знаю кто, но с большим азартом. Нежить возмущенно хрюкнула, но я

уже вышла на тропу войны. Свалив ее на уже родную мостовую, я уселась ей — нежити, не мостовой! — на ноги, скрутила руки знакомым стражническим захватом и только собиралась оттяпать чего-нибудь на память (в порядке морального удовлетворения), как темнота окрест разразилась дружным хохотом.

Мрак расползся клочьями, словно казенная простыня после месяца эксплуатации. Тупичок остался тупичком, зато стенки у него были дырчатые, как после атаки армии мышей-камнеедов. Из каждой дырки пялилось лицо адепта; я посмотрела вниз, на то, на чем сидела, и начала понимать, чему они радовались.

Подо мной, распластавшись красивым ковриком, лежал первый вампир Академии, красавец под тем же самым порядковым номером, наследный герцог... словом, Генри Ривендейл. Душераздирающе постанывая и сверкая на меня глазами, он честно пытался выбраться из моего захвата, но я от удивления держала его только крепче. Нос Ривендейла — донельзя благородной формы, такие носы только за эталон брать — украшал синевато-красный след всех тридцати двух моих зубов. Цапать так цапать — не пожалев зубов, я приложила всей челюстью, удивительно, как Ривендейл и нос вообще существовали до сих пор совместно.

— Может, ты с меня слезешь?! — наконец-то обрел дар речи вампир. — А, непорочная заколдованная дева?!

— А ты вообще заткнись, тварь дрожащая! — рыкнула я. — Ты, между прочим, нежить злобная, тупичковая! Мне тебя за сто серебрушек заказали!

— Может, тебе еще и деньги отдать?! — вызверился в ответ вампир.

— А неплохо бы было... — Я наконец-то сумела разжать пальцы и слезла с вампировых конечностей — сидеть на них было немножко удобнее, чем на грязной мостовой. Но выбора не было, и потому я плюхнулась рядом. Генри покосился на меня, подтянулся на локтях и тоже сел, привалившись к стенке. Вид у него был потрепанный, даже если не брать в расчет носа, — предыдущие мои заклинания, хоть и прошли практически мимо цели, все-таки оставили таковой множество приятных воспоминаний. С длинной ссадиной на щеке вампир смотрелся очень грустно — как главный герой какого-нибудь боевого лубка, в очередной раз спасший мир, любимую девушку или политического лидера. — Ты чего про деву-то говорил, а, кровосос?

Генри зыркнул на меня из-под художественно растрепанной челки:

— Ты про это лучше у эльфийского клана Ллиэндалле спроси!

При слове «эльфийского» в голове у меня что-то щелкнуло и сложилось в необходимую картинку.

— Эльфы, говоришь? — таким сладким голосом переспросила я, что бывалый Ривендейл на всякий случай отодвинулся подальше. — А кто тебе этих Перворожденных сосватал? Эллинг?

— Нет, Яллинг, — торопливо откестился вампир. Тут в глазах у него медленно проявилось понимание, и он вскочил, нащупывая рукоять шпаги. — Ну все, близнецы доигрались!

С той стороны стены захохотали вдвое громче.

— Так чего насчет девы? — напомнила я, поднимаясь на ноги.

Герцог машинально подал мне руку, чем я бессовестно воспользовалась.

На лице у Генри отобразилась сложная гамма чувств. Три основных были растерянность, смущение и злость.

— Ну этот... аэд — м-мать его! — мне наплел, будто в тупичке обитает одна упырица... в смысле благородная дева из этого клана. Заколдованная, мрыс дерр гаст, злобным колдуном. Дерется как боевая магичка, реакция что у вурдалака... кто ж ее победит, если не я?..

— Ну характеристика точная, — пробормотала я.

— А тебе чего сказали?

— Меня Эллинг свел с гномьим кланом, — ухмыльнулась я. — Которому, кстати, и

принадлежит этот тупичок. Ну мне и рассказали, что тут завелась такая пакость — злая, вредная, кусачая, всех покупателей отвадила. Заплатить пообещали сто монет... кстати, где деньги, Генри? Я ж тебя почти завалила!

— Это я поддался, — буркнул вампир. — Ну не мог же я ударить женщину!

— А укусить, значит, мог?

— Я не укусить, — угрюмо возразил герцог, почему-то глядя в мостовую. — Я поцеловать.

— Чего?!

— «Чего», «чего»! — огрызнулся он. — Этого! Ее... тебя ж как расколдовывать надо? Победить в честном поединке, после чего поцеловать. Всего-то и делов, зато чести!.. Что, сказок не читала?

— А кольцо где?! — охнула я, опускаясь на колени и обшаривая руками мостовую. — Неужто слямзили, демоны?!

— К-какое кольцо? — Глядя на столь неподдельный ужас, благородный Генри тоже опустился на колени, брезгливо выглядывая помянутый предмет среди кучек мусора.

— «Какое», «какое»! А то сам не знаешь какое!

Вампир помотал головой, на всякий случай охлопывая все свои карманы.

— Какое ты мне на палец надел! Фамильное! Обручальное!

Слово «обручальное» я выговорила с придыханием, закатив глазки точь-в-точь как мечтающая о Принце Полин.

Герцог побледнел. Судя по всему, он прикидывал, не слишком ли сильно приложил меня головой о брусчатку.

— Ты что, Яльга? Какое кольцо?

Я встала, уперла руки в боки и нехорошо сузила глаза:

— Та-ак! Ты на меня напал? Напал! Победил?

— Победил! — гордо согласился герой.

Этого-то мне и было надо.

— Почти победил! Поцеловал?

— Почти...

— Почти поцеловал! Женись теперь, гад! Ты мне всю жизнь теперича загубил, все лучшие годы! И репутацию... это самое! И карьеру! Женись, мерзавец!

За стеной взвыли и, судя по звукам, ушли в полный астрал.

Я аккуратно стряхнула соринку с герцогова камзола и снисходительно похлопала вампира по плечу. Тот обалдело взирал на меня снизу вверх, еще не разобравшись, что его ждет теперь.

Но заранее опасаясь любого исхода.

— Халатно работаете, коллега! А если бы поцелуй не подействовал, тогда что? Или если бы подействовал не как надо? На шпагу, ежели чего, я несогласная, мне ее в комнате и поставить-то некуда...

Герцог медленно воздвигся над мостовой как монумент Фабиану Победителю Дракона. Вид у Генри был такой, что уже я быстренько отступила подальше. Разъяренный вампир — это тот еще противник, и потому я поспешила направить его энергию на относительно мирные цели.

— А близнецам ты отомстить уже не хочешь?

С той стороны стены дважды пыхнуло синими огоньками экстренной телепортации.

— Так они уже смылись, — недовольно пробурчал Ривендейл.

— Ничего. — Увидев, что опасность миновала, я смело приобняла его за плечи. Вампир покосился на меня как балованная кошка — на предложенную хозяином кильку, но смолчал. — Чтоб мы — да каких-то паршивых эльфов не нашли?! Вперед!

И мы пошли вперед.

Братья встретились нам уже на подходе к Академии. Просияв, я начала было подкрадываться, тихонечко шепча так и не опробованное на злобной нежити — то есть на

Генри Ривендейле! — заклятие, но мерзавцы-эльфы на боевой магии тоже не ушами хлопали. Едва почуяв плетущуюся чару, они дернули так, что зайцы, волки и прочие скоростные гепарды удавились бы от зависти.

Мы с Ривендейлом рванули следом. Попетляв немножко по узким улочкам, братья поступили как поступает всякий, не желающий оказаться пойманным, — они разделились, Эллинг свернул налево, Яллинг — направо. Вспомнив, кто именно обратился ко мне «от лица гномьего клана», я великодушно оставила Яллинга Ривендейлу.

Эльф оказался отличным бегуном. Я отстала, но сообразительность в очередной раз взяла верх над грубой силой. Эллинг неплохо знал здешние задворки — беда для него была только в том, что я-то знала их изумительно, еще с тех пор когда искала себе работу. В том числе я знала и тупики.

Туда-то я его и загнала. Когда эльф понял, сколь жестока оказалась к нему судьба, он попытался было убежать (но было поздно), улететь (но я не дала) и попросить помощи у какого-то проходившего мимо человека (?), зловеще бряцавшего оружием и до самой макушки завернутого в черный плащ. Тот буркнул что-то, что я расшифровала как «ну, мрыс дерр гаст, опять эти маги», и поскорее смылся.

Эллинг с тоской посмотрел ему вслед.

— Клан, говоришь? — нежно спросила я, ме-эдленно подходя ближе и комкая в ладонях большой зеленый пульсар. Возможно, выглядела я и банально — вечно магов с пульсарами рисуют! — но элфу было определено не до эстетики. — Гномий, говоришь? Лавочку, говоришь, арендовать не могли, да?!

— Я-альга... — обреченно простонал Эллинг.

— Ты у меня щас тоже кое-чего не заможешь! Вот как щас не заможешь, так вообще никогда не сможешь!

— Чего, тоже в Ривендейла влюбилась, да?

Удар прошел мимо цели, ибо на Ривендейла мне было чихать с Солнечного шпиля. Видно, эта простая мысль отразилась на моей жутко выразительной физиономии — причем в данный момент более жуткой, нежели выразительной, — потому что эльф, презрев гигиену, вжался в кирпичную стенку. Я медленно приближалась, зловеще поигрывая пульсаром.

— Десять процентов! — торопливо сказал Эллинг, когда я подошла на десять шагов.

Я только усмехнулась.

— Двадцать!

— Ха-ха, — вкрадчиво согласилась я.

— Сорок! Яльга, больше не могу — нам же до конца года жить надо!

— Пятьдесят процентов, — твердо сказала я. — Я вас знаю, вы на пари не меньше полутысячи заработали.

Эльф очень натурально пригорюнился.

— Дык мы ж не гномы...

— Вот поэтому и заработали. Вы любого гнома обуеете, ежели потребуется.

Гнусная лесть оказалась донельзя эффективной. Эллинг немедленно расплылся в улыбку.

— Ну пятьдесят так пятьдесят!.. Для такой красавицы ничего не жалко!.. Подойди ко мне в Академии, я тебе отдам! — С этими словами мерзавец-эльф попытался шмыгнуть мимо меня прочь из тупика.

Я поймала его за воротник плаща. Хвала богам, плащ был новый, и воротник на нем держался крепко. А близнецы все-таки были не герцоги, чтобы оставить новехонький плащ на съедение злобной мне.

— Здесь и сейчас, — весомо сказала я, глядя Эллингу в глаза. — Давай деньги.

Эльф, не особенно расстраиваясь, полез под плащ, покопался в карманах и легко отдал мне мешочек, туго набитый монетами.

— Твоя доля, — ухмыльнувшись, сообщил он. — Пятьдесят процентов, ровно двести сорок серебряных монет. Проверять будешь, рыжая?

— Нет. — Я взвесила мешочек на ладони и убрала его в карман. Эллинг не лгал — я неплохо умела отличать правду от лжи. — Но как...

— Как я догадался отложить половину отдельно? Легко. — Эльф выглядел таким довольным, каким и впрямь может быть только представитель его народа. — Мы же все-таки не дураки, Яльга. И давно тебя знаем. Да даже гном поймет, что ты затребуешь свою долю!

— Вот мерзавцы! — с чувством сказала я. — Проходимцы! Эльфы!..

— Они самые, — с гордостью согласился Эллинг. — Такая идея гному не придет! Ты бы видела, как вы с Ривендейлом там дрались — у-у, все кикиморы в округе от ужаса перемерли! У него, кстати, завтра день рождения, ты не знала?

— День рождения? — машинально переспросила я. — У Ривендейла?

— Ну да. Сто пятьдесят лет, круглая дата.

И тут в голову мне пришла гениальная идея.

— Слушай, — медленно начала я, увлекаясь идеей все больше и больше. — Помнишь, вы все ругались, что я не позвала вас, когда делала мгымбра?

— Ну, — тут же напрягся эльф. — А что, есть дело?

— Нет. Пока нет. Но будет. Хотите участвовать?..

— С тобой? Не вопрос! — Эллинг хищно прищурился, потирая руки. — Когда, где и чего брать с собой?

— Завтра, в девять утра, на школьном дворе. Прихватите ромские костюмы и — я изобразила в воздухе, как играю на гитаре, — чего-нибудь музыкальное. Договорились?

— Договорились!.. Яльга, один вопрос.

— Да?

— Это войдет в историю?

— Въедет, — искренне ответила я. — На золоченых колесницах. Клянусь своим браслетом!..

Эллинг просиял.

Юбку я шила весь вечер из ненужных Полин цветастых шалей. Кофточку — красную, псевдошелковую, в обтяг и с невероятным вырезом — удалось позаимствовать в театральном кружке. Там она называлась «Костюм эльфийки»; братья, узнав об этом, дружно сообщили, что, если бы их женщины ходили только так, никуда бы они из Леса не уезжали.

Тем более что юбки к «костюму» не прилагались.

Мониста, сережки, браслеты и прочая звенящая дребедень нашлась у Полин сразу же, едва я пояснила, для чего она мне нужна. На благое дело поздравления Генри Ривендейла Полин не было бы жаль даже колечка с бриллиантом. А уж тем более латунной, даже не позолоченной, мишуры.

Где раздобыли шмотки близнецы, они так и не признались. Но попадание было в точку: малиновые рубахи, черные псевдошелковые же штаны, высокие сапоги, аж блестящие от ваксы, плюс лохматые курчавые парики радикального черного цвета. Их братья нахлобучили прямо поверх собственных длинных светлых волос, не считая нужным убирать такую красоту под парик. Венчали все это великолепие традиционные ромские фетровые шляпы с непременно алым цветком за лентой. Можно было подумать, что ночью близнецы ограбили какой-то местный табор. А что, таким ромы и в подметки не годятся. Какое там коня свести — они, если надо, и боевому верблюду крылья приделают...

Ну и конечно же гитары. Как всякий эльф, каждый из близнецов от природы обладал поставленным голосом, абсолютным слухом и умением тренькать на любом струнном инструменте, хотя бы отдаленно напоминающем лютню. Третий эльф, взятый в оркестр для компании, вообще был представлен мне как профессиональный гитарист.

В общем, когда я этакой босоногой лебедушкой вплыла во двор и, подбочившись, встала под Ривендейловым окном, народ, пробегавший мимо, начал останавливаться и глазеть. Эльфы, завидев это, хором завели «Ай, нанэ-нанэ!», я же, поняв намек, потрясла плечами, грудью и юбкой по очереди, честно пытаясь изобразить виденные лет десять назад ромские танцы.

Получилось нечто похожее. Народ и вовсе заинтересовался; когда зрителей собралось достаточно, я решила, что лавочку пора открывать. Звучно хлопнула в ладоши и звонко прокричала:

— Поздравляем нашего любимого Генри Ривендейла с днем рождения! Желаем ему всего-всего хорошего, герцогство в наследство и вампиришу в жены! В подарок от всего нашего курса — песня!

— Ай, нанэ-нанэ!! — хором рявкнули эльфы.

В окне второго этажа появилась помятая физиономия Ривендейла. Вид у герцога был заspanный, волосы — растрепанные; походило, что он только что вскочил с постели. Нет, судя по тому, как глаза у вампира немедленно поползли на лоб, сюрприз удался и Генри был рад подарку, — но все-таки он явно предпочел бы получить его чуть-чуть позднее. Однако я улыбалась так призывно (а кофточка на груди трещала еще призывнее), что герцог не утерпел и распахнул окно. При виде обнаженного вампирова торса — стройного, мускулистого, ну в общем, все как полагается! — девицы слитно ахнули и попытались устроить маленькую овацию.

— Ай, нанэ! — сурово пресекли эти поползновения «ромы».

Я хлопнула в ладоши еще раз, и эльфы слаженно забренчали по струнам. Вид у них — у музыкантов, естественно! — был самый что ни на есть залихватский; Эллинг, кое-как освоившись с гитарой, лихо прокрутил ее за гриф. Я прошлась по двору, в такт музыке размахивая юбкой; немножко потрясла плечами (народ заворуженно смотрел на кофточку: свалится — не свалится), кокетливо прикрыла лицо краешком юбки.

— Давай! — прошипел за спиной Яллинг.

И я дала чего просили:

Уж замуж мне пора давно,
Эх, жисть моя корявая!
Парней кругом полным-полно,
А я люблю — Кудрявого!

Голос у меня был не ахти какой, но все-таки. Перекаты-переливы удались мне на ура — а чему тут удаваться, эту песню на всех пирушках поют и мимо нот почти не попадают. Но даже если бы я спела ее вообще через пень-колоду, это ничего бы не изменило. Генри дернулся, впился в меня взглядом и мигом исчез, точно испарившись в пространстве. Девушки опять слаженно вздохнули; я, впрочем, неплохо понимала, где именно сейчас сконденсируется наш герцог, так что от греха подальше отступила к близнецам.

Эльфы между тем рванули второй куплет:

Ах, ценит герцог мой семью,
Обычная история!
Я от себя любовь таю,
А от него — тем более!

— Ай, нанэ-нанэ! — стройным хором поддержали меня близнецы. Третий эльф молча наяривал на гитаре; вид у него был такой, будто он набрал полный рот воды и теперь боится расплескать.

Под ромские завывания во двор кубарем вылетел Генри Ривендейл. Эффект превзошел все ожидания: из всей одежды на нем были одни только подштанники да фамильная шпага, зажатая в руке. Все это плюс бешенство, придавшее благородным чертам герцога окончательный и бесповоротный романтизм, исторгло из девиц еще один слитный возглас.

Из Генри тоже чего-то такое вырвалось, но сомневаюсь, что это было слово «Бис!». Вот она, великая сила искусства — до печенок пробрало, до селезенки! В горле застряло, говорить мешает!..

Едва я успела додумать эту самую чуточку лицемерную мысль, как Ривендейл со сдвинутым рычанием бросился в нашу сторону. Близнецы одновременно прикрылись гитарами, продолжая извлекать из струн залихватскую мелодию; эльф же гитарист, не ожидавший такого эффекта, неожиданно выдал вместо «ай, нанэ-нанэ!»:

— Вай, кало ромэнгиро джуклоро!³

— Розмар ман о кхам!⁴ — охотно и чуть более в тему откликнулась я.

Настигшее нас возмездие в лице Ривендейла цепко схватило меня за плечо свободной рукой. Встряхнуло; я ойкнула, почти что услышав, как трещит ключица.

— Ты! Ты!..

Лицо у Генри было такое... вот тогда я и поняла, что называется «состояние аффекта». Девицы затаили дыхание, ожидая свежий труп; право слово, до него было недалеко, в карих глазах Ривендейла горел абсолютно непацифистский огонь.

Меня спас Хельги Ульгрем, как нельзя вовремя оказавшийся рядом.

— Генри, ты где такие подштанники покупаешь? — громко воскликнул он, проталкиваясь в первый ряд. — Я тоже такие хочу! Или они только герцогам полагаются?

Публика, и я в том числе, дружно уставилась на рекомое. М-да. Подштанники были классные и жутко дорогие: из тончайшего эльфийского полотна, не везде такие купишь. Все бы ничего, но ткань сплошь покрывала эльфийская же вышивка — изящная, конечно, стильная и все такое, но как-то плохо вязавшаяся с общим героическим образом. Согласитесь, мужественные герои не ходят в вышитых подштанниках. У мужественных героев все детали туалета кольчужные.

Тут и до Генри, кажется, дошло, в каком виде он выскочил на улицу. Еще крепче сжав шпагу, он метнулся обратно — только пятки сверкнули. Меня, слава богам, он перед этим отпустил, а не то лететь бы мне носом вперед с последующим приземлением в брусчатку.

Стало тихо.

— Коллега Рихтер, — прозвенел в абсолютной тишине хрустальный голосок Эльвиры Ламмерлэйк. Алхимичка, которую до того никто и не заметил, стояла у двери в корпус, изящно облокотившись на ошалевшего от такого внимания мраморного льва. — Я никак не ожидала, что вы прививаете студентам вкус к прекрасному! Даже в столь неожиданных ракурсах — на уровне подштанников! Это достойно всяческого уважения. Я приложу все усилия, чтобы ваш опыт распространился и по другим учебным заведениям...

— Не стоит трудиться, — прозвучал в ответ другой знакомый голос — бывалые эльфы начали оглядываться, заодно отыскивая и его источник, и пути отступления. Источник обнаружился легко, пути же были надежно перекрыты. — В других учебных заведениях, коллега Ламмерлэйк, нет такого замечательного, во всех отношениях творческого студенческого коллектива. Пока нет. Но мы можем поспособствовать.

— Ну что вы, коллеги. — Это была уже Шэнди Дэнн, вынырнувшая как из-под земли (впрочем, кто знает?). — Идея не такая уж и плохая, да и воплощение превосходно. Дети пытаются самореализоваться — это понятно в столь юном возрасте. Зачем же мешать? Я полагаю, все четверо... нет, пятеро участников концерта с радостью повторят его в виде гастрольного тура. А полученный гонорар Академии не помешает. У меня, например, в кабинете на потолке краска облупилась...

— И вообще, adeпты молодцы, — возвестила алхимичка. — Указали нам на нашу недоработку! Студенческой самодеятельности-то у нас и нет! Ничего, теперь все в обязательном порядке будут посещать курсы по хоровому пению, пению соло, игры на народных инструментах, танцевальному искусству, мастерству сценического костюма и грима. Воспитанию чувства патриотизма также весьма поспособствует хоровое исполнение

³ Черная ромская собачка!

⁴ Разрази меня солнце!

гимна Академии — скажем, по пятницам, после занятий. Можно перед. Ваше мнение, коллеги?

— Все бы ничего. — К кучке магистров присоединился еще и директор. — Вот только гимна у Академии на данный момент нет...

— Бесспорно, глубочайшая недоработка! — поддакнула Шэнди Дэнн.

— Нет — значит, будет! — железным тоном, мало походившим на прежнее щебетание, отрезала Эльвира. — До пятницы время еще есть. Задание обязательное! Все, все свободны. Спасибо за концерт. Время пошло!

Народ радостно рванул во все стороны. Я подхватила юбки и боком-боком побежала ко входу, но аккуратно у меня на дороге возник любимый наставник. На лице у него печатными буквами было написано невероятное желание придушить меня прямо здесь.

— Ой, простите, — пискнула я, решив нахально обежать магистра стороной.

Но не тут-то было: Эгмонт крепко ухватил меня за то же самое плечо, что и Генри, надавив на ту же многострадальную кость. Я взвыла в голос; Рихтер, не поддавшись на провокацию, хватку ослабил совсем чуть-чуть.

— К вам четверым это точно никак не относится!

— И насчет гимна тоже? — с надеждой спросил Эллинг.

— И насчет гимна, — ласково заверил Рихтер. — У вас будет особенное задание. Вы у меня адепты творческие, вам без дела не сидится...

К последней фразе запасы ласковости иссякли, уступив место чему-то диаметрально противоположному. Я невольно начала вспоминать, как конкретно делается большой боевой пульсар; заодно вспомнилось, как легко это самое соорудил однажды Эгмонт, — а сейчас ему определенно не хватало только причины. Я представила, как Генри Ривендейл утрамбовывает мой хладный труп в недостроенную стену, а Рихтер поливает сверху цементом, и мне стало совсем уж нехорошо.

Таким образом, процессия, направлявшаяся в магистерский кабинет, выглядела следующим образом. Сначала мы с Эгмонтом (мое плечо он так и не отпустил, и правильно, а то только бы меня и видели!); за нами, вытянувшись гуськом, следовали трое эльфов с гитарами наперевес. Парики у близнецов сбились набок, но рубахи алели по-прежнему воинственно и непреклонно.

Эльф-гитарист, замыкавший процессию, ажно сиял от счастья. Никогда прежде, судя по всему, он не испытывал такого выброса адреналина в кровь.

«Хорошо, хоть кому-то хорошо», — мрачно подумалось мне.

Кабинет был знакомый, можно сказать — родной. С последнего моего сюда визита ничего особенно не изменилось; я попыталась вспомнить, когда случился этот самый последний визит. Кажется, еще на Савайн, после мгымбра... мрыс дерр гаст, а как давно это было!

Мы зашли, сгрудились возле двери. Отходить от нее подальше никому отчего-то не хотелось — окна все равно были зарешеченные, да и прыгать высокогато. За девять месяцев обучения на боевом факультете — у близнецов и того больше, а про эльфа-гитариста ничего не знаю — я успела привыкнуть, что первой мыслью, являющейся мне в помещении, становится: «А как бы, ежели чего, отсюда можно удрать?»

А удрать хотелось. Бесстрастное выражение, застывшее на лице Рихтера, вряд ли смогло бы хоть кого-нибудь обмануть: сквозь него изумительно просматривалось бешеное желание придушить всю нашу четверку голыми руками. Это о чем-то да говорило; жить хотелось всем, поэтому мы переминались с ноги на ногу и старательно изображали оскорбленную в лучших чувствах невинность.

— Ну? — наконец нарушил молчание Эгмонт.

Эльфы одновременно ткнули меня локтями под ребра.

— Мы ничего плохого не сделали! — вздрогнув, горячо заверила я магистра. — Мы всего лишь хотели поздравить нашего сокурсника с днем рождения! Праздник у человека... то есть у вампира конечно же!.. Не каждый день сто пятьдесят лет исполняется!

— Да неужели? — Рихтер был на удивление немногословен.

— Истинно так! — с достоинством согласилась я, больше всего опасаясь, что эльф-гитарист с перепугу еще раз обнаружит фрагментарное знание ромского языка. Раз уж его на собачках заклинило: ляпнет еще чего-нибудь в духе «борзо джуклоро»⁵ — объясняй потом Эгмонту, что не нарочно! — Понимаете, магистр Рихтер, мы хотели сделать... что-нибудь необычное. Оригинальное. Но у нас же опыта не шибко много, так? Вот мы и обратились к литературе.

Близнецы оттоптали мне все ноги, попутно делая страшные глаза, но меня уже было не остановить. Гитарист благоговейно затих за спиной; я попросила богов, чтобы дальше он вел себя так же, и продолжила, сочиняя подробности на ходу:

— Не без помощи магистра Зирака мы нашли одну замечательную книгу. По ней все и сделали! Хотите, я покажу вам сей источник знаний?

Эгмонт коротко кивнул, и я быстренько вытащила из воздуха «Справочник боевого мага». Поняв, чего мне надо, книга быстренько сменила внешний вид, размеры и содержание: теперь она была раза в два меньше, коричневая шагрень перекрасилась в зеленую, а буквы на обложке, приобретя замысловатые эльфийские очертания, сложились в надпись: «Тысяча и один совет на все случаи жизни».

— Вот, — с гордостью сказала я, демонстрируя Рихтеру книгу. Раскрыв ее наугад, я с выражением зачитала отрывок: — «А вот ежели кого поздравить надобно с днем рождения, в скобочках — юбилеем, в скобочках — нужное подчеркнуть, то следует имениннику, в скобочках — юбиляру, в скобочках — нужное подчеркнуть, подарить песню либо, в скобочках — пляску. Нужное подчеркнуть».

Эгмонт молча протянул руку, я так же молча вложила туда открытую книгу. Он пробежал глазами страницу, быстро отыскав на ней нужный абзац. Еще бы, все прочее пространство занимала огромная иллюстрация песни, в скобочках — пляски.

Нужное подчеркнуть.

— Где-то я уже видел эту книгу, — вкрадчиво сказал Рихтер, пролистывая еще несколько страниц. Хвала богам, со «Справочником» ему было не тягаться — тот исправно выдавал небольшие кусочки текста, предлагая все новые и новые способы оригинального поздравления друзей. На первой странице, к слову, синело чернильное пятно непонятных очертаний, долженствующее изображать библиотечный штамп.

— Все может быть, — развел руками Эллинг. — Библиотека большая...

— А что вы скажете, если я сам верну ее магистру Зираку? — так же вкрадчиво продолжил Эгмонт, не обратив на слова эльфа ни малейшего внимания. — А, студентка Ясица?

— Мне будет очень грустно, — потупилась я. — Потому что, по правилам Академии, книги должен возвращать тот, кто их взял, а я очень уважаю правила.

— Оно и видно, — кивнул Рихтер, возвращая мне книгу. — Ваше почтение к правилам — когда я говорю «ваше», студенты аунд Лиррен, то имею в виду и вас! — давно уже стало притчей во языцех. И вам, должно быть, известно, что эти самые правила не предусматривают адептов, разгуливающих по двору в... хм... не особенно приглядном виде?

— Это было театрализованное представление! — хором возмутились мы, оглаживая костюмы.

— Я не о вас, — отмахнулся Рихтер. — Студент Ривендейл, я так понимаю, тоже входил в это представление? Или его действия были, так сказать, рекламной паузой? Кратким ознакомлением потребителей с новинками на рынке нижнего белья?

«Кто бы говорил», — невольно подумала я, вспомнив эпизод с василиском и то, в каком виде Эгмонт телепортировался на следующий день из собственной спальни. Штаны на нем, конечно, тогда были, но с преподавателей спрос должен быть строже. Какой пример он

⁵ Пес легавый.

нам подает?

Судя по тому как синхронно ладони близнецов дернулись к ушам, им припомнилось то же самое.

— Кто ж знал, что на него так искусство подействует?! — совершенно искренне пожала я плечами. — Песня же хорошая, сами слышали...

Ну кудрявый и кудрявый! Не бросаться же на нас за какую-то насмешку!..

— Ну кое-кто не только слышал. Студент Ривендейл, несомненно, был столь обрадован сим нетрадиционным подарком, что едва не сбил с ног двух магистров, в том числе декана алхимического факультета. А коллега Марцелл Руфин Назон вообще уничтожает последние стратегические запасы успокоительного — те, что чудом сохранились после Савайна...

«Все», — облегченно поняла я. Гроза прошла стороной. С Марцеллом у Рихтера отношения были донельзя натянутые, и сочувствие пострадавшему коллеге получилось не особенно достоверным. Учитывая же, что и мы не пылали к бестиологу большой ученической любовью...

— Значит, так, — подвел итог Рихтер. — Гимн вы сочинять не будете. Мне страшно представить, какой текст вы могли бы представить комиссии. У нас не так много магистров, чтобы столь необдуманно ими рисковать. У вас, у всех четверых, будет особое задание.

— Это несправедливо! — хором взвыли братья, вспомнившие наши с Хельги мучения по мгымбрам и сортам помад.

— Напротив, все будет очень справедливо, — заверил нас Эгмонт. — В самом деле, что это за дискриминация? Вампиров, значит, поздравляем, а остальные чем хуже? Выделяем, получается, по расовому признаку? И по половому, и по возрастному? Нет, так не годится. Поздравлять, так всех. Ваша труппа займется организацией необычных праздников к дням рождения абсолютно всех адептов.

— Всех?! — вырвалось у гитариста.

— Всех, — кивнул Эгмонт. — И ни в коем случае не повторяйтесь. Задание понятно?

— Нет, — встрял неугомонный Яллинг. — А магистров тоже поздравлять?

Я воодушевилась. Для любимых учителей у меня тут же создалось несколько о-очень оригинальных сценариев. Оригинальнее, можно сказать, не придумаешь. Не одному же Рихтеру кичиться воображением — у меня тоже между ушей не ниточка натянута!..

— Нет! — вздрогнув, отказался Эгмонт. Видно, у меня слишком многообещающе сверкнули глаза. — Потренируйтесь... то есть отточите пока мастерство на адептах. Все. Свободны.

— Доигрались, — восхищенно выдохнул эльф-гитарист, когда мы уже стояли возле входа в жилой корпус. — Влипли! В настоящее большое приключение!

— То ж разве это большое... — рассеянно ответила я, выглядывая, нет ли на горизонте злого Генри со шпагой в одной руке и вилкой в другой. — Вот с мгымбром — это да, это большое...

Эльф возрился на меня с обожанием во взоре.

— Ты лучше скажи, Яльга, — потербил меня за рукав Яллинг — парик у него уже почти сполз, и выглядело это так, будто на эльфа надета не одна, а целых две шапки. — Чего это Ривендейл этак киданулся, а? Мы ж вроде так не договаривались!

— А какая разница? — философски пожала я плечами. — Может, мелодия не понравилась. Вы там нигде не соврали, э?

Эльфы возрились на меня как метровая щука — на рыбака, еле-еле вытянувшего ее на песок, а после пренебрежительно сплюнувшего: «Рыба как рыба...»

— Понятно, — быстренько кивнула я, пока «щуки» не последовали примеру Ривендейла. — Вопросов нет. Но в историю-то мы вошли, ага!

Близнецы одинаково ухмыльнулись. Глаза у них разом сделались счастливые-счастливые, как у обожравшегося сметаны кота.

— А день рождения у кого следующий? — выждав положенное для осознания собственного величия время, уточнила я.

Близнецы переглянулись.
— У Вигго фон Геллерта?
— У Энджи де Моран?
— У Полин де Трийе, — вмешался эльф-гитарист. — Девятнадцатого числа, послепослезавтра.
— Ну время-то еще есть, — облегченно вздохнул Эллинг. — А идеи?..
Я криво усмехнулась, старательно скопировав Настоящий Оскал Разбойничьей Атаманши.
— А идеи есть уже у меня!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой порхают амурсы, вещают ковенцы и бегают крысы, а героиня узнает о себе много чего интересного. И, кстати сказать, не она одна...

Собственно, день рождения Полин получился у нас на ура.
Думать тут особенно было не над чем, ибо не зря я прожила в одной комнате с алхимичкой практически целый год. Братьям аунд Лиррен были выданы соответствующие инструкции, эльф-гитарист отправился разучивать серенаду, а я пошла в библиотеку работать над курсовой. На дворе стояло восемнадцатое изюка, и времени оставалось немного.
Узнай Полин о том, сколь я была спокойна, она наверняка бы сочла это за обиду: еще бы, тут такое мероприятие, а я даже поволноваться лишний раз не могу! Ну хоть ради приличия, что ли!.. Но волноваться мне было некогда, курсовая вопияла, а прошло все, как сказано выше, очень и очень хорошо.

Все было просто и элегантно: дело началось радужной надписью «Полин, мы тебя любим!!!», всплывшей с утра пораньше на плитах внутреннего двора, и закончилось тортом размером с тележное колесо (чтоб на всех хватило!), украшенным двадцатью свечками, сорока пятью розочками и бесчисленным количеством серебряных сахарных бусинок. Торт был творожный, диетический, — утешившись этим, Полин позволила себе куска на три отступить от суточной нормы жиров и углеводов. Впрочем, особенно испортить фигуру ей не дали: все были голодные, а торты в Академии — дело нечастое. Вспомнив Хельги, я ехидно подумала, что и конфеты тоже.

В промежутке же имели место быть серенада, исполненная тремя эльфами под нашим окном, купидончики, спешно сотворенные мной по образцу с открытки, и дверь, увешанная розовыми бантиками (мне долго пришлось уговаривать элементарь согласиться на подобное непотребство). Уже поздно ночью, когда торт был съеден, шампанское выпито, а эльф-гитарист сообщил, что у него пальцы не железные, — словом, часа в четыре ночи мы легли спать, а за окном еще носился туда-сюда боевой клин амуров, вооруженных композитными эльфийскими луками. Потом вожак — крепкий купидон с розовыми пятками, золотыми крылышками и чеканным профилем Генри Ривендейла — указал курс на Луну, и весь клин дисциплинированно полетел покорять тамошние просторы. Напоследок кто-то стрельнул к нам в распахнутое окно — маленькая розовая стрела угодила как раз в сердце Южному Принцу, горделиво смотревшему на меня с портрета.

Полин сладко сопела под одеялом; я выдернула из Принца стрелу и тоже отправилась спать.

Наутро меня разбудила элементарь.

— Хозяйка, хозяйка! — встревоженно звала она, пока я, честно стараясь досмотреть сон, прятала голову под одеялом. — Хозяйка, проснись!

— Ну? — тоскливо спросила я, садясь наконец на кровати. — Чего тебе надобно, а? Выходной на дворе!

— Хм! — оскорбилась флуктуация. — Мне надобно! Да мне вообще ничего от жизни

не надобно, только чтобы вот эту дрянь больше не нацепляли! — Под «дрянью», очевидно, подразумевались бантики и ленточки, кучкой валявшиеся на постели Полин.

— Извини, — со вздохом сказала я. — Просто спать охота, сил нет... Что случилось-то?

— То! — буркнула элементаль тоном ниже. — Случилось, поди, коли я ее так зову! В зал иди, в актовй, вас там наставники собирают. Ковенец какой-то пришел, в плаще... серьезный такой, прям как змеюка бронзовая...

Несколько секунд я припоминала змеюку, о которой шла речь. Потом до меня дошло, что под ней подразумевался бронзовый аспид, который попирал копытами конь Добрыни Путятича на Царской площади. Морда у аспида и впрямь была серьезная — походило, что в смертный час он пытался вспомнить, составил ли с вечера завещание.

Вопрос, откуда флуктуация, в жизни не покидавшая пределов Академии, могла знать змеюку в лицо, оставался открытым. Но спрашивать было некогда; я извинилась еще раз, пообещала исправиться и быстро запрыгнула в штаны. Зеленые, на всякий случай.

В актовй зал я ввалилась, на ходу заплетая косу. Но спешка оказалась напрасной — половина мест в зале еще была свободна, ковенский аспид, надо думать, и не начинал кусаться, а по сцене задумчиво прохаживалась Муинна в зеленом плаще. Увидев меня, эльфийка помахала мне рукой; я улыбнулась и помахала в ответ.

Ни близнецов, ни Хельги еще не было. Полин сидела в окружении подруг-алхимичек, подсесть же к Ривендейлу я не рискнула: девицы и так метали на меня весьма грозные взгляды. «Не советую... мм... съедят», — мелькнула в памяти соответствующая цитата. Рассудив, я села наособицу, заняв максимально удобный для обзора стул.

Вскоре начал подтягиваться народ. Народу было много — похоже, в зале собрался весь первый курс, начиная от алхимиков и кончая некромантами. Близнецов же, вкупе с гитаристом, равно как и алхимика Вигго, я не заметила.

Еще минуты через три, когда все уселись, обсудили столь ранний слет и от души поругали магистров, явился наконец ковенский змий. Я немедленно оценила зоркость моей элементали: физиономия у «приглашенного чародея» была длинная, узкая и донельзя серьезная, точь-в-точь как у бронзового гада. Даже глазами он, кажется, не моргал.

Муинна взмахнула рукой, в будке зашевелились — грянул бодренький марш, и ковенец, вежливо улыбаясь, отправился на сцену. Эльфийки там уже не имелось, а имелся умеренно радостный директор, испуганно косившийся на чуть притихшую аудиторию.

— Дорогие адепты! — ласково начал он. — Я счастлив приветствовать в стенах нашего учебного заведения многоуважаемого ковенского коллегу, добившегося успеха в самых различных сферах Высокого Искусства. Он великолепный некромант, отличный боевой маг, превосходный телепат, кстати стажировавшийся под моим началом...

Мы не дорогие, мы уцененные. Я пропустила мимо ушей дифирамбы ковенскому гостю и впала в привычный транс, приготовившись слушать Буковца в течение всего последующего получаса. Но, очевидно, к многочисленным достоинствам чародея принадлежала еще и краткость — ибо восхваления кончились всего лишь минуты через три. И кончились так, как я меньше всего могла бы ожидать.

— Выпускник нашей Академии, в настоящее время он охраняет наш покой, работая в ковенской тюрьме. Магистр Мирдок, прошу вас!

«Однако!» — ошарашенно подумала я. Получается, наш покой проживает именно в тюрьме? Да и вообще, какого мрыса он здесь делает, набирает адептов для прохождения практики? Не-эт, спасибо, я уже с Рихтером договорилась...

Зал заволновался, — очевидно, он рассуждал примерно так же.

— Уважаемые коллеги! — перехватил инициативу ковенец. Голос у него оказался глубокий и хорошо поставленный, как у большинства некромантов. Впрочем, дело там было не только в тембре — едва он заговорил, как зал сам собой стих и стало слышно, как под потолком жужжит заблудившаяся муха. — Предвижу ваше любопытство и заранее отвечаю на главный вопрос. Я пришел сюда, выполняя распоряжение Магистра Эллендара — если

вас интересует конкретика, приказ от двадцатого числа снежня-месяца три тысячи девятьсот тридцать пятого года. Все adeпты, обучающиеся в магических учреждениях, имеют право посетить ковенскую тюрьму, имея при себе четырех преподавателей. Сегодня вы сумеете воспользоваться этим правом. Ближайшие три часа вы проведете именно там — вам будет продемонстрирован один из залов и прочитана лекция об историческом и магическом значении этого здания. Вопросы есть?

У кого-то, может быть, вопросы и были — у меня же имелось сплошное непонимание. Какое право, какие преподаватели? Я оглянулась и увидела, как Белая Дама, Рихтер и бестиолог привычно встают по углам зала, а Буковец, торопливо спустившись со сцены, занимает место четвертого магистра. Диспозиция была знакомая; я вспомнила давешнюю телепортацию в лесные дебри и затосковала. Надеюсь, нас хотя бы не сразу по камерам раскидают?

— Ну раз вопросов нет, значит, можно начинать! — Ковенец взмахнул рукой, подавая знак магистрам, с пальцев его сорвалась коротенькая молния. Я машинально проследила за ней взглядом и увидела, как с потолка сорвалась жирная черная точка. Надоедливое жужжание стихло, и я поняла, что маг сбил муху на лету.

А спустя мгновение мир исчез, сменившись знакомой темнотой телепорта, чтобы секунду спустя возникнуть вновь, возникнуть солнцем над головой, булыжниками под ногами и высоким обшарпанным зданием, выросшим на площади перед толпой adeптов.

Над узкой дверью я разглядела выцветший фиолетовый щит, с которого подслеповато смотрела ковенская сова.

Что же — это, получается, и есть та самая тюрьма?

«Похоже на то», — флегматично подумала я.

Смысла во всем окружающем я по-прежнему не наблюдала, но жить становилось все интереснее. Места кругом оказались более-менее хоженные: повертев головой, я поняла, что нахожусь на Треугольной площади, расположенной в получасе ходьбы от Академии. Чуть дальше располагался Летний дворец, малая резиденция царя-батюшки, а еще дальше — Царская площадь вкупе с бронзовым всадником и попираемой змеей.

Тут толпа зашевелилась, и через несколько секунд до меня дошло, что именно она сейчас делает. В дверь разом входило не больше трех человек, и нас пытались выстроить в некоторое подобие колонны. Строились мы плохо, чай, не Корпус, а Академия Магических Искусств.

Передо мной встал какой-то на редкость рослый adeпт; обзор разом сделался гораздо хуже, но я все-таки вывернулась и посмотрела вперед.

Вовремя — дверь неспешно отворилась. Именно отворилась, не открылась и не, избави боги, распахнулась: медленно, с чувством собственного достоинства, вполне приличествующего такой достопочтенной двери.

Солнце мягко грело сверху, на площади было очень тепло... здание казалось старым и неухоженным, но в нем не было ровным счетом ничего страшного. Подумаешь, дом. Мало я их, что ли, видела? Может быть, он даже внесен в какой-нибудь туристический список и по воскресеньям сюда навешиваются толпы туристов, листающих проспекты и щелкающих мнемо-амулетами.

Я подумала еще немножко и не нашла в себе ничего, кроме уважения к немалому возрасту тюрьмы. Ни страха, ни дрожи в конечностях, ни нервного тика — ничего, что полагалось бы испытывать любому приличному чародею. Ничего. Просто... старый, очень старый дом, сложенный из серого камня. Историческая достопримечательность, вот и все... какая уж тут крепость, вон даже окна не зарешечены... Было даже немножко обидно, но никаких восторгов из меня не выжималось.

Как-то все глупо получается...

Aдепт впереди сделал крошечный шаг вперед, и я запрыгала вновь, пытаюсь понять, что происходит. Может быть, нас наконец начали пускать вовнутрь?

Да, я не ошиблась. Длиннющая очередь постепенно таяла, как кусок сахара в чашке с

остывшим чаем — лениво, конечно, но все-таки. Мы подходили к крыльцу, и вскоре я уже стояла на стершихся от времени ступенях. Кажется, там даже можно было различить выбоины, оставленные бесчисленным множеством ступавших сюда ног.

Дверь вдруг очутилась совсем рядом. Я посмотрела внутрь, еще раз убедившись, что бояться здесь нечего. Просторный вестибюль, пожелтевшие стены — от потолка по ним тянулись желтоватые подтеки. Кое-где обои — дешевенькие, бумажные, КОВЕН мог бы позволить себе купить чего-нибудь подороже — отошли от стен, вздуваясь некрасивыми пузырями. Краска на полу была почти что сбита... странно, неужели эта тюрьма так плохо спонсируется? Или в цели многоуважаемого КОВЕНА входит и психическая атака — понятное дело, любой испугается, поняв, что ремонт здесь делали, кажется, еще до становления династии...

Я перешагнула порог. Перед моими глазами мелькнуло окно, нелепо притулившееся на ближней стене. По мутному стеклу разбегались трещины; и мне вдруг показалось, что тюрьма смотрит на меня, смотрит так, как хозяйка на рынке разглядывает приглянувшийся ей товар — хорош-то он хорош, да вот только стоит дороговато...

Я мотнула головой, изгоняя непрошеное сравнение. Послушные мысли мигом потекли по другому руслу; но где-то на самом доньшке души зашевелилось смутное ожидание. Ожидание — и да, наверное, все-таки страх. Легкий, как лебяжий пух, страх, в чем-то подобный детской боязни темноты. Но случается и так, что сумрак скрывает в себе чудовище; а я была магом и знала, как быстро пух умеет становиться бронзой. И что-то еще, тайное и смутное, поднимавшееся из глубины, зашептало мне на ухо, тревожа мне волосы быстрым прерывистым дыханием:

Бойтесь старых домов, бойтесь тайных их чар,
Дом тем более жаден, чем он более стар,
И чем старше душа, тем в ней больше...⁶

Кто-то из адептов подтолкнул меня в спину, — видно, я задержалась на пороге, мешая следующим войти. Я вздрогнула, пытаюсь избавиться от наваждения, и поняла, что стою уже внутри.

Я оглянулась. Изменилось немного — просто солнце, падавшее через грязные окна, дробилось на отдельные лучи. Просто пыль, легкая пыль танцевала в полосах света; и так здесь было вчера, позавчера, год назад...

Так здесь было всю вечность и будет столько же.

Я вдруг вспомнила ту захудалую тюрьму, в которую мне как-то случилось попасть. В тот раз, помнится, стражники проводили нечто вроде облавы, наверное, хотели забрать все Дно — но, как это всегда случается, невод лишь скребнул по этому самому Дну, а из воды вытащил только ил да мусор. Меня загребли вместе еще с полусотней бродяг, попрошайек и девиц, чья нравственность не внушала ни малейших сомнений. Тогда нас всех забили в одну камеру, и более опытные рассказывали, какие казематы бывают в тюрьмах; говорили про тесные чуланчики, в которых нельзя даже выпрямиться в полный рост, говорили про комнаты с полами, залитыми водой, — там не выйдет ни сесть, ни лечь... и тогда я боялась всего этого. Но то, что чувствовалось здесь, в солнечном вестибюле, в непрекращающемся танце пылинок...

Вечность.

И забвение.

Моей магии здесь не было. Просто не было; что-то наваливалось сверху, подобно низкому потолку, что-то давило на мои чары, не давая им выплеснуться в заклятие. Спертый воздух с чуть приметным запахом гнили оставался спокоен; но я знала, что чарами здесь

⁶ Стихи Константина Бальмонта.

наполнен каждый квадратный, да что там квадратный — кубический сантиметр. Чарами, встроенными в стены, заложенными в фундамент; почему-то сейчас я поверила всем тем рассказам о том, что прежде, дабы обеспечить крепости защиту, в ее основание вмуровывали человека. Мрыс дерр гаст, да я бы не удивилась, услышав стоны таласыма...

Вестибюль был не слишком-то велик. Я успела удивиться, как это сюда должно войти с полторы тысячи адептов; но, сдается мне, здешние маги по-простому раздвинули пространство. Или, что точнее, растянули... здесь все было какое-то аморфное, тягучее, даже само время — точно мед, капающий с ложки...

Адептов становилось вроде бы все больше. Я заметила в толпе белую ленту — это, кажется, была Шэнди Дэнн, но ручаться я бы не стала. Да и какая мне, собственно, разница?

Я подумала — но как-то лениво и отстраненно, — что, если я хоть что-то понимаю в жизни, единственной целью нашего сегодняшнего визита было... нет, не устрашение — а всего лишь демонстрация возможного конца. Вот что с вами будет, если пойдете не туда... да, после такого дважды подумаешь, а стоит ли применять вот это заклинание...

Народ прибывал. Меня оттеснили к стенке; я завертела головой, пытаюсь отыскать хоть какое-то знакомое лицо. Где-то слева мелькнула чья-то светловолосая голова; я хотела было идти туда, решив, что это Хельги, но уже через пару секунд сообразила, что вижу этого адепта в первый раз. Да и пробраться через толпу было бы сложновато. Разглядеть Полин я даже не пыталась — в такой толкучке сложно было отличить ее от прочих алхимичек, кроме того, существовал шанс, что я столкнусь с не в меру бдительным магистром. Я совершенно не собиралась лишний раз обращать на себя внимание Рихтера — и так мне стоило благодарить судьбу за то, что с меня не взяли магической клятвы, не прицепили парочки надежных талисманов, а на случай, если те не сработают, не приковали наручниками к какой-нибудь из самых положительных девиц. Впрочем, нет — наручники, наверное, предложил бы измученный кошмарами бестиолог...

Поймав себя на этой мысли, я задумчиво почесала кончик носа. Кажется, шок уже прошел — тюрьма, конечно, продолжала на меня действовать, но уже не настолько сильно. Подумаешь, магии нет... да я и без магии, если придется, могу ткнуть пальцем в глаз. Вряд ли мало покажется — к тому же лишение чар не может быть выборочным, колдовать в этих стенах не смог бы и сам Великий Магистр.

Так, что мы имеем? Похоже, вся культурная программа начнется с минуты на минуту... причем заключаться она будет, как и обещали, в длиннющей речи, заковыристой, будто тест по некромантии. Речей таких я слышала немало, и пополнять свою коллекцию еще одной мне отчего-то совсем не хотелось.

Ну да. Так оно и вышло. К помосту, обнаружившемуся на дальнем конце, уже спешил какой-то тип — маленький, лысенький, в парадном ковенском плаще. К этим плащам я до сих пор испытывала тайную неприязнь — дело шло еще с тех полузабытых времен, когда я зарабатывала иллюзиями на площадях и отчаянно трусила попасться на глаза хотя бы одному ковенцу. Уж лучше наши, черные, — мрачные, конечно, зато уже какие-то родные.

Рядом со мной по стене споро бежал крупный серый паук с крестом на спине. Бежал он снизу вверх, — видно, нес хорошую весть, машинально отметила я. Я никогда не боялась насекомых, но сейчас чуть подвинулась, освобождая ему дорогу. В конце концов, здесь его дом. Может быть, и вечный дом, с чародеев стало бы наколдовать в комплект к тюрьме небольшой наборчик пауков.

Но вместо стены за моей спиной оказалась пустота. Я едва не упала; восстановив же равновесие, я обернулась назад — и увидела, что в этом месте начинается коридор, полукруглая арка которого располагается точно над моей головой.

— Уважаемые адепты! — заговорил тип. Кажется, он уже добрался до помоста; впрочем, по мне, лучше бы он этого не делал, ибо голос у него был вовсе не ораторский. Так, не голос — голосишко, каким только адептов и приветствовать. До предыдущего ковенца ему было как пешком до Аль-Буяна. — Сегодня вы впервые осуществляете свою древнюю привилегию. Я думаю, что вам известно: под эту кровлю позволено заходить только магам,

членам КОВЕНА, для остальных же путь сюда навеки закрыт...

«Ага, щ-щас», — мрачно подумала я. Еще как открыт, вот только не в качестве посетителя. А если и посетителя, то весьма специфического свойства.

Он говорил что-то еще, про важную роль, которую играет правильное магическое образование; о том, как все они рады приветствовать здесь наших юных, замечательных чародеев, которые в будущем, разумеется, прославят имя КОВЕНА в веках... Стандартные фразы выскальзывали у меня из головы, и мне стоило немалого труда сосредоточиться на речи. Да и не хотелось мне, признаться, прославлять в веках КОВЕН. Чувства, испытываемые мною по отношению к потенциальному работодателю, были весьма далеки от теплых.

Ну, Яльга, мрыс эт веллер келленгарм! Покажи выучку, дослушай эту речь до конца; ведь ты же ухитрялась не засыпать даже на истории развития отечественной магии — про бестиологию и вовсе помолчим!..

Бесполезно. Даже опыт лекций по бестиологии был здесь практически бессилён. Мне было *скучно*, мне было непоправимо скучно, а солнечные лучи дробились на крошечные осколки, сверкавшие микроскопическими радугами. Я не хотела здесь больше быть, в этом зале, где все было неуместно: и долгие речи, и синие плащи, и сам КОВЕН, — да понял ли он, что такое создал?.. Эта вечность, это солнце... я не хочу, я не могу быть здесь...

И я не буду. Мне всегда было скучно стоять вместе с толпой. Нам обещали, что лекция продлится три часа; судя же по косвенным признакам, вроде «нехватки средств» и «образовательной реформы», мимоходом затронутых в речи, она могла затянуться и на все четыре. Видят боги, в таком интересном месте, где работают такие замечательные маги (считайте, что пламенная агитация нашего директора все-таки возымела свои плоды!), я могу организовать свой досуг на порядок содержательнее. Кто его знает, как повернется жизнь. Мне везет на неожиданные повороты. Вдруг лет так через семь я приду сюда еще раз — как раз в качестве того посетителя, о котором столь мягко обмолвился ковенец? Стоит разузнать, что тут и где... чисто на всякий случай. И Полин заодно станет чем пугать.

Я обернулась на зал. Нет, никто не смотрел на меня; кажется, даже Рихтер, уже привыкший ожидать от меня очередной пакости, выпустил вредную студентку из поля зрения. Да и если вдуматься — чего я делаю плохого? Все одно нам наверняка устроят какую-нибудь показательную экскурсию — будем считать, что я просто иду с опережением. Как в принципе и всегда. Чего же здесь удивительного?

К тому же что я могу сделать плохого, если я и так уже в тюрьме?..

Я ужом проскользнула в арку и беззвучно пробежала несколько метров до ближайшего поворота. В коридоре было пусто, ни единого стражника в поле зрения не имелось — еще бы, зачем в насквозь магическом узилище сдалась стража? Заклинаниями-ловушками тоже вроде как не пахло; на всякий случай я выставила защиту, потом вспомнила, что магия здесь не работает.

В конце концов, как-то же отсюда выходят? И местные наверняка по коридорам перемещаются... а раз так, то какой смысл выстраивать завесы и капканы? Куда проще просто понадежнее закрыть двери...

Поколебавшись, я все-таки пошла вперед.

Здесь было гораздо темнее; темные стены блестели от влаги, от них исходил вполне ощутимый холод. Проверки ради я коснулась одного из камней ладонью — пальцы обожгло холодом — и тут же отдернула руку. Да. Такое впечатление, что тюрьму строили в соавторстве с Зюзей⁷ — он здесь и бегал по стенам с посохом, демонстрируя чудеса акробатики. Странно, но холод этот клубился только вокруг стен, и мне было тепло в тонкой летней рубашке.

Ничего интересного здесь не имелось. По обеим сторонам тянулись двери; двери были

⁷ Божок холода и зимы в лыкоморском пантеоне.

одинаковые, железные, с одинокой серебряной руной в нижнем левом углу. Руну я не узнала: ничего удивительного, если учесть, что лекции по рунике начались у нас только неделю назад.

Я завернула за очередной поворот. Немножко постояла, раздумывая, куда теперь идти: коридор раздваивался, как туннель в приличных книжках по спелеологии. Мне внезапно захотелось иметь в руках клубок ниток — ну или хотя бы кусок мела, чтобы пометать уже пройденные ходы.

А-а, ладно, где наша не пропадала! Наша, она нигде не пропадет — хотя бы из-за моего чувства направления, неизменно выручавшего хозяйку в прежние годы. Я отлично знала, что группа осталась за спиной и чуть слева; и какая, мрыс дерр гаст, разница, сколько перекрестков мне придется миновать, если я всегда знаю, в какую сторону мне возвращаться?

И я свернула направо.

...Где-то через час я спохватилась, что зашла слишком далеко. Что поделать: дальше становилось интереснее, по полу прощмыгивали какие-то подозрительные крыски с фиолетовыми хвостами — я было попыталась поймать одну в подарок для бестиолога, но вовремя сообразила, что попросту попала под действие галлюциногенного заклинания. Видно, в этом крыле держали эмпатов. Бедные. От таких крысок в два счета с ума сойдешь...

Надо было возвращаться к группе. Хочешь не хочешь, время, отведенное мною для речи, уже истекало, и мое отсутствие могли засечь бдительные учителя. А там — кто его знает! — дело может дойти и до наручников, ведь, влипни я в историю еще и здесь, директора наверняка хватит удар.

Решив пожалуйть непосредственное начальство, я повернула назад. Дороги я не помнила, да это было мне и не нужно: adeпты находились где-то слева, на изрядном, к слову сказать, расстоянии. Стремясь его сократить, я дважды повернула на перекрестках; теперь можно было идти практически по прямой.

Еще лучше по этой прямой бежать. Прикинув, что со мной сделает Эгмонт, если я потеряюсь (а я еще помнила доклады про мгымбров, их даже Хельги не сумел забыть), я припустила во весь дух, забыв даже смотреть по сторонам. Лишь бы успеть... мрыс эт веллер, а ведь adeптам, говорят, понравились наши тогдашние выступления...

О том, что в этот раз Рихтер может изобрести что-нибудь повнушительнее, мне не хотелось даже и думать. Особенно если учесть, что положение было серьезнее не придумаешь. Ковенская тюрьма — это вам не родная Академия, здесь игра идет гораздо крупнее...

Быстрее! Еще быстрее!

Внезапно я влетела в полосу темноты. Дневной свет, смутно освещавший коридоры, исчез, как если бы дунули на свечу; я зажмурилась от неожиданности, не сразу заметив факелы, укрепленные в медных скобах на стенах. Огонь чадил и потрескивал, в воздухе пахло смолой и дымом...

Пространство свернулось вокруг меня точно фантик вокруг конфеты. Не было ничего, да и не могло быть — только небольшая комната без окон, освещенная факелами. И у дальней стены комнаты кто-то стоял.

Я машинально отшатнулась назад, прикрывая лицо руками. Пальцы сами сложились в знакомые знаки — защитное заклинание второго класса, за последний год успевшее превратиться в надежный рефлекс.

Магия здесь не действовала. Но тот, кто стоял у стены, не торопился воспользоваться моей ошибкой. Я всмотрелась в него, напрягая зрение и не спеша опускать вскинутые руки.

Я плохо видела в темноте. Но умела ощущать предметы во мраке; не знаю, как назвать это свойство, быть может, оно было сродни тепловому зрению змей. Но оно мне почти не пригодилось, ибо человек, стоявший там, помедлив, шагнул вперед.

Он был выше меня и выше Хельги — в нем как минимум два метра росту. Таких высоких adeптов у нас, кажется, не водилось. Незнакомец был широк в плечах, да и

мускулатурой мог запросто поспорить с вампиром. Даже не из-за количества таковой: просто у Хельги мышцы были натренированы в спортзале, а этот явно практиковался в реальных боевых условиях. Судя по шрамам, очень реальных и весьма, весьма боевых. По крайней мере, один из рубцов, на правой щеке, внушал изрядное уважение. Нет, не к незнакомцу — к тому, который этот шрам ему оставил. Я с трудом представляла, как именно он должен был действовать, чтобы оставить после себя рану столь заковыристой формы.

Вдобавок ко всему незнакомец был волкодлаком. Я поняла это практически сразу: мне хватило одного взгляда на его лицо, чтобы перед глазами немедленно всплыла картинка из учебника истории рас. Резкие, крупные черты, широкие скулы, молочно-белые волосы, светлее, кажется, чем даже у Хельги, — из-за этого он сильно походил на фьординга. Глаза, правда, у него были не желтые, а серые, но это было уже не суть важно. Ведь и у эльфов же глаза не всегда имеют правильный зеленый цвет. Он не был похож на волка — но он был зверем, это я увидела сразу. Хищным зверем, разумеется... интересно, а волкодлаки умеют оборачиваться только в волков?..

Вопрос вышел неуместный и глупый. Тем более глупый, если учесть, где я сейчас находилась. Вообще-то по всем правилам мне следовало бы испугаться оборотня. Он двигался так легко и мягко, что вся моя хваленая скорость не стала бы для него хоть сколько-нибудь реальной помехой. Без магии, без оружия, один на один вот с таким... да, мне наверняка стоило испугаться.

Но я отчего-то не испугалась.

Может быть, так случилось из-за того, что на лице у волкодлака не читалось ни малейшего желания причинять мне вред. Напротив, он смотрел на меня с искренним недоумением: так, будто я не пришла к нему по коридору, а как минимум спустилась с небес.

— Мрыс эт веллер келленгарм, — наконец выговорил он. — Тебя я знаю, но... как?

Я сглотнула.

Я не узнала его лица. Это было немудрено, ибо лица я не видела ни разу; но голос — голос его, с характерным оборотничьим акцентом, мне уже приходилось однажды слышать. Или не однажды — это как посмотреть...

Сон, приснившийся мне три с лишним месяца назад. Сон и тот, третий, который был тогда со мной; тот, о чьем присутствии я узнала лишь за считанные секунды до пробуждения... Боги мои, но кто он?

Кто он — и кто я?

— Как ты попала сюда? — спросил он за долю секунды до того, как я раскрыла рот.

— Ногами, — машинально брякнула я. — По коридору.

Оборотень усмехнулся:

— Обернись.

Я недоверчиво посмотрела на него. Знаем мы этот прием... я, стало быть, отвернусь, тут-то меня и ткнут по маковке. Хотя, с другой стороны, от волкодлака я почему-то не ожидала подлости. Странно, кстати. Прежде я считала, что уже научилась доверять людям.

Не отводя от него взгляда, я отвела левую руку назад. Пальцы мгновенно наткнулись на что-то твердое и холодное; его не было здесь, когда я сюда вошла!

Я обернулась, вняв совету волкодлака, — и не поверила глазам. Передо мной стояла стена — самая что ни на есть натуральная, каменная и холодная. Практически такая же, как и во всей остальной тюрьме... но мрыс дерр гаст, как же я сумела через нее пройти?

Чисто машинально я проверила, не иллюзия ли это. Коротенькое заклинание привычно слетело с моих губ; я успела еще подумать, что чар здесь нет, но магия откликнулась — неожиданно сильно и охотно.

Нет, это была не иллюзия. Реальная, совершенно настоящая стена; более того, за этой стеной не было вообще ничего. И не могло ничего быть: мир заканчивался, сворачивался в клубок — и весь он ограничивался этой маленькой комнатой.

На дальней стене, впрочем, я заметила дверь. Там, кажется, этот мир соприкасался с нашим... или не с нашим, мрыс его разберет, — но должна же эта дверь куда-нибудь вести?

Не знаю, что меня поразило больше. То ли волкодлак с подозрительно знакомым мне голосом; то ли моя неожиданная способность проходить сквозь каменные стены; то ли магия, неожиданно вернувшаяся ко мне; то ли мир, столь же неожиданно свернувшийся в крошечный комок. Но здесь было интересно. Здесь определенно было куда интереснее, чем в том солнечном вестибюле.

Я забыла даже про Эгмонта вместе с бестиологом, директором и докладами. Это место стоило того, чтобы узнать о нем подробнее; вот только с чего конкретно мне стоит начать? У этого клубка было слишком много концов, за которые можно дергать, но чутье подсказывало мне — лишь один из них поможет размотать клубок до конца.

— Где мы находимся? — Я обернулась к оборотню, решив, что он-то точно должен знать ответы на все вопросы. Пока я рассматривала стену, он отошел от меня и сел на корточки у соседней стены. Поза, похоже, была для него привычна. Лично у меня в таком положении мигом затекали ноги.

— В ковенской тюрьме, — спокойно ответил волкодлак.

— Это что, камера?

Оборотень кивнул.

— А-а... а почему магия здесь работает?

— Это отдельный мир, — так же спокойно пояснил он. — Мини-мир, по многим параметрам совпадающий с нашим. Вход, кстати, находится вон там. — Он кивнул на уже замеченную мною дверь.

Я недоверчиво хмыкнула, хотя сама подозревала то же самое.

— Как же я тогда смогла сюда зайти?

— Хороший вопрос, — согласился оборотень.

Я замолчала, не зная, что сказать. Нить на мгновение выскользнула у меня из пальцев; впрочем, уже через секунду я сформулировала следующий вопрос:

— Ты маг, да?

— Нет.

Ну да, ну да. Последнему адепту отлично известно, что попасть в ковенскую тюрьму могут лишь маги. Или лица, заподозренные в магическом воздействии неподобающего уровня. Обтекаемая формулировка на деле ни мрыса не формулировала: как, хотелось бы мне знать: возможно провести «магическое воздействие неподобающего уровня», не будучи при этом чародеем?

Я закусила губу. Что-то шло здесь не так. Я тянула, верно, все-таки не за тот конец; волкодлак спокойно смотрел на меня, но в его взгляде мне почему-то чудилось напряженное ожидание. Так, как будто бы он знал, что я должна сделать нечто очень важное, от чего зависит вся его судьба. А может быть, не только его.

Я посмотрела на него. Его лицо отчетливо вырисовывалось в темноте; странный шрам на правой щеке притягивал мой взгляд. Но кто же мог оставить ему такой рубец? Такие заковыристые раны не наносят в бою, да и хищники при всем желании просто не успеют так потрудиться. Разве что несколько шрамов, странным образом наложившихся друг на друга? Или культовый, ритуальный разрез... должны же у волкодлаков быть свои ритуалы?

Глупости это все. Я должна сказать, хватит оттягивать неизбежное...

Ну же!

— Кто ты такой? — выпалила я первое, что прыгнуло мне на язык.

Его глаза сверкнули в темноте.

— Я? — медленно переспросил он. — Я — это ты.

Всему должно быть свое время и свое место, в том числе и философским загадкам. Увидев волкодлака, я рассчитывала на более адекватного собеседника... хотя нет, вру, ни на что я не рассчитывала, но пакостная привычка отвечать загадками — это всегдашняя прерогатива эльфов.

Я хотела было уточнить, что именно он имеет в виду; но оборотень, не отрывая от меня взгляда, медленно провел пальцами по своему шраму.

По идее, мне надо было бы испытать сейчас что-нибудь невероятное. Хорошо бы легкий обморок, на худой конец сойдет и бешеное волнение. Увы, ничего правильного со мной не произошло. Я не стала отшатываться, опираться на стенки и прикрывать глаза — просто мир вдруг сделался простым и понятным. А я поняла, что именно было странного в этом шраме. Что странного и что знакомого.

Это была руна. Одна из рун неизвестного мне алфавита; похожая, но другая была вытатуирована у меня на животе и теперь внушала Полин жестокую зависть вкупе с легкой обидой. Нет, ну разве честно — всякие там рыжие ходят с татуировками во все пузо, и ничего, а тут наденешь лишнее колечко — сразу учителя наезжают! Не по форме: мол, не по форме...

Волкодлак легко поднялся на ноги, подошел ко мне. Я протянула руку вперед, осторожно, точно к огню; еще секунда — и наши пальцы соприкоснулись.

И что-то произошло.

В другом мире Эгмонт Рихтер, стоявший в вестибюле и героически боровшийся с желанием заткнуть оратору рот его же синим плащом, почувствовал нечто странное. Желание заткнуть ковенца никуда не исчезло (вот это было бы уже подозрительно), но к нему вдруг прибавился смутный призыв, донесшийся откуда-то из дальних коридоров. Что-то происходило там — и это что-то непосредственно затрагивало самого Эгмонта.

Магистр на секунду закрыл глаза, выкинув из головы КОВЕН со всеми его ораторами. Так, заклинание, знак... мрыс эт веллер келленгарм, ну разумеется, магия здесь не работает!.. Но как же тогда он смог почувствовать сигнал?

А что-то между тем продолжало происходить. Чем-то оно напоминало Эгмону землетрясение, случившееся под океаном: пока что, в открытом море, волны не поднимутся выше метра, но вблизи берегов легкое волнение обернется гигантским цунами. И беда тогда тому, кто не успеет вовремя уйти с дороги!..

В этом месте мысли Рихтера как будто раздваивались.

Одна его часть отлично понимала, что сейчас, когда землетрясение только начиналось, его еще можно остановить. Она, эта разумная часть, великолепно знала, какую страшную опасность таит в себе зарождающаяся сила. Не из-за того, что основой этой силы является зло; просто существо, обладающее такими возможностями, не должно успеть эти возможности применить. Ведь никто не знает, как именно оно захочет действовать.

Другая же часть была не столь логична. Пренебрегая всеми доводами рассудка, она звала магистра вниз, утверждая, что там он нужен так, как не был нужен никому и никогда в жизни. На этом выдаваемая информация заканчивалась, точнее — повторялась заново: иди туда, иди быстрее, ты нужен там...

«Мрыса с два, — мрачно подумал Эгмонт. — Я нужен здесь».

Здесь не царский парк со стражниками, сидящими за каждым кустом. Здесь ковенская тюрьма. И еще здесь находятся адепты, которые называют его магистром. Этим адептам требуется защита; он не мог, просто не мог бросить их и уйти, откликнувшись на зов.

Здесь — не мог. В любом же другом месте он пошел бы, наплевав на логику и рассудок. Забыв про КОВЕН, строго регламентирующий все то, что положено было делать в такой ситуации. И первая часть в принципе могла заткнуться... вместе с оратором, воспользовавшись его же плащом. Плащ большой, его на всех хватит.

Вдобавок что-то пока отлично справлялось и без его участия.

И еще оно согласно было подождать.

«Интересно, — по недавно приобретенной привычке задумался Эгмонт, — а где сейчас, собственно, студентка Ясица?»

Вопрос оставался открытым.

— Я должна идти, — вдруг вспомнила я. — Мрыс дерр гаст, меня же на ленточки покромсают!

— Ты адептка? — уточнил волкодлак.

— Ага, — согласилась я, судорожно прикидывая, сколько сейчас времени. Мр-рыс, что

хоть здесь вообще произошло?! Я с трудом понимала, что со мной творится; мир как будто приобрел еще одну опору, необходимость которой стала понятна только сейчас, когда эта опора появилась. Прежде я прекрасно обходилась без нее, но теперь, исчезни вдруг она обратно... — Я адептка, и у меня есть магистр. А этот магистр много чего может сделать нехорошего...

— Тогда поторопись, — кивнул оборотень. Выражение лица у него не изменилось — вообще, на мимику он был небогат, — но в глазах что-то погасло. Я в принципе неплохо понимала его. Одиночество — страшная штука, тем более в ковенской тюрьме.

Тем более после того, как нас стало двое.

Мрыс дерр гаст, тихо взвыл мой разум. Яльга, что с тобой творится? Ты же ведь ничего не знаешь про этого человека, даже характера его описать не можешь! За что-то же он все-таки здесь сидит! Всяко не за решение разводить голубей с магически модифицированным окрасом!.. Но он... он тебе нужен, без него тебе и жизнь будет не в жизнь... Что это — приворотные чары?..

Нет, это другое...

Я не испытывала к нему ни любви, ни влечения. Просто он был частью моего мироздания, кусочком большой мозаики; мы были связаны друг с другом, очень крепко, и вряд ли найдется хоть что-то, что сумеет нас разлучить.

— Как тебя зовут? — тихо спросил волкодлак.

— Яльга... а тебя?

— Сигурд, — чуть промедлив, сказал он. — Сигурд из Арры.

— Я вернусь, — сказала я, не найдя ничего другого. — Честно.

— Удачи, — серьезно произнес он. — Пусть тебе не слишком влетит от твоего магистра.

— Дай-то боги, — вздохнула я и шагнула через стену.

Признаться, я немножко боялась, что не смогу вернуться обратно. Я не знала, как это нужно делать; решив не особенно задумываться на этот счет (в тот же раз я не задумывалась, верно?), я просто сосредоточилась на мысли о том, как хочу попасть обратно в коридор. Сосредоточиться вышло очень просто: воспоминание о мгымбриках и докладе не успело еще как следует погаснуть.

Я успела вернуться в вестибюль как раз вовремя: ковенец закончил речь и под бурные аплодисменты (видно, не только я обрадовалась долгожданному завершению) спустился с помоста в зал. Пару раз хлопнув ладонью о ладонь, я поспешила пригладить волосы: кто его знает, Полин, например, способна угадать по степени растрепанности прически расстояние пробега в точности до сантиметра. Вдруг моими волосами заинтересуется не только она?

Я угадала очень точно. Заинтересовались. Едва я успела пробиться поглубже в толпу, заодно удалившись от невольно компрометирующей арки, как сзади послышался до боли знакомый голос:

— Студентка Ясица?

— Добрый день, магистр Рихтер, — заученно отбарабанила я, оборачиваясь к Эгмонту.

— Мы уже здоровались, — заверил он меня. — Но мне все равно очень приятно... А где вы, собственно, были последние полтора часа?

Я невинно похлопала ресницами, про себя радуясь, что успела отойти от арки.

— Станные вопросы вы мне задаете, магистр. Разумеется, здесь, где же еще?

— Вы уверены? — с подозрительной настойчивостью уточнил он.

Мрыс дерр гаст... Я мигом вспомнила, что про Эгмонта говорили, что он отличный телепат и эмпат. Вряд ли он знал, где я провела на самом деле последние полчаса, особенно последние десять минут, ибо, когда такие вещи знают наверняка, о них уже незачем спрашивать. И вопрос сейчас ставился по-другому: сумею ли я скрыть от магистра то, что со мной случилось.

— На все сто, — решительно ответила я, призвав к жизни все запасы актерского мастерства.

Еще несколько мгновений — время текло сейчас отчего-то особенно медленно — Рихтер смотрел мне в глаза. Я постаралась сделать свой взгляд максимально честным; в ход пошли даже усвоенные у Полин приемчики, как то: хлопнуть ресницами, повести глазками немножко в сторону («на нос, на бок, на предмет», — так поучала меня алхимичка), хлопнуть ресницами еще раз и изобразить взгляд снизу вверх, сыграв на разнице в росте. Сыгралось не слишком-то хорошо, из-за невеликого значения таковой, но, видят боги, я приложила все усилия.

Я не могла позволить себе хоть как-то выразить свои чувства. Ни сжать челюсти, ни скрестить пальцы... Эгмонт был слишком наблюдателен, чтобы упустить даже мельчайшую деталь. Я должна была верить. Искренне верить, что все это время простояла именно здесь.

— Хорошо, студентка, — наконец кивнул он. — Пусть будет так.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Судьба решает напомнить героине о своем существовании. Героине же и без того нерадостно, ибо ей приходится в очередной раз встать перед выбором

Как я и предполагала, все «осуществление древнейшей магической привилегии» заключалось в вышеописанном действе: постоять три часа в вестибюле, слушая речь «нашего замечательного ковенского друга». В принципе расчет Великого Магистра был оправдан: для произведения надлежащего впечатления достанет и вестибюля, а кто знает, что случится с адептами, если пустить их немножко дальше? Но и на старуху бывает проруха: вряд ли тому, что случилось со мной, позволили бы произойти, имейся со мной сопровождающий. Можно даже не отрывать от сердца ковенских специалистов: одной только Белой Дамы или Эгмонта достанет на целую маленькую группу.

Или не очень-то маленькую.

В этот день, разумеется, у нас не было лекций. До самого вечера я сидела в библиотеке, пытаюсь слепить из семи разных книг одну логически и семантически (мрыс его знает, что означало это слово) цельную курсовую. Слепилось плохо: мозги сегодня отчего-то упрямо отказывались работать. Написав четыре странички гениального труда, я обнаружила ошибку в семнадцатой формуле; бормоча под нос: «Без паники, только без паники!!!» — я бросилась проверять все остальные вычисления. Еще одна ошибка обнаружилась в самом начале цепочки. От души выругавшись по-гномски (гном-адепт за соседним столом только крикнул с уважением), я захлопнула тетрадь и аккуратно закрыла книги. Нет, можно было, конечно, позахлопывать и их, но Зирак бдил, а мне совсем не улыбалось продолжать дальнейшую работу без всякой учебной литературы.

Я спустилась на второй этаж, мрачно зыркнула на высунувшуюся элементаль — дверь мигом распахнулась, по вертикали, безо всяких изысков. Умная флуктуация отлично знала, в каком настроении со мной можно шутить. Полин в комнате не было; я заглянула в холодильную конструкцию, выписанную запасливой алхимичкой по эльфийскому каталогу, и нашла там тарелочку с тремя бутербродами. Как настоящий товарищ, я отъела ровно треть, оставив два других на прежнем месте. Конечно, бутерброд был не мой, так что получилось не слишком-то честно, но я успокоила совесть тем, что теперь в холодильнике сделалось немножко просторнее. Вся конструкция, в каталоге обозначенная как переносная, не вмещала в себя ничего крупнее помянутой тарелочки. Да и то третий бутерброд был на ней явно лишний.

По давешней привычке я убрала тетрадь на место и защитила ее подходящим случаю заклятием. Поставив маячок, я быстренько стянула сапоги и прошлепала в ванную. Наскоро вымыла голову; не знаю почему, но это мероприятие всегда вызывало у меня всплеск жизненных сил. Негативная энергия как будто таяла под струями теплой воды.

Вернувшись в комнату, я хотела было почитать что-нибудь к завтрашнему дню — или

не к завтрашнему. На кровати у Полин, например, валялась новенькая книжка с соблазнительным названием «Узы крови» и неким подобием Генри Ривендейла на обложке. Но едва я разложила влажные волосы по подушке, как поняла, что меня совершенно не тянет вставать.

Глаза закрылись точно сами собой.

Уже сквозь сон я слышала, что пришла Полин. Кажется, она обнаружила недостачу бутерброда; поняв же, что я вымыла голову, она немедленно заподозрила, что я воспользовалась ее шампунем. Шампунь был дорогой, эльфийский, так что я вполне понимала праведный гнев алхимички. Но увы, меня вполне устраивал и мой.

А потом я уснула уже основательно, вырубившись до конца. В таком состоянии мной можно проламывать стенки: я не то что не проснусь, я даже не пошевелюсь во сне. Мне ничего не снилось; я просто валялась ровным ковриком, но известному определению гномов.

Когда я проснулась, было полпервого ночи.

Я проснулась одним рывком. Сон слетел, точно его и не бывало; несколько секунд я смотрела на потолок, пытаюсь понять, какого мрыса я лежу, если не хочу спать, потом села на кровати. Высохшие волосы, наэлектризовавшись, чуть потрескивали и искрились. Я успокоила их одним заклинанием, отточенным практически до совершенства.

В окошко светила луна. На полу я увидела целую лужицу лунного света; было тихо, только Полин смешно присвистывала носом во сне.

Я не хотела спать. Сейчас меня занимала совсем другая проблема.

Завтра будет день летнего солнцеворота. Самый важный день в году; что-то должно произойти в этот день — или, быть может, вернее, в эту ночь?

Я должна стать целой.

Я вдруг с необыкновенной четкостью поняла, чего именно сейчас хочу. А хотела я совсем немногого: собрать вещи, благо их накопилось немного, одеться и уйти из Академии навсегда. Я взяла здесь далеко не все, что могла бы взять; но что это могло значить, если я должна была стать целой, и волкодлак по имени Сигурд должен мне в этом помочь? Я должна освободить его, и тогда...

Дура, грубо одернула я саму себя. Ты вообще думаешь хоть о чем-то? За что он сидит в ковенской тюрьме, Яльга? В тюрьме, одного напоминания о которой хватает, чтобы удерживать в повиновении большую часть магов Ойкумены? Он преступник, он нелюдь, он волкодлак, а это означает — наполовину зверь. Что мы знаем об оборотнях? Ничего. Эта их чародейка-конунг...

Да и о нем самом ты ведь ничего сказать не можешь. Кто он такой, что он такое... Сигурд из Арры, вот и все сведения! Разве этого достаточно, чтобы идти в тюрьму посреди ночи? Чтобы жертвовать своей магической карьерой, перспективой практики у Эгмонта, а там, еще лет через пять, — особым дипломом? Жизнью, сытой, теплой и уютной; пусть романтики кричат, что все это не стоит и ломаного гроша, но ты-то, ты, девочка моя, знаешь этому цену! Бродяжьей романтики дорог ты хлебнула с лишком — так стоит ли возвращаться к тому, от чего мы ушли?

Сквозняк, краившийся из-под двери, шевелил короткие кисточки на новом пледе Полин. Я поджала под себя босые ноги. Может быть, и в самом деле мрыс с ним? Зыбкие чувства, смутные предчувствия — это не повод, чтобы взять и вот так вот все бросить. У меня хорошие способности (взгляд мой машинально упал на тетрадь с курсовой), я стану замечательной магичкой... разве безумная авантюра с волкодлаком стоит того, чтобы рисковать всем этим? Ведь мне же придется уйти вместе с ним. Обратной дороги уже не будет... а что мне делать в Конунгате — выть с волками? Это еще если мы дотуда доберемся; а если выяснится, что тамошний конунг, Аррани Лерикас, тоже не горит желанием защищать своего подданного, — что тогда?

Луна светила ярко, как никогда раньше. Я должна решиться, решиться прямо сейчас. Да или нет, Яльга; и что-то еще, тихое, прятавшееся до поры, чуть слышно спросило: да? Да или нет?

Чушь это все, вдруг поняла я. Чушь, Академия, волкодлак, Конунгат... это все слова, и не более того. Словами можно убедить другого, но не себя. Ведь я же знаю, я отлично все знаю. Если я уйду сейчас, то уже никогда сюда не вернусь. Не стану магичкой, не куплю, как хотела когда-то, собственного дома, не заведу в нем большого мохнатого пса. Может быть, меня убьют ковенцы. Может быть, я по-глупому погибну в мелкой стычке. Но если я останусь, то никогда уже не буду спокойной и счастливой.

Вот и вся дилемма.

Полин заворочалась, беспокойно бормоча что-то во сне. Несколько секунд я смотрела на нее, потом подняла руку и решительно выговорила заклинание Крепкого сна. Извини, подруга. Я знаю, что после него наутро просыпаются с жутчайшей головной болью, но у тебя найдутся нужные эликсиры. А если ты проснешься вот сейчас, мне придется применить более опасное заклинание.

Никто не должен видеть, как я ухожу.

Сборы были недолгими. За год без малого я практически не обросла вещами: куртка, новые сапоги, новая крепкая сумка. Подаренный Генри набор ножей. Флакон с музыкой, присланный Лариссой. Мнемо-амулет с олимпиады, браслет-копилка от Рихтера. Книги. Их было особенно жалко, потому что взять с собой все я не могла. Покосившись на дверь, я выложила все книги на пол и мрачно уставилась на получившуюся грудку. Ладно, пять штук я еще смогу втиснуть в стандартный клочок пятого измерения.

После долгой внутренней борьбы я запихнула в сумку «Боевые заклинанья» (пригодится), «Общую магию» (пригодится тем паче), «Предвечный Океан» Лариссы-Чайки (жалко было расставаться). Тетрадь с будущей курсовой — на всякий случай. Подумав, дополнила комплект той потрепанной «Магией», которую купила еще год назад, когда собиралась идти в Академию за тридевять земель. Не то чтобы она была мне нужна — просто это был символ, обозначавший для меня заветную мечту сделаться настоящим магом. На этом я хотела остановиться, но «Справочник боевого мага» призывно замахал страницами. Вид у него при этом был как у забытого хозяевами щенка. Зная, что, если уговоры не помогут, щеночек может и цопнуть, да так, что мало не покажется, я поспешно взяла фолиант в руки. Он был тяжеленный, а пятое измерение уже закончилось. Но оставить эту книгу здесь, в наследство Полин...

Так выйдет попросту нечестно.

Хвала богам, сумку я купила вместительную. Помимо немаленькой книги туда вошли все мои зелья плюс пара скляночек из запасов Полин. Взамен я по-честному оставила на подоконнике десять золотых монет. Зелья были редкие и сложные, наш факультет такому пока еще не учил.

Так, теперь одежда... одежды было немного, даже с учетом того что я взяла с собой и мое новогоднее платье. Эльфийский шелк, оправдывая собственную рекламу, запросто свернулся в миниатюрный сверток размером со среднестатистический кошелек. Остальная одежда, более приближенная к реальным условиям, заняла гораздо больше места.

Ну, вроде все. Я остановилась посреди комнаты, критически оглядывая свою половину. Кажется, ничего ценного здесь не осталось. Хорошо бы взять чего-нибудь поесть, но у нас такого все равно нет. Зато есть на кухне.

— Эй, элементар! — Я тихонечко постучала костяшками пальцев по двери. Оттуда мигом высунулась услужливая флуктуация. — Слетай-ка на кухню, принеси какой-нибудь еды в дорогу. Только тихо, чтобы никто не заметил!

Элементарь браво козырнула и улетучилась в пространство. Я же тем временем заметила на столе старый выпуск «Нашей газеты». Двухмерный мгмыбрик давно уже перекочевал в свежий номер, здесь остался только черно-белый рисунок — миниатюрный ящер, свернувшийся в клубок. Не раздумывая, я свернула газету в квадратик и сунула в боковой карман своей сумки.

— Вот! — Сияющая элементарь опустила на пол перед дверью целую кучу бумажных свертков. — Ни одна живая душа не видела!

— А неживая? — насторожившись, уточнила я.

— Ну наши видели, — малость поникла элементарь. — Да они мне и собрать помогли! Ты не думай, хозяйка, все наши в тебе души не чают! Никто не выдаст, честное элементарьское!

— Ну ладно, — успокоилась я. Элементарьское слово, причем именно в такой формулировке, стоило дорогого — обыкновенно его приходилось выдирать едва ли не клещами.

Я приподняла сумку. Ничего. Тяжелая, конечно, один «Справочник» чего стоит, но теперь книга уютно мурлыкала внутри, и я ни за что не оставила бы ее у Полин.

— Посидим на дорожку? — тихо предложила элементарь.

Я кивнула. Комната вдруг сделалась до боли знакомой и родной; я вспомнила, как решила после зимней сессии, будто меня исключают из Академии. Тогда я тоже хотела собирать вещи... но тогда мне было больно, а теперь нет. Теперь была только легкая грусть, глубокая, но прозрачная. Я должна уйти, вот и все. Должна.

А сколько всего, оказывается, связывает меня с этим местом... Последний день лета, когда меня зачислили в Академию; Хельги, Полин и близнецы, с которыми я познакомилась в тот же вечер. Эгмонт; он мой магистр — это тоже кое-что да значит. Генри Ривендейл, у которого я сперва отспорила полный кошелек золота, а потом едва не оставила вообще без средств к существованию. Лягушки. Я, кстати, до сих пор еще недополучила выигранных у адептов обедов...

— Ладно. — Я тяжело поднялась на ноги и перекинула широкий ремень через плечо. Погладила дверную доску ладонью. В ночь на Савайн, помнится, мы устроили здесь шикарную гулянку, я сотворила тогда нашего мгымбра — когда мы завалились с ним и с Хельги в комнату, алхимички визжали как потерпевшие. А под утро сюда пришел Рихтер, и элементарь отказалась его пускать... — Прощай. — Я прижала ладонь к двери и не сразу смогла убрать ее.

— До встречи, хозяйка, — по-прежнему тихо ответила элементарь.

Дверь бесшабашно распахнулась и стукнулась о стенку медной ручкой.

Я даже не подумала о том, что по дороге до дверей наткнулась на кого-нибудь из магистров или учеников. Коридоры были совершенно пусты; лунный свет струился из всех окон, и оттого в Академии было очень светло. Моя тень, черная и длинная, пересекала коридор чуть наискосок.

— Кто там? — сонно проскрипела бдительная элементарь.

— Я.

— А-а, Яльга... — Она зевнула, бесшумно проворачивая дверь на петлях. — Скатертью дорожка.

— Спасибо, — хмыкнула я, перешагивая через порог.

— Ни пуха, ни пера, — досказала элементарь мне в спину.

Я обернулась, чувствуя, что грусть уходит на второй план. На первый же выдвигался кураж: нечто похожее я чувствовала в тот день, когда дочиста обыграла половину всей Академии. Все еще будет. Мы еще сыграем с КОВЕНОм в крестики-нолики! А потом я, как всегда это делают победители, подпишу рядом свое имя.

Как тогда, на оконном стекле.

Я рассмеялась, неожиданно для себя послав элементарь воздушный поцелуй:

— К мракобесам!

Ночной Межинград мало чем отличался от дневного. Народу на улицах хватало: правда, если днем таковой кучковался по площадям и центральным проспектам, то теперь он большей частью находился в подворотнях и закоулках самого что ни на есть подозрительного типа. Впрочем, помимо классических воров, девиц и прочих асоциальных элементов мне попадались и весьма прилично одетые люди, один плащ которых стоил дороже всего моего имущества. Ночь дает прибежище всем. А аристократы — тоже люди, и у них есть свои маленькие грязные дела.

Или не очень маленькие.

Меня не трогали. По плащу, да еще, наверное, по специфическому виду во мне сразу же опознавали магичку; за покушение же на жизнь, имущество или здоровье чародея КОВЕН карал по всей строгости закона. Это если сам помянутый чародей не успевал сотворить из нападавшего чего-нибудь интересное.

Я минула Царскую площадь с огромным памятником, возвышавшимся посредине. Бедняга-конь привычно стоял, воздев к небесам передние копыта. Под его бронзовым пузом раздавался отчетливый звон оружия вперемежку с руганью на эльфийском: верно, кто-то из дворян решил выяснить отношения именно здесь, не найдя лучшего места.

Летний дворец, на фоне светло-синего неба казавшийся черным, оставался от меня по правую руку. Я свернула налево, мимо фонтана Безмолвия, потом пробежала, воровато оглядываясь, по газончику возле фонтана Грез, миновала золоченый фонтан Страстей, бортики которого покрывали эльфийские барельефы. Что поделаешь — царь-батюшка любил фонтаны. Народ же предпочитал барельефы — на них были со вкусом изображены все человеческие пороки. Самым популярным считался четырнадцатый, с молоденькой девицей, целомудренно закутанной в простыню. Эльфы на то и эльфы: простыня ничего не меняла, аллегория была проста, как блюдечко пареной репы.

Дальше лежала ковенская площадь. Я невольно замедлила шаг, оглядываясь по сторонам. Но место это пользовалось дурной славой: здесь не было никого — ни стражи, ни воров, ни вездесущих дворян, жаждущих устроить настоящую дуэль, точно как описывают в романах. Широкая тень от тюрьмы сливалась с тенью от резиденции КОВЕНА, в результате чего полумрак закрывал всю площадь.

«Символично, однако», — не без ехидства подумала я. Никого не было. Решившись, я покрепче перехватила сумку и быстрым, но уверенным шагом пересекла ковенскую площадь. Тень приняла меня, скрывая от посторонних глаз; луна, хвала богам, спряталась за тучу, и теперь меня было почти невозможно увидеть. Засечь же магическим зрением меня нельзя и подавно — зря я, что ли, училась у Фенгиаруленгеддира?

Странно, но ночью тюрьма казалась мне не такой зловещей, как днем. Я спокойно — ну почти спокойно — прошла через двор и поднялась на крыльцо. Первой посмотрела в то самое окошко, давеча показавшееся мне мутным недобрым глазом. Окошко молчало. Я тоже не стала ничего говорить.

Фонтан Слез, воздвигнутый посреди площади, тихонько журчал ароматизированной водой. Царь-батюшка был суров, но милосерден: путем воздвижения вышеупомянутого фонтана он приобщил к высокой архитектуре даже самую недостойную часть своих подданных. Этим же самым фонтаном он обеспечил достойный заработок доброй половине менестрелей: та их часть, что специализировалась на «жалельных» — в основном тюремного содержания, многословно воспевала фонтан Слез в своих лэ, балладах и былинах. Кое-кто утверждал, что никакая в фонтане льется не вода, а самые натуральные слезы невинных или виновных сидельцев, а также их несчастных матушек (непременно старушек, вдобавок насквозь больных), сестер (красавиц, соблазненных негодяем, — за убийство негодяя героя сюда и посадили) или подельников, оставшихся на свободе ценой свободы лирического героя. Впрочем, все желающие могли зачерпнуть воды в горсть и убедиться: единственное, что объединяет ее со слезами, — это полная непригодность для питья. Водичка источала ароматы эльфийских благовоний.

Половину дела я уже сделала. Самую, кстати сказать, легкую: подумаешь, чего такого в том, чтобы ночью добраться до ковенской площади столицы? А вот взломать тюрьму... нет, я, конечно, умею ходить сквозь стены, но это, верно, действует только с той стеной. Мр-рыс... если бы я была уже взрослой магичкой, если бы меня зачислили в КОВЕН! А так я могу хоть до скончания века долбиться лбом в эту дверь.

Или, что точнее, до следующего года, когда нас вновь поведут «осуществлять старинную привилегию».

Ну! Если ты не хочешь застрять тут еще на год, думай, Яльга, думай!

Но подумать мне не дали.

— Какая неожиданная встреча, — холодно сказал из-за моей спины знакомый голос.

Я развернулась, вздрогнув от неожиданности. В центре ладони загорелся алый пульсар; но человек, выходявший из тени, едва шевельнул пальцами, воздвигая вокруг себя прозрачную защитную сферу. По степени прочности эта сфера соперничала с тюремной стеной. Я едва не взвыла от беспомощности.

Разумеется, я узнала его сразу же. Черная куртка с нашитыми на нее серебряными талисманами, волосы, подстриженные чуть выше плеч, — в лунном свете белые пряди казались особенно яркими. Знакомое лицо; сейчас в его профиле мне отчетливо почудилось нечто птичье, напоминавшее то ли ястреба, то ли коршуна, то ли какого-то другого хищника этого же типа. И черные блестящие глаза, взгляд которых был острее Ривендейловой шпаги.

— Что вы делаете здесь, студентка Ясица? — жестко спросил Эгмонт Рихтер.

Несколько секунд я молчала, глядя на магистра. Мысли еще раз подтвердили всю пакостность своей натуры — они сбежали все до единой, причем именно в тот момент, когда хозяйке требовалась их посильная помощь.

Он что, знал? Но каким образом? Меня что, выдала какая-то из элементарей? Или, быть может, я ошиблась и в коридорах было вовсе не так пусто, как мне это показалось?

Или все-таки правы были те, кто называл Рихтера отличным телепатом?

— Я жду ответа, — поторопил меня Эгмонт. Он тоже смотрел на меня, не отводя взгляда; сейчас, стоя на совершенно пустой площади перед ковенской тюрьмой, я вдруг остро ощутила собственную незащищенность. Я была лучшей адепткой, это так, но Рихтеру достало бы трех минут, чтобы свернуть меня в аккуратный рулончик.

Вообще-то я не думала, что ему захочется производить надо мной вышеописанное действие. Но, во-первых, совершенно не обязательно бить боевыми заклятиями, чтобы помешать мне зайти в тюрьму. А во-вторых... Эгмонт молча смотрел на меня, и глаза у него были не слишком-то хорошие. Я разом вспомнила все те истории, которые втихомолку про него рассказывали.

Пульсар, вызванный мною с пару минут назад, неожиданно сорвался с моей ладони. Честное слово, я была здесь совсем ни при чем — уследить еще и за этим я тогда попросту не смогла. Плохо, конечно: магичке должно всегда помнить о подобных вещах...

Разумеется, ничего не случилось. Пульсар не пролетел и пятнадцати сантиметров — Эгмонт быстро дернул левой ладонью, и огненный шарик рассыпался на сотни холодных искр. Я машинально посмотрела на руку магистра. Он, как всегда, был в перчатках.

В перчатках...

Странная мысль посетила вдруг мою голову. Мысль эта была совершенно сумасшедшая, но других все одно не имелось; я сглотнула, прикидывая, может ли она оказаться правдивой.

Да нет же, шиза какая-то получается...

Или все-таки да?

А почему бы нет, рассмеялась какая-то часть меня — та, что отвечала за неожиданные ходы и непредсказуемые решения. Почему бы и нет?!

— Я задал вам вопрос. — Похоже, Рихтеру уже надоело ждать. — Что вы здесь делаете? Будьте уверены, у меня есть возможности получить ответ...

— Снимите перчатки, — неожиданно сказала я.

Он вздрогнул:

— Что вы сказали?

— Снимите перчатки, — повторила я.

Эгмонт сощурился. Мрыс дерр гаст, похоже, меньше всего он собирался выполнять мое требование. Может быть, как раз оттого, что я угадала очень точно...

А, ладно, гори оно все синим пламенем!.. Поколебавшись с секунду, я решительно расстегнула плащ и приподняла рубашку до уровня груди.

Глаза Рихтера чуть расширились. Испугать магистра было сложно: верно, я была едва

ли не единственной, кому это удалось. Неожиданный, хоть и усеченный стриптиз в моем исполнении поверг его в легкую прострацию; глядя на его изумленную физиономию, я мысленно возблагодарила Полин за то, что она настояла на покупке штанов с максимально низкой посадкой. В противном случае мне пришлось бы расстегивать пояс — вот тогда за разум магистра я бы точно не поручилась.

Рихтер молча смотрел на мой живот, покрытый татуировкой. Подозреваю, что помимо татуировки там сейчас имелись и пупырышки — холодно же, в конце-то концов! Быстрее бы до него дошло, что ли...

— Вот как, — наконец пробормотал магистр. — Вот, значит, как...

Я обрадованно опустила подол рубашки. Кажется, до него все-таки дошло. Что же... лучше поздно, чем никогда...

Еще несколько мгновений Эгмонт стоял неподвижно, глядя на то, как я снимаю плащ, сворачиваю его в рулончик и запикиваю в и без того забитую сумку. Потом Рихтер медленно стянул перчатки — сначала с правой, потом с левой руки. Поднял руки, демонстрируя мне ладони.

Я не ошиблась.

На обеих ладонях у него были выжжены руны. Другие, не те, что у меня или у Сигурда, — но сходство знаков было несомненным. Их явно оставило одно и то же существо или, быть может, одна и та же сущность.

Нас было не двое, вдруг поняла я. Нас было трое.

Нас всегда было трое.

— Студентка Ясица... — Эгмонт запнулся. — Яльга... Вы пришли сюда за кем-то?

— Да. — С секунду я прикидывала, стоит ли мне теперь называть его магистром, потом плюнула и решила обойтись без обращений. — Вы можете пройти внутрь тюрьмы?

— Разумеется, — уже спокойно ответил он. Как ни странно, но перспектива взлома ковенской твердыни явно вписывалась в его миропонимание гораздо легче, чем студентка Ясица, демонстрирующая сеанс стриптиза. — Я же вхожу в КОВЕН. Но проникнуть в камеру я не смогу.

— Этого и не нужно, — пожала плечами я. — Проникнуть в камеру смогу уже я.

Магистр посмотрел на меня со смесью уважения и недоверия. Впрочем, недоверие долго не задержалось: похоже, чего-то подобного от меня Эгмонт и ждал.

— А отсюда пройти в камеру вы не сможете?

Я задумалась на секунду. Предложение было соблазнительное, но я не представляла, как можно его реализовать. Так что в ответ на вопросительный взгляд Рихтера я молча покачала головой.

— Ладно... тогда пройдем внутрь. Стражи там все равно сегодня нет.

А обычно она, получается, все-таки есть?

— Почему? — удивилась я.

— Завтра же солнцеворот, — пожал плечами магистр. — Целая череда праздников. Не особенно расслабляйтесь, — добавил он, заметив облегченное выражение на моем лице. — Эта тюрьма редко нуждается в охране...

— Вы можете провести меня туда?

Вместо ответа он протянул мне правую руку. Чуть помедлив, я положила свою ладонь поверх его; маг кивнул и быстро вычертил свободной рукой на воздухе сложную руну. Контур руны мгновенно налился белым, она медленно поплыла вперед, легко прошла через темные доски двери и исчезла внутри.

— В прошлый раз было не так, — заметила я.

— В прошлый раз я не шел сюда как магистр.

— И сколько еще ждать?

Он не успел ответить. Дверь медленно открылась: изнутри немедленно потянуло холодом, таким, что я немедленно пожалела о легкомысленно снятом плаще. Я передернула плечами. Холод тут же исчез, сменившись легким, практически неощутимым сквозняком.

Мы шагнули через порог. Эгмонт продолжал держать мою руку в своей; насколько я понимаю, этим он давал местным чарам понять, что я вроде как иду здесь с ним, а не сама по себе. Если он ковенец и мой магистр, значит, имеет право устроить своей ученице внеплановую экскурсию. По магически, стало быть, и исторически привлекательным местам.

Мысли, верно, спешили искупить давешнюю недостачу. Теперь они так и лезли мне в голову, одна другой глупее и бесполезнее. В основном они начинались со слов: «А вот что, интересно, будет, если...» Продолжение было разное: если я не смогу пройти через стену, если нас поймают прямо здесь, если, в конце концов, я попросту не найду правильную дорогу. Продумав штук так с сорок комбинаций, я строго-настрого запретила себе думать о плохом.

Так, Яльга. Нам надо к Сигурду. Где у нас Сигурд?

Вся беда была в том, что я едва помнила тот запутанный маршрут, по которому прошла несколько часов назад. Все стены были здесь одинаковые, двери вообще оказались как одним гномом сделаны; даже руны, обыкновенно сильно отличающиеся друг от друга — невозможно написать две одинаковые руны, как невозможно родить двух совершенно идентичных близнецов, — были абсолютно неотличимы.

Сигурд, Яльга, Сигурд! Где он здесь вообще был, мрыс его так эт веллер келленгарм?!

По полу пробежала знакомая крыска с нежно-фиолетовым хвостом. Я моргнула от удивления; мир моргнул в ответ, и мы очутились совсем в другом месте, впрочем неплохо мне знакомом.

Скудный лунный свет, падавший на каменный пол, остался в прежней реальности; в этой же по-прежнему коптели факелы, с которых шлепались вниз капли раскаленной смолы. Но я заметила, что с предыдущего раза факелы не прогорели ни на миллиметр; похоже, они были магическими и гореть могли до самого Рагнарёка.

Впрочем, учитывая все пророчества, гореть им оставалось недолго.

От факелов было больше дыма, чем света: при таком освещении мне практически не приходилось полагаться на глаза. Эгмонт, как всегда, решил проблему в корне. Щелкнув пальцами, он сотворил большой светящийся шар, повисший у самого потолка.

Огромный белый волк, лежавший у стены, открыл глаза. Не вставая, он кувыркнулся через голову, а с пола поднялся уже человеком.

— Яльга? — спросил он, и в его голосе я различила оттенок удивления. — Но зачем...

Я пожала плечами, с облегчением чувствуя, что, кажется, не ошиблась. Рядом с ним мне и впрямь было... правильное, иначе и не скажешь.

— Я же сказала, что приду. Это, — я кивнула на Эгмонта, отступившего в тень, — мой магистр. Специалист по нарезанию ленточками.

Несколько секунд маг и оборотень настороженно смотрели друг на друга. Потом они кивнули — почти одновременно, и Сигурд, чуть усмехнувшись, сказал:

— Точная характеристика.

— Какая уж есть, — хмыкнул Рихтер. — Я помню тебя, волк. Яльга, — он обернулся ко мне, — вы сказали, что можете выйти отсюда?

— Да запросто, — скромно согласилась я. — Думаю, что и вас вывести смогу. Только по очереди.

— Замечательно. А куда вы собираетесь нас выводить?

Я пожала плечами:

— В коридор, разумеется.

Магистр отрицательно качнул головой:

— Не годится, сту... Яльга. В коридоре наверняка сигнализация. Мы пройдем спокойно, а вот на нашего... хм... друга обязательно сработает.

— Подождите, — вмешался «друг». Он переводил взгляд с меня на Эгмонта и обратно. — Вы что, собрались взламывать ковенскую тюрьму?

— Ну да, — пожала я плечами, Эгмонт же на редкость язвительно осведомился:

— Или, может быть, мы здесь алхимические опыты ставим?

— Ладно, — после паузы сказал Сигурд. — Вы оба маги?

Рихтер кивнул.

— В таком случае, может быть, это вас заинтересует. Эта камера представляет собой отдельный маленький мир. Он соприкасается с тем, большим, только в точке двери, а дверь открывается исключительно наружу.

— Та-ак, — протянул Эгмонт. — Интересно... И как же тогда, студентка Ясица, вы ухитрились сюда зайти?

Я честно развела руками:

— Наверное, так же, как и через ту стенку... на олимпиаде по некромантии, помните?

— Помню, — кивнул Рихтер. В глазах его зажглись огоньки азарта. — Вы понимаете, Яльга, что из этого вытекает? Вам все равно, где находится точка входа! Вы видите цель и идете к ней, прокладывая свой собственный путь. А это значит, что и местонахождение точки выхода для вас не играет роли!

Я кивнула, чувствуя подвох.

— Нам ни к чему бороться с сигнализацией. Вы отлично сумеете выйти отсюда в любую точку Лыкоморья.

— Вы что, издеваетесь? — Я ощутила настоящий страх. — Я не знаю, как я это делаю, а вы предлагаете...

— Знаете, — спокойно сказал он. — Как вы вообще нашли это место? Во второй раз, когда шли со мной?

Я подумала.

— Ну... я знала, что здесь находится Сигурд...

— Значит, вам всего лишь нужна точка опоры. Представьте, что вы должны выйти на крыльцо тюрьмы. И идите именно туда, одним шагом, как при телепортации.

— Вряд ли у меня получится, — неуверенно сказала я. — Я только сегодня впервые это попробовала...

— Получится, — убежденно сказал он. — Мне, в конце концов, виднее, я ваш учитель. Не волнуйтесь, Яльга, я вас подстрахую...

Мрыс его знал, получится ли хоть что-нибудь со страховкой. Ладно, будь что будет, а я попытаюсь. Все равно ведь другого выхода нет...

Я подошла к стене, уперлась в нее обеими ладонями; закрыла глаза. Четко представила себе крыльцо — с выбоинами от тысяч ступавших ног, со стертymi от времени ступеньками... луна, наверное, вышла сейчас из-за тучи, и на крыльцо падает широкая полоса бледного света...

В тот миг, когда картинка сделалась максимально полной, я шагнула вперед.

Пол вдруг вывернулся у меня из-под ног, и я почувствовала, что лечу. Полет оказался недолгим и окончился весьма болезненно: я приземлилась на бок, лишь чудом успев перевернуться в воздухе, оберегая спину. От удара глаза непроизвольно распахнулись; несколько секунд я внимательно рассматривала камешки и травинки, располагавшиеся аккуратно перед моим носом, прежде чем сообразила, что таковым уж точно не место в Сигурдовой камере. Еще несколько мгновений я пыталась вспомнить почему; потом до меня наконец дошло, я перекатилась на живот, по одной подтянула под него ноги и встала не обращая внимания на ссадины.

Крыльцо располагалось аккуратно передо мной — до него было чуть меньше полуметра. Видно, оттуда я и навернулась — не сумев правильно представить свое положение, я перенесла вес тела слишком близко к краю крыльца. К левому краю, если учесть, что стояла я сейчас с левой стороны.

Луна, кстати, надежно спряталась за облаками.

Значит, я все сделала правильно. Я улыбнулась, чувствуя, что напряжение потихоньку начинает меня покидать. Вот так. Так все просто. Я могу это сделать, могу, Эгмонт не ошибся...

Я зажмурилась, представляя картинку камеры, и сделала шаг вперед.

Запахло дымом и горячей смолой.

— Мрыс дерр гаст, — с чувством сказал Эгмонт. Я открыла глаза и увидела, как он отпускает серебряный талисман. — Я вас вообще не почувствовал!

— Ничего... — с облегчением сказала я. — Все в порядке, магистр. Только двоих за раз я не выведу, лучше поодиночке.

— Бросим монетку? — хмыкнул Сигурд.

— Я пойду первым, — пожал плечами Эгмонт. — Пока вы с Яльгой будете возвращаться, я успею построить телепорт за город. Нам совершенно незачем маячить возле тюрьмы.

— Вы же сказали, что стражи сегодня нет, — напомнила я, потирая ушибленный локоть. Не то чтобы я была не согласна с магистром, скорее, во мне говорила старинная привычка уточнять все не до конца понятные аспекты. А про ковенскую тюрьму я уж точно почти ничего не знала. — Эта площадь пользуется дурной славой, — значит, следить за нами будет некому. Разве не так?

— Так, — с одобрением кивнул Эгмонт. Магистр всегда останется магистром: даже сейчас он был явно доволен тем, что я уточняла, а не просто выполняла сказанное. — Но о логике здесь говорить не приходится. Когда речь заходит о преступниках, опасных настолько, чтобы быть помещенными в отдельный мир, стоит учитывать самые невероятные возможности.

Я задумчиво воззрилась на опасного преступника. Сигурд ответил хмурым взглядом.

— Кстати, — вдруг припомнила я, — ведь если всегда можно поднять след телепорта, то, выходит, по нему за нами сможет пройти погоня?

— Я постараюсь, чтобы такого не случилось. — Эгмонт покопался в кармане и извлек оттуда небольшой медальон зеленого камня, оправленный, кажется, в сталь или серебро. — Стены не получится, эта штука строится коллективно, но несколько приятных сюрпризов для КОВЕНа я обещаю.

Он качнул цепочку, медальон сверкнул в скудном факельном свете. «Бедный КОВЕН», — отчего-то подумалось мне.

— Вы идете или как? — напомнил Сигурд. Я плохо знала его — да и когда бы я успела хорошо его узнать? — а с мимикой, поддающейся прочтению, у оборотня было ничуть не лучше. Об этом я, кажется, уже упоминала... но сейчас мне не нужно было проводить психологические исследования, сопоставляя... ну не знаю... степень напряженности конкретной лицевой мышцы с темпераментом, возрастом и воспитанием, чтобы понять, что именно чувствует волкодлак. Он хотел уйти отсюда. Как можно быстрее. Вернуться в свой мир, увидеть небо, почувствовать запах земли. Простая камера-одиночка и та изрядно ломает душу, — что уж говорить об этой модели, доведенной до совершенства? Когда ты не просто один — ты один во всем мире, и нет ничего, кроме пола, стен, потолка и чадающих факелов...

Но, мрыс дерр гаст, чего же он такого сделал? Сюда сажают только магов; камеры же, подобные этим, предназначались для магов огромной силы, способных взломать практически любую дверь. Но среди оборотней редко рождаются чародеи; те же, которые у них все-таки есть, навсегда теряют способность к обороту. Разве что Лерикас Аррская... но Сигурд меньше всего походил на легендарную чародейку.

— Что я должен сделать? — Эгмонт подошел ко мне, заканчивая наматывать цепочку на ладонь. В том, как ложились звенья, мне почудилась какая-то система; кажется, там было завязано несколько эльфийских узлов, но наверняка я этого не знала. Подумав же, я решила, что уточнить смогу и в другой раз.

— Ничего, — для пущей убедительности я мотнула головой. — Просто дайте мне руку.

Все прошло как по маслу. На этот раз я рассчитала дорогу точнее — мы оказались точно на крыльце, причем мои ступни попали аккурат в те самые выбоины. Оставив Эгмонта строить телепорт, я вернулась за Сигурдом. Я немного волновалась, смогу ли покинуть камеру с тем, для кого, собственно, эта камера и предназначалась, да вдобавок еще он был волкодлаком, а на них магия действует весьма и весьма избирательно.

Но и на этот раз у нас не возникло сложностей. Сосредоточиться, шагнуть, представив, куда именно ты шагаешь; сейчас я не стала даже зажмуриваться, решив наконец узнать, как это все-таки выглядит. Оказалось, что никак: вот только что я была здесь, а теперь уже стою там.

За то время, пока мы были в тюрьме, небо заволокло облаками. Начинало накрапывать; я хотела было вытащить из сумки плащ, но передумала.

Эгмонт заканчивал достраивать телепорт. Фиолетовые контуры портала уже высвечивались на мостовой. Вообще-то, насколько я знала, им полагалось быть зелеными, — столь же странным окрасом они, вероятно, были обязаны пресловутым «приятным сюрпризам».

Нет, ну до чего же все просто, неожиданно подумала я. По-хорошему нам полагалось бы уйти с боем, желательно уложив при этом половину гарнизона соперника; также неплохо, если бы коварный враг ранил кого-нибудь из нас, добавив побегу еще немного эффектности. А так... ночь, дождь, с каждым мигом становящийся все сильнее, и легкая грусть, которую язык не повернется назвать ностальгией.

Что-то закончилось.

Что-то начинается.

Всегда тяжело обрывать последние нити.

— Все. — Эгмонт опустил руки, привычным движением отбросил волосы с лица и осторожно перешагнул светящуюся границу.

Я вспомнила, как одним прыжком свалилась в тот самый первый телепорт, перенесший меня в Драконьи горы. Прямое нарушение техники безопасности — любая часть организма, не вошедшая в телепорт, никакой телепортации не совершит, оставшись на прежнем месте. Но в тот раз у меня имелись и более опасные перспективы: как-никак я была первой, кто сумел взломать лабораторию Рихтера, соответственно и наказание мне полагалось совершенно особенное.

Мы с Сигурдом по очереди прошли внутрь. Телепорт был тройной, места там хватало, но впритык — мы стояли вплотную, точно студенты в очереди перед буфетом. От греха подальше я перекинула косу на грудь и постаралась не особенно высовывать сумку из-за спины.

А еще мгновение спустя мир дернулся, заволакиваясь черной дымкой; я привычно почувствовала, как сердце проваливается куда-то в пятки, а я лечу, лечу куда-то вперед и вниз, точно прыгаю с дерева в длину.

Едва мне на ум пришла эта дурацкая аналогия, как под ногами вновь возникла почва. Именно почва — не мостовая, потому что мостовые не бывают такими мягкими. Налетел холодный ветер, я почувствовала, что дождь сделался гораздо сильнее, — тугие косые струи били по лицу, стекали по мгновенно промокшей и потяжелевшей косе.

Мы стояли на высоком холме, вполне годившемся на роль обиталища фэйри. Далеко на западе я увидела оставленный Межинград; кроме него, я не смогла рассмотреть никаких подробностей. Отчасти так случилось из-за дождя, серой пеленой завесившего окрестности, отчасти же из-за того, что здесь и в самом деле не должно было быть населенных пунктов. По крайней мере, если верить моим географическим познаниям.

Дождь лил как из ведра. Моя тонкая рубашка мигом промокла насквозь; я невольно поежилась — Эгмонт, заметив это, снял свою куртку и накинул ее мне на плечи.

— Зачем? — невольно удивилась я. Что-что, а вот воспаление легких мне точно не грозило.

— Извольте подчиняться, студентка, — отрезал он. — Я все-таки как-никак ваш магистр... Впрочем, — он усмехнулся, — какой я теперь магистр?

— В смысле? — не поняла я.

— Нас с вами выгонят из Академии дня так через два. Когда выяснится, куда мы исчезли. Надеюсь, мой дубль хотя бы два дня, но продержится...

Я уважительно приподняла бровь. На дубля моих сил бы не достало. Максимум, чего я

могла бы добиться, — это совершенно неподвижное существо, лежащее на кровати и с жутко внимательным лицом рассматривающее потолок.

— А куда теперь?

— В Конунгат, разумеется. Если, конечно, нашему клыкастому другу будут там рады.

— Мне-то, я думаю, будут... — Сигурд внимательно посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Эгмонта. — И вам, наверное, тоже. Но до Конунгата надо еще добраться. Меня очень не любит КОВЕН... и еще кое-кто, тоже не самый слабый. Вы точно хотите идти со мной?

Я скорчила рожицу: так, бывало, Полин реагировала на идею сделать уроки.

— Там будет опасно, — помолчав, сказал Сигурд. — Очень опасно.

— Я знал, на что иду, — спокойно ответил маг. — Обратной дороги уже нет. А даже если бы и была...

— А ты? — Сигурд посмотрел на меня. — Сколько тебе лет, Яльга? Семнадцать? Девятнадцать? Такие дороги не для девушек...

Ну, во-первых, я боевая магичка. Во-вторых, мне двадцать. В-третьих, думаю, в Академии вспомнили бы немало примеров того, что дороги для себя я выбираю сама.

Но все это почему-то пришло мне в голову немножко позже.

— Нас трое, — тихо сказала я. — И мы одно. Как же можно иначе?

Сигурд помолчал.

— Ладно, — наконец решительно сказал он. — Я вас предупредил. К тому же нас действительно трое.

Он протянул руку вперед ладонью вверх:

— Я Сигурд дель Арден, волкодлак.

— Нас всегда было трое, — кивнул Эгмонт. Он положил свою руку поверх, точно в детской игре. — Я Эгмонт Рихтер, человек.

— Нас всегда будет трое. — Моя ладонь легла поверх ладоней мага и оборотня, как будто скрепляя эту странную клятву. — Я...

Я запнулась, но все-таки выговорила до конца:

— Я Яльга Леснивецка, полукровка.

Белая вспышка озарила холм; через несколько секунд раздался громовой раскат. Дождь шелестел в траве, серая пелена протянулась от земли к небесам, но небо на востоке уже начинало светлеть. Приближался рассвет, и твари, избежавшие секиры бога Грозы, торопились спрятаться от лучей дневного светила.

Летом светает рано.

Евпатория — Омск

Сентябрь 2007 — июнь 2009

ПОДНЯВШИЙ МЕЧ НА НАШ СОЮЗ

О трилогии Марии Быковой и Ларисы Телятниковой «Удача любит рыжих»

В начале предполагается сказать несколько слов о жанре произведения, авторской стилистике и возможных аналогиях с другими авторами, пишущими в этом жанре, но, честно говоря, в данном случае так поступать не хочется. Первый курс — он как первая любовь; воспоминания могут быть запрятаны где-то далеко, пока золотой ключик не отворит потайную дверь за нарисованным очагом. И совершенно неважно, идет ли речь о первом курсе МГУ или Академии Магических Искусств. Атмосфера остается почти неизменной и в 1982-м, и в 3982 году.

Читатели, несомненно, уже познакомились с Яльгой Ясицей, студенткой факультета боевой магии (привычка сразу же заглядывать в послесловие свойственна очень немногим).

Поэтому будет излишним пересказывать подвиги и похождения этой обаятельной девицы, зато можно порассуждать об именах и терминах. Сначала кое-какая информация о магистре некромантии со звучным именем Шэнди Дэнн. «Это имя рождало во мне какие-то смутные, но упрямые ассоциации, которых я так и не сумела расшифровать», — признается Яльга. В «Региональном путеводителе по колдовским местам Англии и Шотландии» читаем следующее: «Во время правления королевы Виктории в ночь Хеллоуина перед замком Балморал разводили большой костер, куда бросали символическую фигуру старухи по имени Шэнди Дэнн, обвиненной в колдовстве». Теперь немного об эльфах, но не об Эллинге и Яллинге, которые больше похожи на проказливых чертят, а о Келефине и Куругорме, названных в честь «героев седой старины». Справедливости ради стоит отметить, что этих героев звали Куруфин («искусный») и Келегорм по прозвищу Красивый, но с тех пор прошло столько лет, что даже эльфы могли что-то перепутать.

Термин «ковен» вызывает у меня теплые ассоциации еще с 1996 года, когда я перевел «Книгу юной колдуньи» Сильвии Равенвольф. На меня обрушился вал корреспонденции с предложениями от вступления в магическое братство до занятий ченнелингом. Правда, у М. Быковой и Л. Телятниковой КОВЕН представлен как серьезная организация с полицейскими функциями и даже собственной тюрьмой — не чета безобидным ведьминским общинам Новой Эпохи, но я согласен, что с молодежью надо держать ухо востро.

И наконец, о рубрикации в трилогии. Есть что-то необъяснимо привлекательное (возможно, это навеяно воспоминаниями детства) в кратком изложении главы, особенно в виде простых вопросительных или назывных предложений, разделенных тире: «Безумие четырехпалого ленивца. — Куда пропал Сайрус? — Возмездие из-под земли. — Долгожданная развязка». Разве не возникает желание немедленно прочитать главу? То, как авторы нашей трилогии преподносят материал, также выглядит довольно симпатично и придает повествованию уютный, «домашний» вид.

Риторическое отступление приходится завершить неизбежным вопросом, которым вопиет (по выражению авторов) сама конструкция и текст трилогии. Похоже на Гарри Поттера или нет? Отвечаю столь же кратко: нет, не похоже, если не считать тему обучения магии в специализированном учреждении. Дело не только в особенностях национального менталитета, но и в задаче, поставленной авторами. Насколько можно понять, третий роман трилогии не является завершением цикла, и учеба в Академии — лишь один из эпизодов на жизненном пути главной героини, которая в конце концов становится частью единой сущности с волнующей и неопределенной целью. Конечно, в отдельных забавных сценах можно провести параллели с героями поттерианы, но то же самое можно сказать о десятках оригинальных произведений, и еще большой вопрос, кто у кого заимствовал. Вообще, по моему глубокому убеждению, если вложить сопоставимые деньги в издание и экранизацию книг Памелы Траверс, Евы Ибботсон или наших уважаемых авторов, то юный волшебник Гарри отдохнет всерьез и надолго. Беда лишь в том, что Саураново око мировой индустрии развлечений ищет только усредненные проекты.

Теперь о приятном, то есть о том, что понравилось или очень понравилось. Конечно же это атмосфера студенческой жизни на первом курсе, хотя по бесшабашности некоторых проделок уместнее было бы говорить о третьем или четвертом курсе. Визит на крышу корпуса с обозрением городских просторов полностью совпадает с вылазками на крышу МГУ из угловых башенок общежития (за исключением волка Фенрира, в столице тоже можно увидеть весьма странных существ). Картежные игры на деньги или желание тоже хорошо памятно, но, кроме проигранных обедов, авторы нашли замечательный ход, когда Яльга устраивает сводный хор и сын герцога Ривендейла, чьей шпагой она дирижирует, скачет под песенку: «На зеленой солнечной опушке // прыгают зеленые лягушки // и порхают бабочки-подружки, // расцветает все кругом». Кто не знает или забыл, посмотрите мультфильм «Паровозик из Ромашкова», чтобы уловить суть. Кстати, потом авторы изящно проходятся по цитате из «Властелина Колец» слоганом из старого доброго мультика «Я подарю тебе звезду» («Светом нетленным будет она озарять нам путь в бесконечность...»),

что свидетельствует о хорошем знании советской анимации.

Некоторые эпизоды заслуживают отдельной похвалы. Прежде всего это создание мгымбра Гренделя (Кренделя) со всеми вытекающими последствиями. Сей живописный персонаж до своего переселения в студенческую газету натворил немало такого, что хочется поближе познакомиться с особенностями и повадками представителей данного вида, чтобы безошибочно распознавать их, когда они маскируются под людей. Даже двадцать четыре разновидности мгымбров не могут остановить дотошного исследователя волшебных созданий, включая некромантические особи.

Другой своеобразный шедевр — это монстрик, которого Яльга достает из-за межмировой стены на испытании некромантов в КОВЕНе. Даже не сам монстрик (крокозябр полиморфный обыкновенный, что с него возьмешь), а его описание с наглядной демонстрацией, проведенное усердной студенткой Ясицей. Перечисление достоинств хрюкальца, хавальца и хапальца, даже с пропущенным мявальцем, производит неизгладимое впечатление не только на профессорскую коллегия, но и на читателей. Кстати, это очень кинематографичный эпизод.

Помимо нормального живого юмора в трилогии встречаются фразы, которые рано или поздно обязательно пойдут в народ. Это не только бытующие в студенческой среде вроде «режим, тако же рекомый распорядком дня, есмь дело, зело необходимое для каждого студента, а особливо для женского полу, ибо женщины суть существа нежные и ранимые...», но и вневозрастные перлы, например, «у некроманта и лекаря методы в принципе одни и те же и цель одна: поднять клиента на ноги». Благодаря им книга вполне может рассчитывать на приз зрительских / читательских симпатий, сходный с тем, который Яльга завоевала на риторическом турнире.

О серьезном. Текст хорошо проработан как по сюжетной линии, так и по основным эпизодам. Нет ощущения жесткости, но вместе с тем нет и расплывчатости или бессвязности, когда автор явно задумывается над тем, чего бы еще написать. Конечно, главная героиня не ставит перед собой и остальными философских вопросов и не рассуждает о природе магии или о тайнах бытия, но чего вы хотите от первокурсницы — вспомните себя в этом возрасте, если имеется такой опыт.

Тем не менее в трилогии имеется хорошо угадываемый второй план, который проступает наружу в заключительных главах, где над милыми студенческими шалостями начинает преобладать нечто более весомое. Прелюдией к этому служит большой эпизод с «вынужденной практикой на природе», где герои попадают в магический вариант Бермудского треугольника и сталкиваются с неведомыми силами, а повествование приобретает форму квеста с прохождением различных ловушек и преодолением препятствий. По возвращении оказывается, что дело это секретное и непростое, можно сказать, государственного значения, но даже пережитые злоключения бледнеют на фоне новой тайны, открывшейся студентке Ясице. Теперь уже в лучших традициях мистического фэнтези она понимает, что ее связь с магистром Эгмонтом Рихтером, окутанная легким романтическим флером, была совсем неслучайной. Надо полагать, что, вызволив вместе с ним оборотня Сигурда из тюрьмы КОВЕНа, она поставила крест на своей дальнейшей учебе и открыла новый жизненный горизонт — но для чего? Для того, чтобы разобраться в загадке Слепого Треугольника? Для борьбы с пробуждающимися силами разрушения? Или для того, чтобы утратить свою индивидуальность в новой триединной сущности? Впрочем, это вряд ли. Такие вопросы лучше переадресовать авторам и констатировать, что неизбежное случается, причем довольно часто.

Естественно, многое осталось за кадром, но у меня складывается впечатление, что в российском фэнтези появился новый жизнеспособный персонаж, имеющий все шансы побороться за благосклонность читателей. Хотелось бы, чтобы эти усилия увенчались успехом и мы получили бы яркий многогранный образ, не похожий ни на что другое. Известно, что некоторые фантасты занимаются «прокачкой» своих героев от одного романа к следующему в полном соответствии с правилами компьютерных игр. Так вот, настоящие

герои нуждаются не в «прокачке», а в постепенном обретении мудрости и человечности, как это происходит у людей, достойных называться людьми. Пока у Яльги Ясицы с этим все в порядке; посмотрим, что будет, когда она немного повзрослеет. Шопенгауэр придумал, Артур Мейчен развил, а Пол Андерсон с коллегами по цеху неоднократно воплотил идею о том, что сила богов и героев угасает и пропадает, по мере того как люди отвращают внимание от них. Думаю, намек понятен: коллективное намерение читателей может вознести героя к сияющим высотам или низвергнуть его в прах. Выбирайте сами.

Остается лишь пожелать авторам дальнейших успехов и завершить этот набросок к их творчеству строками великого поэта древности Гум-ил-Лева (другие его стихи они цитируют в своем произведении):

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,
Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кошунственно искал все новых откровений.

Упреки льстивые и гул мольбы хвалебной
Равно для творческой святыни непотребны.
Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

Полный вариант см. в магическом сборнике «Огненный столп» (1921, доступен в разных изданиях). Дерзайте!

Кирилл САВЕЛЬЕВ